PUBLIC LIBRARY BOSTON
THE TRVSTEES OF THE PVBLIC LIBRARY
OF THE CITY OF BOSTON
1852 : 1878
OMNIVM LVX CIVIVM

BOSTON PUBLIC LIBRARY
THE TRVSTEES OF THE PVBLIC LIBRARY OMNIVM LVX CIVIVM
OF THE CITY OF · BOSTON · 1852 · 1878

Книгоиздательство „ПРАВО и ЖИЗНЬ“

под общей редакцией

профессоров **А. М. Винавера, М. Н. Гернета и А. Н. Трайнина.**

ПРЕСТУПНЫЙ МИР МОСКВЫ.

СБОРНИК СТАТЕЙ:

А. М. Ароновича,
Н. Н. Гедеонова,
М. Н. Гернета,
Е. К. Краснушкина,
В. И. Куфаева,
А. Е. Петровой,
Д. П. Родина,
Л. А. Скляра,
С. А. Укше,
В. Р. Якубсона.

С фотографиями, рисунками и диаграммами.

Под редакцией и с предисловием
проф. **М. Н. Гернета.**

Издано по соглашению с Кабинетом по изучению личности преступника и преступности.

Издательство „ПРАВО и ЖИЗНЬ“.
Ул. Кропоткина (б. Пречистенка), 17. Телефон 1-63-64.
МОСКВА—1924.

Столицы и большие города—главное русло течения преступности страны. Мы говорим „главное русло“ потому, что они всегда и везде были не только сосредоточием в них значительной части преступности всей страны, но и местом, где некоторые формы преступности находили свою излюбленную „резиденцию“ или куда они прибывали, чтобы „блеснуть“ здесь своим особым блеском, своею изобретательностью, своею нередкою чудовищностью и удивить даже и тех, кто привык ко всяким видам и кого, казалось, более уже ничем не удивишь.

Именно поэтому изучение преступности в столицах приобретает большое практическое значение. Выпуклые формы, в которые она выливается здесь, отмечаемый нами ее мишурный блеск позволяют нам скорее, легче и полнее увидеть ее и, изучив ее, принять надлежащие меры для борьбы с нею.

Но этим практическое значение ее изучения не исчерпывается. Столицы не редко бывают ареною, где впервые дебютируют новые преступления или новые способы их совершения, чтобы затем перекочевать и в другие места страны.

Преступность каждой страны имеет свою историю, своих „прославленных героев“, записавших свои имена на ее страницы. Убийцы писали их кровью, растлители, насилователи—грязью, мошенники—золотом, но чем бы они не писали их, многие из них остаются нестертыми рядом долгих прошедших лет и красуются в памяти широких кругов населения с такою свежестью и яркостью, как будто они сделаны вчера или третьего дня. Правда, некоторые „славные“ имена преступников потускнели в „блеске“ других более поздних имен. Некоторые совсем выцвели. Однако, книга истории преступности с каждым годом становится все обширнее и богаче своим содержанием.

Если „личность не делает истории“, то наибольшая часть истории преступности каждой страны написана не теми или другими ее героями, а безыменною массою, тою серою арестанскою массою, имя которой на языке самих русских преступников—„шпана“. Она ничем не блещет, ничем не поражает. Она только давит своею численностью. Ее удел очень скромен: давать лишь общий тон картине

преступности, на котором становится особенно заметным всякий, кто выделяется теми или другими чертами своей индивидуальности.

Безыменная, но тем не менее „великая“ своими размерами, безцветная, но тем не менее слишком заметная по своей величине, повседневная преступность „шпаны“ создает не толко один фон картины преступности. Именно она определяет общий характер отношения закона, власти и самого населения к преступности. При современных условиях войны, когда не остается места для проявления индивидуальности и для единоборства, все внимание борьбы сосредоточивается не на вождях-командирах, а на всей массе. Точно также и при современной борьбе с преступностью основною задачею является оттеснить натиск всей армии преступности, сдержать ее напор: борьба же с теми, кто выделился из ее рядов, составляет лишь отдельные эпизоды сражения, отнюдь не определяющие общего характера обороны и атаки.

Если борьба с преступностью сосредоточивает свое преимущественное внимание и свои главные усилия не на „героях“, а на всей массе преступников, то научный интерес, представляемый теми и другими, далеко не одинаков. Герои влекут к себе наше внимание особенностями их индивидуальности, их психологии, масса и „толпа“, в которой стирается все личное, индивидуальное, ставит перед нами задачу проследить социальные законы ее образования, разобраться в ее составе, проявить ее облик и зафиксировать его.

Но лишь сочетание этих обоих методов изучения как отдельных представителей преступного мира, так и всего его в целом, может дать нам правильное представление о всей преступности столицы и большого города. В работах, посвященных ознакомлению с теми или другими преступниками, неизбежно становится на первое место психологический мемент. Изучение же всей преступности столицы достигается по преимуществу с помощью уголовной статистики, посредством построения различных комбинированных таблиц из тех же цифровых итогов, которые собирает повсюду существующий учет преступности или которые давали специально организованные переписи заключенных в столичные

тюрьмы. Кроме статистического метода при изучении всей преступности большого города мы встречаемся с работами чисто описательного характера, авторы которых знакомят читателей с условиями жизни преступного мира, его взглядами, обычаями, приемами совершения преступлений и т. п.

В существующей обширной литературе о преступности большого города мы встречаемся со всеми указанными нами методами исследования, но лишь с тем или другим из них в отдельности, а не в том или другом сочетании и пополнении одним другого.

Существующая литература вопроса—почти исключительно на иностранных языках и обыкновенно известна только у себя на родине[1]). Даже и в тех случаях, когда некоторые исследования преступного мира той или другой столицы в виду особого их интереса захватывали огромные круги читателей, они остались непереведенными на другие языки и поэтому не выходили за границы данной страны. А между тем преступность столиц различных государств имеет так много общих или весьма сходных между собою черт, что теряет узкий национальный характер и приобретает взамен него международный. Когда мы говорим это, мы имеем в виду не только окончательные итоги кропотливых кабинетных работ статистического характера, но и описание тех, кто делится с нами своими впечатлениями о жизни преступного мира. Когда мы читаем полные интереса страницы Клегера, очевидца жизни мира нищеты и преступности Вены, когда мы целиком захвачены описаниями Гюйо из его книги о преступном Париже, Бернальдо Квироса и Агуиланиедо о преступности и проституции в столице Испании—Мадриде, Ничефоро и Сигиле о преступности в столице Италии—Риме, мы всюду видим перед собой одни и те же картины и нам становится понятным почему авторы, отделенные один от другого громадными пространствами, иногда

---

[1]) Klaeger E. Durch die Wiener Quartiere des Elands und Verbrechens. Wien 1908, 179 стр. Guillot A. Paris qui souffre 1890, 499 стр. De Quiros B. Aguilaniedo. La mala vita in Madrido 401, 363 стр. имеется немецкий перевод—Verbrechertum und Prostitution in Madrid. Cutrera. La mala vita in Palermo 1900, 89 стр. Bader. Wiener Verbrecher (Grosstadt Dokument) Berlin 134 стр. Bérara. La criminalité à Lyon 1886.

кроме того и целым рядом лет, но живущие в столицах той или другой страны, без „предварительного между собой соглашения“, давали каждый своему труду о преступности сходные названия: Клегер назвал его: „По логовищам нищеты и преступления Вены“, Гюйо, прежде чем написать на обложке своей книги слова „Тюрьмы и заключенные Парижа“, написал над ними другие слова „Страдающий Париж“, а Ничефоро и Сигеле подчеркивают в своей книге о преступности в Риме слова, найденные ими начертанными чьею-то рукой на стене грязной и сырой квартиры подвального этажа „Голод и Каторжные работы“.... Кто начертал их рядом—неизвестно. Но, написанные углем на грязной стене, не горят ли они пламенем, как грозные слова „манес, факел, фарес“? И как те библейские слова предвещали гибель царства, не вещают ли и они гибель того социального строя, который весь, сверху до низу, построен на эксплоатации слабого сильным, голодного—сытым, труда—праздным бездельем? Мы в этом нисколько не сомневаемся.

Статистические исследования установили различие преступности столиц и больших городов от преступности всей страны и других городов. Таковы работы Принцинга, Росса [1]) и наши. Не возвращаясь к приведенным нами в одной из наших работ цифрам, мы ограничиваемся лишь воспроизведением здесь наших выводов о преступности в больших иностранных и русских городах. Такие города являются очагами преступности. В них более всего воруют, мошенничают, насилуют, в них чаще всего совершают посягательства на государственный строй, общественный порядок и нарушения служебного долга. И не удивительно. Переполненные народом улицы, набитые посетителями магазины, театры, сутолока у мест посадки на трамваи, омнибусы, пароходы, подземные и круговые железнодорожные вагоны, все это создает благоприятные условия для совершения карманных краж. Развитой торговый оборот больших городов с их биржами, колоссами-магазинами и

[1]) Prinzing Fr. Soziale Faktoren der Kriminalität. Zeitschr. f. d. ges. Str.—Wissensch. 1902—22 B. 561—588.

Roos. La criminalité des grandes villes et l'influence du principe d'opportunité sur la géographie de la criminalité. Bul. de l'Inst. intern. de Stat. 4—8 sept. 1911. La Haye, 19 vol., 1 livr.

безостановочным уличным торгом и всякими рынками создают ту атмосферу спекуляции, которая способствует процветанию мошенничества. Являясь центрами политической жизни страны, крупные города собирают в себе политических деятелей и становятся ареной политической борьбы. Сосредоточивая в себе многочисленные административные учреждения со многими тысячами служащих, крупные города являются вместе с тем и местами наибольшей преступности по службе. Наконец, они же благоприятствуют увеличению половой преступности: масса пришлого и наезжего элемента, скученные квартиры бедноты, проституция, открытая и замаскированная, пресыщенность изведавших все виды порока кутил и прожигателей жизни—все это неизбежно повышает половую преступность города современного Вавилона, Содома и Гомморы [1]).

Вот почему, например, по данным бельгийской уголовной статистики 1908—1912 г. г., в крупных городах мошенников осуждено в шесть раз более, чем в небольших, за половые преступления в три раза более, за воровство почти в два раза более и т. д.

Чтобы выделиться из всей массы столичной преступности того или другого вида, подняться на самые верхи иерархической лестницы преступного мира, стать общепризнанным королем воров, мошенников или какой-либо другой группы преступников, надо, по истине, обладать настоящими талантами. Но, как и подобает королям, прославленные мошенники, воры, убийцы, насилователи короновались всегда в столицах. Величайшая в мире мошенница (по крайней мере из числа осужденных) Тереза Эмбер [2]), в продолжении 17 лет жившая в полной роскоши на проценты от своих бесчисленных и поразительных по ловкости обманов, принимавшая в своих салонах президента республики, министров, сенаторов и послов, делала свои крупные „дела“ именно в Париже. Прославленная игуменья Митрофания подвизалась в Москве, в больших же городах искала своих жертв ставшая исторической Сонька-Золотая ручка. Украсивший своими подвигами

[1]) См. Моральную статистику. 1922 г. § 49.
[2]) Величайшее мошенничество XIX века. Дело Эмбер. М. 1904 г. 747 стр.

историю не только русской, но и мировой преступности Комаров совершил все свои убийства в Москве. Стоит взять в руки и перелистать любой том с отчетами о судебных процессах по заставившим говорить о себе преступлениям, и перед нами начнет проходить длинный ряд героев и героинь почти исключительно столичных судов [1]). Не даром проф. Бенедикт, задумавший писать очерки о выдающихся преступниках, дал своим этюдам заглавие: „Великие преступники Вены". Имя „великих", оказывается, досталось только тем, кто избирал местом своей преступной деятельности столицу: „большому кораблю—и большое плавание".

В этом сборнике статей читатель встретится с применением авторами обоих названных нами выше методов изучения преступного мира—массового обследования и индивидуального наблюдения. Удачная возможность сочетания этих обоих методов явилась не простою случайностью, а входила в самый план работ и служит самою характерною чертою научной деятельности вновь возникшего в Москве учреждения первого в России и одного из первых в Европе по времени своего возникновения—кабинета по изучению личности преступника и преступности.

Весною 1923 г. один из членов Президиума Московского Совета В. Л. Орлеанский (тогда начальник административного отдела этого Совета) обратился к группе московских ученых, представителей различных научных специальностей (криминологии, психиатрии, антропологии, статистики) и к некоторым практическим деятелям из Москздравотдела и административного отдела, работавшим в области борьбы с преступностью, с интересным предложением. Он поделился с собравшимися своими мыслями о важности в целях наиболее успешной борьбы с преступностью в Москве всестороннего научного

[1]) Таких сборников имеется весьма большое число. Надо удивляться и жалеть, что они, находя распространение в кругах любителей «легкого» чтения и сенсационных романов, не привлекали к себе должного внимания ученых криминалистов, психологов и психиатров. Но мы думаем, что еще придет время, когда к этим материалам подойдут и с глубоким научным интересом и с научными запросами. Из таких изданий на русском языке мы назовем лишь несколько более богатых содержанием; Стенографические отчеты Ткачевой, Замечат. уголовн. дела Пет. 1870 г. Любавский Рус. уголовн. проц. М. Изд. Скорова. Сборники речей А. Ф. Кони, Карабчевского, Плевако, Хартулари, Спасовича и др.

ознакомления с преступным миром столицы. Он видел средства такого ознакомления в производстве широкого анкетного обследования содержавшихся во всех арестных домах г. Москвы. При таком обследовании каждый арестованный должен был проходить через руки криминалиста-социолога, врача-психиатра и антрополога. Результаты всестороннего научного ознакомления с личностью опрашиваемого, его прошлым и совершенным им преступлением, проверенные справками из дела о нем в арестном доме, должны были заноситься на специальный бланк обследования, а собранные материалы должны были подлежать обработке специалистов ввиде статей для напечатания их в особом сборнике. Мысль о непосредственном изучении разнообразных представителей преступного мира была встречена всеми присутствовавшими с горячим сочувствием. И не удивительно. Ведь это был первый случай, когда коллективная ученая русская мысль получала возможность свободного доступа для работы внутри тюремных стен над содержавшимися по обвинению в тех разнообразных преступлениях, которыми так богата столица, над ворами, мошенниками, убийцами, бандитами, самогонщиками и многими другими. Предложение обследования было принято, была образована организационная комиссия по выработке анкеты и плана ее производства, и работа закипела. Выработанная и отпечатанная анкета заключила в себе три части: 1) социально-криминологическую по изучению социальной среды преступника в самом широком смысле этого слова и инкриминируемого преступления, 2) психиатрическую и 3) антропологическую. Но по трудности найти соответствующее количество работников для производства всех предположенных антропологических измерений, эта последняя часть обследования осталась непроизведенною. Криминально-социологическое и психиатрическое обследования производились под соответствующим руководством социологов и психиатров, первое студентами факультета общественных наук 1-го Госуд. Москов. Универ., второе же частью молодыми врачами, студентами медиками, а частью инструктированными психиатром студентами того же факультета обществен. наук, слушателями курса судебной психиатрии.

Итак, выработка программы обследования представителями различных научных специальностей, собирание материалов под их же непосредственным руководством студентами и врачами, гарантировали ценность собиравшихся материалов. Эта ценность возрастала еще более вследствие того глубочайшего интереса, который всецело захватил в процессе работы всех участников обследования. Около 150 студентов и студенток факультета Общественных Наук отдавались этой работе, не жалея ни времени, ни сил, не стесняясь расстояниями, которые приходилось проходить, ни условиями работы, не всегда стоявшими на высоте скромных требований удобства. Но ни достоинства самой анкеты, ни усердие и интерес самих безкорыстных работников не поставили бы собранные материалы на должную высоту, если бы обследователям не удалось внушить к себе со стороны обследуемых заключенных в громадном большинстве случаев (мы могли бы сказать почти всегда, кроме единичных исключений) самого полного доверия. Очень быстро опрашиваемые уяснили себе, что обследование не преследует никаких целей облегчения или отягчения участи каждого из них, что здесь ставится лишь одна задача чисто научного содержания. И на страницах наших анкет появились записи-исповеди о таких совершенных в прошлом преступлениях, которые никогда не делались известными следственным органам и судебной власти. Статистическая обработка полученных ответов, когда построение комбинационных таблиц играло роль перекрестного допроса на судебном следствии, показала с полною ясностью отсутствие лжи и правдивость ответов заключенных. Не даром одна из опрашиваемых, рецидивистка-воровка и проститутка, говорила своей соседке по опросу, обадривая ее: „говори всю правду: люди учатся“. Под этим флагом „для науки“ и прошло все обследование. Когда оно закончилось, все анкеты были собраны и участники обследования представили мне, как преподавателю факультета обществ. наук, доклады с результатами произведенной каждым из них работы и со своими впечатлениями, я испытывал громадное удовольствие, перечитывая эти то очень обширные, то краткие отчеты: я видел, что непосредственное знакомство с разнообразными

и многочисленными нарушителями запретов уголовного закона и с условиями, приведшими их к преступлению, оставило глубокий след в их мысли, раскрыло перед ними новые перспективы, породило новое отношение к преступлению и борьбе с ним. Мы уверены, что эти первые встречи будущих практических работников в области юстиции с преступным миром останутся им памятными и помогут им скорее и полнее провести в жизнь лозунг, изложенный в 26 ст. Уголовного Кодекса РСФСР: „являясь мерой оборонительной, наказание должно быть целесообразно и в то же время совершенно лишено признаков мучительства и не должно причинять преступнику бесполезных и лишних страданий".

Статистическая обработка собранных материалов дала возможность авторам статей этого сборника сосредоточить свое внимание на тех представителях преступного мира, которым посвящены отдельные статьи сборника и к которым мы вернемся ниже.

Но был еще один результат апрельского и майского обследования населения арестных домов 1923 г. В том же году и, по инициативе того же В. Л. Орлеанского, постановлением Президиума Московского Совета было решено учредить Кабинет по изучению личности преступника и преступности. Вместо эпизодического—изучение преступности г. Москвы должно теперь стать постоянным. Вместо только социологического и психиатрического обследование должно стать и стало также психологическим и антропологическим. Вместо кратковременного ознакомления с заключенными в обстановке того или другого арестного дома теперь производится подробное и длительное его изучение в специальной криминологической клинике (быв. Арбатский арестный дом), куда направляются избранные для обследования суб'екты, по желанию Кабинета, и где они находятся под постоянным наблюдением особых наблюдателей (с высшим образованием 4 жен. и 2 муж.). На еженедельных конференциях нашего Кабинета демонстрируются изученные обвиняемые с подробными докладами каждый раз криминалиста-социолога, психиатра, психолога и антрополога. На этих же конференциях делаются доклады и на различные темы по вопросам изучения

преступности. Из докладов первого рода в этом сборнике помещен сделанный в Кабинете доклад члена Кабинета психолога А. Е. Петровой об Е-ой, обвиняемой в отрезании полового органа у своего мужа, а из докладов второго типа—доклад автора этих строк о татуировке у преступников. В настоящее время Научный Кабинет переведен из ведения Административного отдела в отдел врачебной инспекции мест заключения при Москздравотделе, и его деятельность расширена предоставлением ему возможности производить свои обследования, кроме своей криминологической клиники, также и в других местах заключения г. Москвы. Но подробнее о Кабинете будет сказано в подготовляемом к печати выпуске трудов его. Немногое же сказанное нами выше мы-считали необходимым отметить в предисловии к этому сборнику, так как его содержание тесно связано с работою нового научного учреждения того типа, который еще только нарождается за-границей и вопрос о котором лишь впервые поставлен в программу собирающегося в предстоящем 1925 году в Лондоне международного пенитенциарного конгресса.

Настоящий сборник статей, включающий в себя результаты разработки материалов обследования арестных домов 1923 г. и доклады членов Кабинета, посвящен исследованию преступности в Москве наших дней. Но прежде чем говорить о настоящем, автор этого предисловия считает полезным заглянуть в прошлое, так как современный преступный мир Москвы отнюдь не новорожденное детище 1923—24 г.г., наоборот, возраст этого преступного мира—очень почтенный, и настоящее есть в наибольшей своей части наследие прошлого и иногда далекого прошлого. Вот почему интересно заглянуть в это прошлое, хотя бы и не столь давнее. Так как в наши задачи не входило превращаться в археолога, то мы решили не углубляться далее столетнего периода.

О преступности в Москве за тридцатые годы прошлого века мы узнаем из рукописи, хранящейся в библиотеке Центрального Статистического Управления. Она носит название: „Сравнительные статистические таблицы о происшествиях между столицами С.-Петербургом и Москвою“ и содержит в себе отчет по министерству внутренних дел о количестве

преступлений в каждом из названных городов. Сообщаемые в отчете цифры безусловно далеко не всегда правильны, так как иногда слишком бросается в глаза резкая разница в количестве одних и тех же преступлений в обеих столицах, но тем не менее некоторые страницы этой каллиграфически переписанной рукописи с золотым обрезом, в старом кожанном переплете, представляют несомненный интерес. Преступность Москвы 30-ых годов, с ее тогда еще мало развитою жизнью, дворянскими усадьбами на Поварской, Пречистенке и Арбате, наполненными „дворовыми-крепостными", очень мало походила на преступность других европейских столиц того времени. Население ее, равнявшееся в 1811 г. 270,000, росло очень медленно и даже в 1873 г. достигло всего 352,000 чел. Обитатели этих особняков жили в них, как в крепостях, еще без всякого почти риску стать жертвами каких-нибудь преступлений. Просматривая Московскую газету того времени „Московские Ведомости", мы за период 1820—1850-ых годов не находим в ней совершенно отдела с хроникою городских происшествий в виде различных преступлений, самоубийств и несчастных случаев. Это, конечно, не означает, что Москва не знала в те годы преступлений, но это показывает, что стоящий у власти класс еще очень мало сам страдал от нарушителей уголовного закона. И в самом деле, среди почти сотни убитых в Москве за пять лет 1824—1838 г. (95 чел.), на долю дворянского сословия пришлось всего двое убитых, на долю купцов, мещан, свободных людей—14, на солдат—6, а крестьян—73. Поэтому не было и спроса со стороны читателя—помещика, читателя—чиновника, читателя—офицера из тех же дворян, на появившиеся много позднее описания убийств, грабежей, краж, без сообщения о которых самое существование газеты становилось также немыслимым, как и жизнь столицы без преступлений, без самоубийств. У Московского читателя того времени был другой спрос: на новости о придворной жизни, движении по службе, о событиях, имевших место заграницею и т. п. Вот почему вместо хроники убийств и краж, в Москве мы находим, например, в январьском номере „Москов. Ведом." за 1840 г. (№ 1, стр. 7) приятное для ума и

сердца московского читателя сообщение дословно следующего содержания: „Один лорд, известный Лондонский гастроном, изобрел особого рода часы с колокольчиком для варки яиц в смятку". Далее заметка совершенно серьезно сообщает, что при помощи этого изобретения повар не будет переваривать рыбу и пережаривать ростбиф.... В этой же газете за 1820 г. сообщается с такою же серьезностью в разделе „Научные Новости" о другом изобретении также по части гастрономии: француз из Нанси изобрел способ приготовлять сахар из „рваных тряпок"... Мне было смешно, когда после долгих и тщетных поисков „криминальных" происшествий в Москве, найдя, наконец, заметку о краже и покушении на самоубийство (Моск. Ведомости 1820 г. янв. № 1, стр. 11), я увидел, что она относится к Парижу, и что о покушении на самоубийство служанки, „пойманной в небольшой краже" и „с отчаяния бросившейся из 4-го этажа на мостовую Парижа" сообщается только потому, что этот прыжок с 4-го этажа оказался чудесным образом не смертельным. Если бы она разбилась на смерть, конечно, она не удостоилась бы чести быть помянутой на страницах московской газеты: читатели стояли слишком далеко от мира тех, кем у себя, в России, они владели на правах собственности и о продаже которых в розницу и оптом они публиковали на страницах той же газеты на ряду с об'явлением о продаже карет, жеребцов, породистых собак и проч.

Указанная нами сумма 95 убитых за пять лет составилась из нескольких слагаемых и самым большим было число убитых новорожденных—52 ребенка. Таким образом на взрослых пришлось менее половины всего числа убитых—27 мужчин и 16 жен. Убитые младенцы все были так называемыми „приблудными", „незаконнорожденными". Они были такими же жертвами их матерей, как сами матери — жертвами беспощадно осуждавшего их общественного мнения. В сообщениях о найденных детских трупах бросается в глаза особенность, которой не знает более позднее время и которая также в этих случаях детоубийства говорит о примитивности, патриархальности столичного населения, недалеко ушедшего от деревни: детские трупы находили себе могилы

еще не в отхожих местах и выгребных ямах, как это стало обычным явлением позднее; нет, их подбрасывают на кладбища, ко входу в церковь, у колокольни, на церковную паперть, не только завернутыми в тряпки, тафгу, положенными в кулек, в ящик, но даже положенными в гробики (пять случаев).

Примитивность сказывается и в способах совершения убийства: среди 95 убитых не оказалось ни одного застреленного, но 47 удавленных, 19 изрубленных, 9 утопленных, 15 убитых поленом, гирею, палкою и т. п. и пять отравленных. Убийства взрослых были совершены с целью ограбления, изнасилования и в драке.

Более полный и достоверный материал о преступности в Москве дают отчеты московских обер-полицмейстеров. Нам удалось найти их за 1839, 1840, 1842, 1843, 1846 и 1847 г.г. [1]). Эти отчеты составлены не по оданаковой программе. Все они дают сведения о движении за год числа заключенных по различным московским тюрьмам, а два последних кроме того сообщают „ведомость о следственных делах, находившихся в производстве Московской полиции“ с обозначением того преступления, которое ставилось в вину. Кроме того, отчеты отдельно сообщают о наиболее выдающихся случаях преступлений за отчетный год. Для нас представляют интерес все эти сведения, но, не воспроизводя подробных сводных таблиц, составленных нами на основании этих отчетов, мы ограничимся сообщением лишь некоторых итогов, которые проливают свет на преступность Москвы в прошлом.

Москва и в те годы была центром, через который проходили в далекую Сибирскую ссылку приговоренные за более тяжелые преступления, а также высылавшиеся в административном порядке. Для этой категории „преступного люда“ была предназначена особая тюрьма—Московский Пересыльный Замок. Он стоял высоко над Москвою на Воробьевых горах против Девичьего монастыря на том самом месте, где Александром I-ым был заложен в память победы над французами „Храм Спасителя“ [2]). Так как техники-архитекторы и

[1]) Отчеты Моск. Обер-Полицмейстера М. за 1839, 1840, 42, 43, 46 и 47 г.г.
[2]) *А. Ф Кони.* Федор Петрович Гааз. 1897 г. 41 стр.

подрядчики при постройке этого „божьего храма“ воровали совсем „безбожно“, и зодчий был отдан под суд, то постройка была отменена и вместо проектированного молодым художником Витбергом громадного храма из трех этажей: 1) полутемной колоссальной гробницы для убитых в войне (царство смерти), 2) светлого и богато украшенного „храма жизни“ и 3) „храма духа“ (строгий прозрачный громадный купол),— вместо всего этого из навезенного материала воздвигли „Мертвый Дом“ для каторжан и ссыльных, без света и воздуха. Здесь ежедневно находилось несколько сот заключенных (от 267 до 424 на 1 янв. за указанные нами годы) [1]). Ворота этой тюрьмы открывались раз в неделю и выпускали для отправки пешком в Сибирь партию в сто и более человек то в ручных и ножных кандалах, то прикованных за руку к длинному железному пруту, как будто нанизанных на него [2]). За весь год через Московский Пересыльный Замок, куда направлялись предназначенные в ссылку из 24 губерний, проходило от 6071 (1847 г.) до 12,832 (1839 г.) человек. Но из этой массы совершившие преступления в пределах самой Москвы и даже Московской губ. составляли небольшую часть. Некоторые указания на величину этой доли мы находим в работе Анучина „Материалы уголовной статистики“ о проценте ссыльных за 1827—1846 г.г. Из всей Московской губ. за эти 20 лет было сослано в Сибирь: за убийство 232 муж. и 47 жен., за разбой и грабеж 96 м. и 1 жен., за воровство 1170 м. и 93 ж., за бродяжничество 988 м. и 330 ж., т. е. таким образом в среднем на год приходилось сосланных за преступления, совершенные в Москве или Московской губ., обоего пола всего 14 за убийство, 4 человека за разбой и грабеж, 63 за воровство, и почти столько же за бродяжничество [3]). Впрочем, население Московского Пересыльного Замка не исчерпывалось этими преступниками. Отсюда шли в Сибирь за целый ряд и других преступлений, в том числе даже за покушение на самоубийство и просто за дурное поведение „по воле помещиков“ (из Моск. губ. 419 м. и 208 ж. за 1827—1846 г.г.).

[1]) Отчеты Москов. Обер-Полицмейстера за 1839, 1840 и др. указ. годы.

[2]) *А. Ф. Кони.* Федор Петрович Гааз. См. о борьбе д-ра Гааза сэтим. прутом 43 стр. и след.

[3]) *Анучин.* Материалы угол. стат. России. Тобольск. 1865, 149 стр. и сл.

Другими местами заключения в Москве в те годы были: губернский Замок, Смирительный Дом, Временная Тюрьма, Рабочий Дом и арестные помещения при полиции, носившие тогда название „Частных Домов".

Московский Губернский Замок помещался в нынешних „Бутырках". А. Ф. Кони в своем очерке о докторе Гаазе приводит слова арестантской песни: „Меж Бутырской и Тверской, там стоят четыре башни,—в середине большой дом, где крест-накрест коридоры, и народ сидит—все воры" [1]). В одной из этих башен был еще заточен Пугачев.

В Губернском Замке содержалась главная масса московских преступников. Число арестантов в этом Замке колебалось между 621 и 883 челов. (на 1 янв. в период рассматриваемых нами лет), число же поступивших сюда за год между 2232 и 8849 челов.

Во временной тюрьме содержались подследственные (наибольшее число их было в 1839 г.—4383 чел.) и должники за неуплату долга. Арестное помещение для этих неоплатных должников носило название „Ямы". Перелистывая „Московские Ведомости" за 1864 г. мы нашли заметку об этой „Яме": „Знаменитая Яма", в которой при царях содержали разных редких зверей, а в наши дни до 16 дек. 1863 г. помещались лица, арестованные за неисправный платеж долгов, этой „Ямы" более не существует [2]). На характер этой тюрьмы указывает самое оригинальное ее название. Если ранее в ней содержались редкостные звери, то неоплатные должники, эти преступники растущего торгового оборота, были в ней совсем не редкими гостями: в некоторые годы их проходило через „Яму" более 500 чел. (566 чел. в 1840 г.).

Сто или даже двести с лишним человек содержалось в Смирительном Доме ежедневно, а поступало в него от 500 до 800 чел. в год.

В Работный Дом заключались нищие. Средне-суточное число их по различным годам резко менялась, очевидно, в зависимости от интенсивности борьбы с нищенством посредством тюрьмы и, падая до 297 в 1839, достигло 907 в 1842 г. (в этом году сюда было направлено наибольшее число 5985 нищих).

[1]) Эта песня полностью напечатана в собрании Гартвельда: „Песни каторги". Издан. „Польза" Универс. библ. № 571, 28 стр.

[2]) Москв. Ведом. 1864 г. № 6.

Само собою разумеется, что самая большая пропускная способность была в полицейских частях или, как их тогда называли, в „Частных Домах“. Сюда попадали задержанные за воровство, прошение милостыни, драки и проч. Общее число их за год колебалось в пределах 22—30 тыс. Наибольшее количество задержанных приходилось за пьянство— более трети всех арестованных, за ними шли нищие, число которых иногда превышало 6500, за мелкие маловажные проступки арестовывалось за год свыше 3000 чел., за воровство 1200—2000 чел., за драки 700—1500 ч., за бесписьменность 1200—2000 чел., за грубости 900—1900 чел., за уголовные преступления 500—1700 чел.[1]).

Стоит ли нам подчеркивать, что вся масса преступников составлялась почти исключительно из крестьян и мещан. Об этом прямо говорит отчет Московского Обер-Полицмейстера за 1847 г. Указывая на большое число краж в Москве, этот отчет грозно указует перстом на виновников этих краж— на крестьян и мещан, обвиняя их в развитии у них вкуса к предметам, „не соответствующим их быту“. Отчет полицмейстера так формулирует свое обвинение: „многие мещане, иногородние и здешние, равно и крестьяне различных ведомств, находясь и пребывая здесь на мануфактурах, фабриках, заводах, и ремесленных заведениях рабочими, часто теряют места или от случайных причин или от упадка торговли в известных отраслях. Но все сии люди при имении мест, могущих доставлять им достаточные средства к многоразличным удобствам жизни и к развитию в них вкуса к предметам, не соответствующим их быту, легко приобычиваются к прихотям пищи и в одежде. Теряя места, они, с одной стороны, или совестятся возвратиться к родным без всяких средств, так как этот перелом делается от изобилия к нищете иногда весьма быстро; с другой стороны, надеясь еще после того приискать себе место, они часто в это время просрачивают паспорты, или отвыкши от образа их прежней жизни и занятий, вынуждены бывают, согласно их понятий и взгляду, употреблять всевозможные средства к выдержанию себя в

[2]) Отчеты Московского Обер-Полицмейстера за 1839, 1840, 42, 43, 46 и 47 г.г.

том виде, как они находились при имении мест и отсюда уже происходит, что они предаются проступкам порочной жизни и безнравственности, а наконец, и преступности [1]).

Но, указывая на развитие воровства среди крестьян и мещан, этот же самый отчет впервые отмечает число дворян, задержанных за разные преступления. Указывая их, он, впрочем, не пытается искать причин совершенных ими правонарушений, а тем более обвинять их. Но как ни малы некоторые приводимые цифры, они говорят сами за себя: на „черную доску“ страниц полицейского отчета уже попали: один потомственный дворянин по обвинению в краже, за непристойные и другие маловажные проступки двое, за прошение милостыни—7 личн. дворян муж. и столько же женщин, за пьянство 61 личн. двор. муж. и 26 жен., за буйство, драку и ослушание 24 личн. дворян, за кулачный бой—2 личн. дворянина, за неплатеж денег извозчикам—2 личн. дворянина. В том же самом отчете имеется графа и о преступности купцов первой гильдии, но она везде остается незаполненною: этот класс москвичей не сталкивался с полициею.

Еще при действии крепостного права потомственный дворянин-вор, дворянин, просящий на улицах Москвы милостыню, дворянин пьяный и буйствующий, неплатящий денег извозчику,—этот дворянин конца сороковых годов был предтечею других таких же, предвестником начинавшегося сдвига слоев социальной пирамиды. Эти единицы и немногие (сравнительно) десятки не были замечены или их старались не замечать: в этом была одна из привилегий привилегированного сословия. Когда же более поздние отчеты начинают сообщать все большие и большие цифры, то постепенно и неизбежно подготовлявшееся явление получает характер неожиданного и катастрофического. В предтечах никто не видал пророков. „Нет пророка в отечестве своем“ — это старая истина. Не даром уже цитированный мною Адольф Гюйо в своем предисловии к книге о преступности в Париже говорит: „Предположите, что какой-нибудь оратор, вдохновенный, как пророк, взошел бы в августе 1870 г. на трибуну императорского сената и, возвещая предстоящие Франции испы-

[2]) Отчет Моск. Обер-Полицм. за 1847 г., 8 стр.

тания, показал бы пальцем на самых высоких представителей церкви и власти и воскликнул бы: пройдет всего несколько дней, и ваш пурпур и ваши горностаи будут сорваны с ваших плеч, ваши храмы будут низвергнуты, ваши дворцы сожжены, а вас самих потащут в тюрьму к ворам и убийцам. Такого оратора сочли бы за сумасшедшего, а между тем уже близок был день, когда священник и судья должны были встретиться в тюремной камере осужденных“ [1]).

Отчеты Московского Обер-Полицмейстера за 1846 и 1847 г.г. содержат очень подробные ведомости о поступивших к полицейским органам делах по обвинениям в различных преступлениях и вообще о дознаниях по различным происшествиям. Так как эти ведомости дают материал, чтобы судить о преступности, то мы приведем, например, из отчета за 1847 г. сведения о более серьезных, по тому времени, преступлениях в виду их особого характера или вследствие значительного числа их. В ведомости около 60 граф. В общей сумме они дают итог о 2653 делах.

Извлечения из ведомости о следственных делах в производстве московской полиции за 1847 г.

Разбой, грабеж . . .	2	Скопчество	4
Конокрадство	69	Неимение видов, бродяги	386
Кража, мошенничество	1064	Укрыв. беглых . . .	46
Подлоги в актах. . .	85	Незак. торговля вином	22
Поджоги.	3	Прест. по должности .	11
Убийство, покушение на убийство. . . .	12	Преступ. действия против родителей . . .	24
Самоубийство	27	О пойманных дезертирах	60
Членовредительство .	5	Наруш. Устава Торгового	16
Личные обиды . . .	234	О подкинутых младенцах	12
Изнасил.—5, скотол.—2, своднич.—2 всего .	9	Фальшиво-монетч. . .	8
Блуд и прелюбод. . .	12		
Святотатство	5		

[2]) A. Guillot: „Les prisons de Paris“. 2—3 стр.

На ряду с этими преступлениями отмечены и такие, которые современному читателю не понятны—например, 15 дел о впуске в четвертый раз людей в трактиры в неприличной одежде, 4 случая торговли охотниками в рекруты, 3 дела о неизбрании в законный срок рода жизни и проч.

Такова была обще-уголовная преступность в Москве к половине 19 века. В отчетах Московского Обер-Полицмейстера за 1846—1847 г. уже много яснее, чем в двадцатых и в начале тридцатых годов, намечаются те черты, которые характеризуют преступность столиц и больших городов. Преступления против собственности в форме тайного похищения из квартир, магазинов, складов и карманов, уже настолько дают себя чувствовать, что обер-полицмейстеру, как охранителю общественной безопасности, приходится выдвигать в свое оправдание обвинения против воров из мещан и крестьян. Развиваются также, как показывают приведенные нами цифры, подлоги, мошенничества, нарушения Торгового Устава. Появляются и случаи так называемого злостного банкротства (4 случая в 1847 г.),—т. е. перед нами на лицо все неизбежные спутники развивающегося торгового оборота. Вместе с тем преступность Москвы становится все разнообразнее, богаче своим содержанием: не даром ведомость уделяет перечню преступлений до 60 граф.

Мы могли бы проследить, как на протяжении нескольких десятков лет типичные черты столичной преступности становились в Москве все более и более выпуклыми и заметными и как постепенно сглаживались такие черты, которые были свойственны не столице, а деревне. Мы могли бы также показать нашему читателю, как в различные периоды, под непосредственным влиянием происходивших событий, появлялись новые формы преступной деятельности или необычайно учащались некоторые виды преступлений и затем снова уменьшались или совсем пропадали. Преступная Москва имеет свой особый лик, свою особую физиономию. Как и всякое человеческое лицо, эта физиономия преступной Москвы менялась вполне естественно, но иногда ее черты временно искажались в гримасы. „Гримасы“ преступной Москвы, то мимолетные, то более продолжительные, носили различный

характер в зависимости от тех условий, под влиянием которых они делались. Крепостное право, польское восстание, русско-турецкая война и другие войны, голодные годы, всероссийские и другие выставки в Москве меняли обычный лик преступной Москвы и вызывали те или другие ее „гримасы". В нашем распоряжении имеется богатый и интересный материал этого исторического характера. Внимательно всматриваясь в искаженный гримасою лик преступной Москвы, мы видим, как кражи голодных годов искажают это лицо страданием, как процессы интендантов-воров турецкой кампании зажигают это лицо похотью наживы, как убийства помещиков крепостными в самой столице [1]) делает это лицо грозно-мстительным... Мы могли бы показать, как постепенно не только создается категория воров по профессии, но и как эта самая многочисленная среди преступного мира группа дифференцируется, выделяя в соответствующие моменты социально-экономического развития столицы одну за другой все те 19 категорий профессиональных воров, на которых делит их Московский Уголовный Розыск и о которых нам еще придется говорить ниже. Но в наши задачи небольшой вступительной статьи не входит давать подробное историческое исследование. Для нас достаточно знакомства с преступностью Москвы 90—80 лет тому назад, когда преступность или еще совсем не походила на современную или когда появлялись лишь только первые предвестники пре-

---

[1]) Уже отчет за 1846 г. отмечает как особенно выдающееся преступление убийство „дворовым человеком" своего барина—титулярного советника По показаниям арестованного, после ухода из дома барина он напился и, заснув, не услышал его возвращения в первом часу ночи. Он проснулся под ударами барина, который колотил его своим чубуком, затем стащил с кроваги и таскал за волосы. Тогда „ожесточившись" слуга схватил со стола поварской нож и вонзил его в грудь барина. Как и следовало ожидать, отчет добавляет в защиту титулярного советника: „по изысканию полиции открылось, что слуга имел мстительное и злое сердце, и вел себя по отношению своего помещика дурно. (Отчет Моск Обер-Полицмейстера за 1846 г.). Из книги Анучина „Материалы Угол. Стат." видно, что за девять лет 1835—1843 г.г из Московск. губ. было сослано в Сибирь за убийство своих помещиков три человека, а по 46 губ. 308 мужчин и 119 женщин, а всего 427 чел. Так как ссылке всегда предшествовало нещадное наказание кнутом, шпицрутенами и т. п., то часть приговоренных умирала под кнутом или после телесного наказания и до Сибири не доходила. Сообщаемые же Анучиным цифры относятся только к прошедшим через г. Тобольск. Поражают своею величиною цифры женщин—убийц помещиков.

ступного мира наших дней. Это позволит нам легче уяснить себе особенности преступности последних годов.

Наша предреволюционная уголовная статистика обрывается на 1913 г. Придавая большое значение изучению преступности столиц и больших городов, составители ежегодно появлявшихся „Сводов статистических сведений по уголовным делам“ ввели сначала особые графы о преступности в Москве, Ленинграде и прочих городах, а затем даже выделили в особую графу—преступность городов с населением 100.000 и более человек. Указанные нами „Своды“ дают исчерпывающие и очень верные сведения об осужденных окружными судами и судебными палатами за более важные преступления и мировыми судьями за те проступки, за которые закон грозил наказанием ввиде тюремного заключения. Таким образом в „Своды“ не попали осужденные за те проступки, за которые закон назначал арест, денежный штраф или другие более низкие наказания. Чтобы точнее и полнее выяснить преступность перед мировою войною мы выяснили количество осужденных окружными судами и судебными палатами за каждый из годов 1909—1913 г. г. и за весь период в эти пять лет как в г. Москве, так и во всех остальных городах кроме Ленинграда. Мы сделали то же самое в отношении осужденных мировыми судьями за 1908—1912 г.г.

Число осужденных общими судами за каждый год колебалось в пределах 1097—1362 чел., а мировыми судами—3554—4430 чел. Эти цифры, впрочем, не являются исчерпывающими, так как некоторое количество дел наиболее серьезного, по тому времени, характера передавалось на рассмотрение военных судов (таковы были, например, так наз. „экспроприации“, политические убийства). В приведенные цифры не входят также все лица воинского звания, осужденные за воинские преступления различной тяжести военными судами.

Так как обнаруженные виновники преступлений по общему правилу проходили через Московский Окружный Суд и через камеры мировых судей, то для выяснения характера преступности в Москве, нам следует обратиться к рассмотрению названных нами „сводов“. Из этих статисти-

ческих отчетов мы взяли три графы. В первой из них сообщается количество различных преступников, совершивших преступления в Ленинграде, во второй—в Москве, в третьей —в прочих городах. Подсчитав по каждой графе цифры за пять последних лет мы получили три крупных итога осужденных за преступления, совершенные 1) в Ленинграде, 2) в Москве и 3) прочих городах. Определяя, какой процент в общей сумме осужденных составляли приговоренные, например, за убийства в Ленинграде, Москве и прочих городах, мы получали возможность делать выводы о сравнительном развитии убийств в Москве.

С рассмотрения убийств мы и начнем наше сравнение преступности в Москве с преступностью в Ленинграде и в других городах. Из каждой сотни осужденных менее всего убийц оказывалось в Москве, а именно 2,1% против 3,9% в Ленинграде и 5,1% в прочих городах. Уголовная статистика давно подметила, что убийство—скорее деревенское преступление, чем городское и находится в обратном соотношении со степенью культурного развития. Наименьший процент убийств в Москве служит как будто показателем большей культурности ее населения, чем в Ленинграде. В самом деле перед мировой войной за 5 лет (1909—1913 г.г.) в Ленинграде было осуждено за убийства (396 человек) в 3 раза более, чем в Москве (130 человек). Не надо при этом забывать, что в то время население Ленинграда превышало население Москвы всего на 25% (по данным за 1912 г. в Ленинграде насчитывалось 2.007.600 человек, а в Москве 1.617.700 человек). Вообще, Москва по своей преступности походила на другие столицы более, чем Ленинград. Несмотря на то, что центром политической жизни был Ленинград с пребыванием в нем „двора“ и органов центрального управления, политическая преступность в Москве была значительно выше (340 осужденных в Ленинграде и 449 в Москве или 3,4% в первом и 7,4% во второй) Более „столичный“ характер преступности Москвы сравнительно с Ленинградом проявляется также и в усиленной Московской преступности по должности: процент служебных преступлений в Москве оказался в два раза выше. Как это ни странно, но Ленин-

град по своей преступности перед мировой войной более походит на деревню, чем на столицу, даже по количеству телесных повреждений: процент осужденных за них оказался в Ленинграде наивысшим 5,7%, а в Москве наименьшим 2,0% (в других городах 4,7%). Наконец, чтобы окончательно „сконфузить“ Ленинград и, наоборот, „возвеличить“ Москву, укажем, что типичные сельские преступления или, говоря терминами проф. Ломброзо, „атавистические, первобытно-грубые преступления“--разбои и грабежи совершались в Ленинграде (7,4%) даже чаще чем в „других городах“ (6,7%) и реже всего в Москве (2,7%)—или за пять лет 162 осужденных. Мы затрудняемся об‘яснить эти особенности преступности в Ленинграде, но нас в данный момент интересует преступность Москвы и мы подчеркиваем „столичный“ характер совершаемых в ней преступлений. Такой характер с особой яркостью проявляется в громадном проценте осужденных здесь за разные виды краж. В то время, как в Москве он достиг 65,2%, в Ленинграде он равнялся 60,0%, а в остальных городах падал до 47,2%. Общее количество осужденных общими и мировыми судами за кражи простые и со взломом и другие виды тайного похищения составляло в Москве более 4000 человек в год или, другими словами, каждый день приговаривалось за кражи более 11 человек. А какое количество воров оставалось необнаруженными! Как часто обокраденные, безнадежно махнув рукой, предпочитали не терять „золотого“ времени на напрасные поиски воров и отказывались делать заявления сыскной или общей полиции? Об этом мы не знаем.

Во всяком случае, число воров, которых полиция розыскивала и не розыскала, было не менее числа обнаруженных.

Как ни велики приведенные цифры преступности в Москве перед мировой войною, они очень незначительны в сравнении с последующими. Прежде чем говорить о современной преступности нам хотелось бы показать, что она сделала гигантский скачек вверх небывалых размеров уже весною 1917 г. В мае месяце 1917 г. мне, согласно моей просьбы, тогдашним начальником уголовной полиции г. Москвы (вместо прежней сыскной полиции) был представлен статистический

отчет об увеличении преступности в Москве в марте и апреле 1917 г. сравнительно с преступностью за эти же месяцы в 1916 г. Сведения были даны по всем 50 полицейским частям и при этом по каждому участку каждой части в отдельности. Так как нас интересует преступность Москвы в целом, а не по отдельным ее районам, то мы воспроизводим здесь лишь окончательные итоги по всей Москве.

	1916 г.		1917 г.		1923 г.
	Март.	Апрель.	Март.	Апрель.	Среднее в месяц за январь—март
Кражи.	707	576	3248	3636	1792
Вооруженные грабежи	—	—	16	24	98
Простые грабежи .	2	4	41	46	
Убийства и покуш. на убийство. . .	3	1	10	22	43
Присвоение и растрата	26	14	63	60	24
Поджоги.	1	—	2	3	—
Мошеннич., подлоги, вымогат.	16	14	77	110	100

Эта таблица говорит сама за себя и подробных комментариев не требует. С весенних месяцев 1916 г. и до первых же весенних месяцев 1917 г. в Москве неимоверно возросли все преступления. Если говорить в круглых цифрах, то вместо прежних двадцати заявлений о кражах в день стало поступать их более ста или, принимая население Москвы в то время в два мил. человек, на каждую сотню жителей, считая и детей, приходилось более 36 краж. Число грабежей поднялось с 6 (за два мес. 1916 г.) до 127 и в том числе вооруженных 40, а между тем за два указанные месяца 1916 г. их не было вовсе. Число убийств возросло с 3 до 32. Присвоения и растраты увеличились в три раза, мошенничества и подлоги в шесть раз.

Обращаем внимание нашего читателя также на характерное явление: в апреле 1916 г. почти все преступления уменьшались сравнительно с мартом, а в 1917 г., наоборот, почти всегда увеличивались и притом весьма значительно.

Приводимые нами цифры являются самым убедительным доказательством, что преступность настоящих дней не есть детище только современности, но явление, имеющее корни в прошлом. Только слепая Фемида с ее повязкой на глазах не видела истинных виновников возроставшей преступности. Она не видела, как Москва заполнялась разоренными, голодными беженцами, как кровавая бойня, давая детям уроки убийства, грабежа и насилия, отнимая у них отцов и матерей, гнала их пулеметами и шрапнелью на мостовые столицы, как возроставшая не по дням, а по часам дороговизна жизни и безработица, вырывала из рук кусок хлеба. Амнистия 17 марта 1917 г. освободила от дальнейшего заключения и ссылки тысячи осужденных. Многие из них из провинциальных тюрем, с каторги и ссылки направились также в Москву и также на ее мостовую: даже и тем, кто мог и хотел работать, получить работу было неоткуда. Все это неизбежно вызывало рост преступности и развитие самых тяжких ее форм. Иначе быть не могло. Надо было бы удивляться, если было бы иначе.

Но в нашей таблице приведены цифры заявленных преступлений также в среднем на месяц за первые три месяца 1923 г. Мы взяли их из статьи Н. Дружинина, который сообщает их по данным милиции по всей Москве. Сравнивая преступность за апрель 1917 г. с преступностью первых трех месяцев 1923 г., мы видим, что число заявлений о кражах упало вдвое, о присвоениях и растратах в три раза, уменьшилось также число заявлений о мошенничествах, подлогах и вымогательствах, но вдвое возросла цифра заявленных убийств (вместо 22 уб.—43 уб.) и вооруженных и простых грабежей (с 70 до 98). При оценке этих и последующих цифр надо иметь в виду, что население г. Москвы сильно возросло к 1923 г.

Итак, уменьшилась менее серьезная имущественная преступность, возросла более тяжкая и умножились убийства.

Но в нашей таблице приведены сведения не о всех преступлениях. Пользуясь материалами названной статьи сделаем, так сказать, фотографический снимок преступности в Москве за март месяц 1923 г. В производство всех отде-

лений милиции г. Москвы в этом месяце поступило дел: 1) о преступлениях против личности—549, 2) об имущественных преступлениях—2386, 3) о воинских преступлениях—53, 4) служебных преступлениях—77, 5) против порядка управления—1830 и 6) государственных—2 (дела этой группы и часть дел о служебных преступлениях находились в производстве органов Г.П.У.). Всего за март возникло 4897 дел, или 163 каждый день. Впрочем, автор статьи неправильно относит в группу преступлений против личности сводничество, содержание притонов и хулиганство и таким образом неправильно повышается число посягательств на личность (на каждый месяц приходилось свыше ста случаев хулиганства, т. е. каждый день милиция задерживала более трех хулиганов). Но с другой стороны, часть дел об оскорблении и клевете поступала, минуя органы милиции, прямо в народные суды.

Все имущественные преступления составляют в общей преступности в Москве всего 48,7% [1]), т. е. современная преступность носит менее имущественный характер, чем до мировой войны. На уменьшение этого процента влияет увеличение процента преступлений против порядка управления, куда входит, так наз. „самогонка“, давшая свыше 73 процентов всех преступлений против порядка управления или свыше 65 дел каждый день. Такое развитие самогонки делает понятным и развитие того хулиганства, которое, давая еще в первые три месяца 1923 г. более трех задержанных каждый день, особенно развилось к лету 1924 г., вызвав даже образование особой комиссии для борьбы с ним.

Как мы уже указывали наше обследование населения арестных домов г. Москвы было произведено в апреле и мае 1923 г. Движение этого населения весьма текучее. Так, например, к 1 апр. состояло во всех арестных домах 2117 заключенных, прибыло 2152 и убыло 2021, к 1 маю состояло 2248, прибыло 1601 и убыло 1657 чел. Средне суточный состав колебался около цифры в 2000 человек. Как раз таковое число заключенных и было нами обследовано: количе-

[1]) Н. Дружинин „Уголовные преступления в Москве“, Известия Отдела Управления М. С. Р. К. и К. Д. 3 авг. 1923 г. № 85.

ство заполненных анкетных листов немного превысило две тысячи. В большинстве домов обследование продолжалось до трех дней, но в некоторых особенно населенных, оно потребовало времени даже до двух недель. По отдельным преступлениям заключенные распределялись следующим образом:

Кража.	909	Подделка фальш. денег . .	49
Грабежи, бандитизм.	183	Сводничество	15
Убийство.	30	Должностные преступления .	24
Самогонка	516	Присвоение	19
Мошенничество . .	89		

Прочих цифр (задержанные по сомнению в личности, как социально опасные, за драки, увечье, шантажи и проч.) мы не приводим, так как они весьма незначительны. В статистическую обработку для составления таблиц поступило 1764 листов или 86% собранных листов, а именно все листки на задержанных по обвинению в грабежах, бандитских нападениях, убийствах, воровстве, мошенничестве, самогонке. Каждая из этих групп послужила темою специальной статьи. Кроме того подробному специальному изучению подвергались все те задержанные, которые являлись рецидивистами или которые судились более одного раза, хотя и не были рецидивистами в узком и формальном смысле этого слова. В мае месяце было произведено теми же участниками обследование по сокращенной программе несовершеннолетних в Трудовом доме, и результаты обследования дали материал для соответствующей статьи сборника.

В сборнике на первом месте стоят статьи Н. Н. Гедеонова о бандитах и С. А. Укше об убийцах. Эти две группы преступников соперничают между собою за первенство. Они соперничают не своими размерами (потому, что число бандитови грабителей (183 чел.) далеко оставили за собой число обследованных убийц (30 чел.). Состязание идет в другом направлении—на побитие рекорда сенсационностью преступления, способами его совершения, обстановкою его содеяния. Убийцы выдвинули своего чемпиона—Комарова-Петрова, а бандиты—Мишку Культяпого, братьев Ткачей, судившихся в Москве, но подвизавшихся вне ее. Число жертв Котова—116

человек. Мишка Культяпый—участник (по данным уголов. розыска) 78 убийств, но число жертв отдельных убийств колебалось от одного до двадцати двух: после таких убийств место совершения преступления походило на поле битвы. В актив Комарова-Петрова записано всего 29 обнаруженных трупов, но за то каждый труп—дело только его собственных рук. И все-таки первенство принадлежит бандитам. Их преступный размах шире, их деятельности иногда захватывает пространство многих губерний, они птицей летают из одной части не только города, но и России в другую, оставляя за собою неубранные кровавые следы. Не даром одна из таких московских шаек называла себя черными воронами. Вообще они любят таинственные и кричащие прозвания. Они любят их даже и тогда, когда не сами дают их себе. „Шайка Черной Маски", „Девятка смерти", „Банда Лесного Дьявола", „Руки на стенку", „Деньги ваши будут наши",—такие названия столичных и провинциальных банд показывают как будто на их родство с героями желтой литературы Ната Пинкертона и Шерлока Холмса. Мы знаем случай, когда, перед войною 1914 г., Нат Пинкертои оказался, так сказать, „крестным отцом" одной шайки юных бандитов (в Елизаветграде): рассказ „Клуб шантажистов" привел их к об'единению в „Клуб бомбистов царя ночи № 6". Это не совсем вразумительно, но все-таки страшновато (шайка убила двоих детей). Вообще насколько обыкновенные убийства—тайное, скрытое дело, бандитское нападение часто исполнено какой-то театральности, игры на показ, всем на удивление. В конце прошлого 1923 г. шайка бандитов, ворвавшаяся в одну из квартир на углу Каретного ряда, во время ограбления развлекалась игрою на рояле и пением одного из участников ограбления; найдя конфеты в буфете, они тут же лакомились ими; когда с одной из перепуганных женщин сделалось дурно, бандиты поили ее водою. Удалившись они затем звонили по телефону своим жертвам, смеясь над ними... В Московских газетах сообщалось о вооруженном нападении на кооператив на улице Герцена. Когда бандиты приказали всем присутствующим лечь на пол, одна барышня—сотрудница отказалась исполнить приказание в виду грязи

на полу. Тогда бандиты разослали кусок мануфактуры и уложили барышню на разосланную материю. В самой жестокости их убийств есть часто как будто та же игра на показ, как будто бандиты находят развлечение в самом процессе убийства и подготовке к нему. Мишка Культяпый (см. его фотографию в статье Н. Н. Гедеонова) связывал свои жертвы бичевою и укладывал их так, что ноги одного ложились на ноги другого, а туловища расходились из центра под углами, образуя веер. После этого он переходил от одного к другому и острием топора раздроблял головы.

Я не хочу утверждать, что эта показная сторона совершенно чужда обыкновенным убийцам. Был случай, когда (очень недавно) через обследование нашего Научного Кабинета прошёл юный убийца студент Ч., у которого эта отвратительная черта позировки, актерства проявилась с особой яркостью. Убийство было совершено на вечеринке молодежи; когда в гостинной были потушены огни, парочки молодежи расселись по диванам и креслам и один из товарищей играл на рояле, убийца подошел к нему и крикнул собравшимся: „господа, хотите, я покажу вам фокус?“ Потому ли что парочки были увлечены своими беседами, потому ли что голос был заглушен аккордами рояля, ему не ответили сразу. Он повторил свой вопрос и, услышав возгласы: „покажи, покажи“, прижал револьвер вплотную к виску товарища. „Я чувствовал, рассказывал убийца на обследовании, как он отшатнулся на пол сантиметра от дула, но я прижал его крепко к виску и выстрелил“... Фокус был показан...

Но такие убийства „на показ“, „эффектные убийства“, очень редкое явление. Между тем игра на эффект в бандитских нападениях—обычное дело.

За редкими исключениями убийства совершаются с глазу на глаз, и убийцы принимают все меры скрыть труп своей жертвы. В убийствах последнего времени бросается в глаза одна особенность: в стремлении скрыть труп, убийцы с каким-то искусством опытных мясников разрезывают убитых на мелкие куски. Об одном из таких случаев подробно говорится в статье С. А. Укше. Убийство было совершено вне Москвы, но так как убийца содержался в Москве, то представилась

возможность обследовать его (вне Москвы были совершены преступления банды братьев Ткачей и некот. др. Все остальные преступления имели место в Москве). Но после этого сходные же случаи были в разных местах Москвы. Две такие убийцы прошли весною и летом этого года через Научный Кабинет. Одна из них молодая женщина, другая совсем юная девушка. Глядя на миловидное лицо одной и свежее лицо другой трудно было представить себе этих женщин за страшной кровавой работой с ножем и топором в руках, отделявших головы убитых сверстниц от туловища, разрезавших ноги, руки на части. А между тем это было так. Одна из них, отрубив голову своей жертвы и обнажив ее череп от мяса и волос посредством особой кислоты, чтобы сжечь в печке череп вместе с другими костями убитой,—говорила нам на обследовании, что череп убитой поразил ее своей белизною и красотою. За короткое время было несколько случаев разрезания трупов на куски.

У современных убийств есть характерная особенность—это поразительное спокойствие, продуманная методичность, если не самого убийства, то сокрытия следов его. Она сказывается в целом ряде дел об убийствах. Стоит-ли говорить, что в этом отношении самым удивительным является дело Комарова - Петрова, во всех убийствах которого, кажется, не было ни одного лишнего движения, когда убийца действовал так размеренно, каждый раз воспроизводя точную копию предшествующего убийства, когда он, человек, становился какой-то машиной, весьма точно и исправно действовавшею, для убийства, машиною для увязки трупа, машиною для своеобразной его упаковки в мешок... Такая черта методичности, спокойствия становится общею для многих убийц, независимо от их пола, возраста, социального положения. Сын доктора-психиатра, студент Ч., юная девушка — дочь мелкого рыночного торговца, разрезавшая на куски свою подругу, молодая женщина Ш., дочь немца - помещика, любовавшаяся освобожденным от мяса черепом убитой ею проститутки, сын сапожника Мишка Культяпый, даже малолетняя 14-летняя матереубийца Таня М., прочитывающая перед своим преступлением страницы Достоевского с описа-

нием убийства студентом Раскольниковым ростовщицы-старухи,—все они в той или другой степени носят в себе черты, сказавшиеся более всего в Комарове-Петрове, которого нередко зовут „человеком-зверем“ и который скорее заслуживает имя „человека-машины“. В иностранной и русской литературе еще до начала мировой войны указывалось на обычное возрастание кровавых преступлений после войн как в странах победительницах, так и в странах побежденных. Уже приводились указания на рост убийств после войны. Если вспомнить ее чрезвычайную продолжительность (и особенно в России, где империалистическая война сменилась гражданскою), если представить себе необ'ятное пространство кровавых полей сражения, всю массу населения всех возрастов и обоего пола, ставшего очевидцем ужаса войны со всеми ее новейшими изобретениями уничтожения и калечения, то невольно приходит на мысль искать об'яснения жестокости и методичности убийств отчасти и во влиянии войны. Указание на эти поиски мы и находим в статье С. А. Укше.

В заключение моих слов об убийцах мне хотелось бы отметить то влияние, которое имел процесс Петрова - Комарова в области преступности. Москвичам памятны дни суда, когда вся площадь перед зданием суда оказалась запруженною народом. Уже сложены и распеваются песни с описанием „его подвигов“. И уже совершены преступления, во время разбора которых упоминалось имя Комарова. Юная убийца, разрезавшая на куски свою подругу, убила ее ударом топора в висок, „как Комаров“. Она так и говорила во время ее обследования в Научном Кабинете. Как это ни покажется необычным, но судебная хроника уже записала на свои страницы случай, когда обвинявшийся в воровстве пытался оправдаться посредством обвинения Комарова. Обвиняемый (уже ранее осужденный за кражу), проезжая с возом песку, остановился у дома № 11 на Воронцовской ул. для того, чтобы, по его словам, найти уборную, но попал на чердак, откуда взял мешок с бельем и, положив его на воз, поехал в свою квартиру. По дороге он был задержан. В свое оправдание он об'яснял народному судье, что мешок показался ему подозрительным: „не лежит ли убитый в мешке“. Не рабо-

тает ли тут кто-нибудь, как работал Комаров-Петров. Подумав так, он решил отвезти мешок в Милицию. Поехал же в противоположную сторону от Милиции, чтобы наперед закусить: „убитый может и в мешке обождать, в милиции же скоро не отпустят". „Не хоронил бы Комаров-Петров убитых в мешках, говорил обвиняемый, мне бы и в голову не пришло брать этот мешок". Но судья не внял этим „убедительным доказательствам невиновности" и приговорил обвиняемого на шесть месяцев к лишению свободы [1]).

Вслед за статьями о бандитах и убийцах в Сборнике помещен психологический очерк А. Е. Петровой об изувечении женою мужа. Обвиняемая Е. совершила очень редкое в криминальных летописях деяние, отрезав половой орган своего мужа. Отрезание половых органов, также как и вырезание шулят, известно судебной практике по многочисленным ранее процессам скопцов, у которых эти операции и носили название в зависимости от их вида „большой или малой печати святого духа". Однако, случай Е-ой не имеет ничего общего с изуверно-сектантскими операциями и представляет выдающийся интерес с психологической стороны.

Статья В. И. Куфаева посвящена социологическому изучению повторно-обвиняемых. Эта группа преступников в Москве, довольно многочисленная, представляет вместе с тем то ядро, которое дает кадр упорных правонарушителей. Будем ли мы называть их рецидивистами, профессионалами или привычными, они заслуживают нашего особого внимания, так как с особою наглядностью говорят о безуспешности репрессивной борьбы с преступностью. В статье В. И. Куфаева весьма большое место занимает статистический материал. Он не должен отпугивать того читателя Сборника, который берет в свои руки эту книгу не для поверхностного и беглого ознакомления с преступным миром Москвы, а для того, чтобы отнестись к поставленной проблеме со всею вдумчивостью, которой она заслуживает. Раскрытие социально-экономических причин преступности составляет задачу этой статьи.

Наибольший процент повторно привлекаемых к ответственности оказывается среди воров. Воры же составляют

[1]) Изв. Адм. Отд. Моск. Сов. 20 апр. 1924 г.

самую многочисленную группу правонарушителей. Им посвящена статья Д. П. Родина, который, выясняя социологический облик этого, постоянно, всюду и всегда встречающегося обывателем преступника, вместе с тем стремится, насколько это позволял наш материал, использовать записи обследователей-студентов с их впечатлениями от всей личности обследованных заключенных.

Мир воров—самый богатый по заполняющим его разновидностям. Кого здесь только нет? Робкие новички, стоявшие перед совершением преступления на грани голодной смерти, и заматерелые воры-профессионалы, которые не могут жить без воровства, как рыба—без воды; беспризорный ребенок, люди цветущего возраста и старики; матери семейств и проститутки, сожительницы бандитов; ищущие только работы, какой-нибудь работы, и опустившиеся наркоманы, ищущие только кокаина, морфия, алкоголя; воры плачущие и воры смеющиеся; воры, ничего не имеющие и воры имущие, но желающие иметь еще более, но все одинаково порожденные институтом частной собственности. Тут есть, что можно и что следует изучить, исследовать.

С криминологической точки зрения особое значение имеет изучение воров-профессионалов.

Как скоро воровство становится профессией, с ним происходит то же самое, что происходит со всякой профессией, что происходит во всяком труде, в производстве страны. Профессиональное воровство знает и разделение „труда“ и бессчисленные категории „специалистов“, знает своих „рабочих“ и своих „предпринимателей-эксплоататоров“, имеет свою воровскую „профессиональную“ честь, свою „солидарность“. Нечего и говорить, что дифференция и специализация воровства находятся в самом тесном соотношении с производственным развитием страны. Москва почти не имеет профессиональных воров, специализировавшихся на краже автомобилей, между тем, как в шести городах Америки (Нью-Йорке, Чикаго, Детройте, Сен-Луи, Кливленде и Буффало) в течение одного 1919 года было похищено 17,882 автомобиля [1]).

[1]) Люблинский П. И. Новости американ. литерат. по криминологии. „Право и Жизнь“. 1923 г. книга 5—6 стр. 116.

Но Москве не приходится, впрочем, жаловаться на отсутствие в ней разных воров-рецидивистов. Московский уголовный розыск для удобства более успешной борьбы с профессиональными ворами разделяет их на следующие группы: 1) взломщики, 2) домушники, 3) наниматели квартир, посетители врачей, адвокатов и пр., 4) „монтеры", „прислуга" и пр., 5) карманщики городские, 6) карманщики крупные, марвихеры высшей марки, международные воры, 7) воры-отравители, 8) железнодорожные воры, крадущие на вокзале, 9) похитители железнодорожных грузов, 10) воры велосипедов, 11) конокрады, 12) „церковники", 13) „городушники" (похитители из магазинов), 14) „вздерщики", крадущие при размене денег, 15) „хипесники", обкрадывающие посетителей своих любовниц-проституток, 16) скупщики краденого, 17) грабители, 18) подкидчики, 19) содержатели воровских квартир.

Но эта установленная уголовным розыском классификация воровского преступного мира далеко не исчерпывающего значения. Сами воры-профессионалы „дифференцируют" себя значительно подробнее и кроме перечисленных групп знают еще много и других. Назовем некоторые из них, пользуясь их собственным жаргоном. „Торбовщик"—вор низшей марки, крадущий мешки у крестьян, „капорщик"—вор шапок, „парадник"—вор одежды с парадного хода, „понтщик"—собирающий толпу скандалом и обкрадывающий любопытных, „змееныш"—худощавый мальчик, пролезающий при кражах в форточку, „купец"—карманный вор, „кооператор"—вор из продовольственных лавок, „стекольщик"—вор, проникающий в квартиры через окно́, „мойщик"—обкрадывающий спящих в поездах, „рыболов"—обрезывающий чемоданы с задков экипажей, „голубятник"—чердачный вор, „халтурщик"—вор в квартире, где находится покойник. Не оставляя в покое даже квартиры, где находится покойник, профессионалы воры в своей специализации создают таких „спецов", которые провожают покойника из квартиры и крадут при похоронах—„марушники".

Воровство, превращаясь более, чем какое-либо другое преступление, в профессиональное, вместе с тем более, чем другие преступления, требует „школы". Чаще всего поме-

щением такой школы является тюрьма, которую преступники и зовут на своем языке „училищем“. Но обучение производится и на воле. В воровском жаргоне имеется специальный термин—„козлятник“—для наименования вора, обучающего своему ремеслу мальчиков. Разделение „труда“ при воровстве создает группы „подсказчиков“ — наводчиков на кражи, „затырщиков“ или „оттырщиков“, помогающих при карманных кражах, „ветошных кошек“—проституток — участниц хипеса и мн. др.

Язык преступников (или говоря их словами, „Феня“ „блатная музыка“) есть в наибольшей части создание профессионалов воров и карточных шулеров. К величайшему сожалению, к его изучению в России еще почти совсем не подходили. Одною из первых попыток подхода к этой богатой содержанием теме был доклад д-ра и народ. судьи Сегалова в нашем научном кабинете [1]). Но поскольку язык дает возможность судить о внутреннем мире профессионала-вора, там безоблачно, светло, много юмора, сарказма, готовности посмеяться и надсмеяться над своими жертвами. Об этом свидетельствуют такие слова жаргона, как, например, „распрягать“, т. е. растегивать платье для совершения карманной кражи, „поздравить с добрым утром“ — совершить кражу утром, „спугнуть воробья“ — взломать замок, „охотиться за птицей“—воровать домашнюю птицу, „охотиться за клопами“—воровать у спящего, „паруса поднять“ обокрасть лавку, подняв железные шторы, „спугнуть голубей“ или „снегу набрать“ — украсть белье, „скакать“—воровать на площадках трамвая и мн. др.

Профессиональное воровство требует своих „инструментов“. Наш читатель найдет в статье Д. П. Родина фотографию коллекции Моск. Угол. Розыска с набором разных отмычек и др. мелких инструментов. В музеях того же МУУР, уголовного розыска Республики и в кабинете криминологии Моск. Унив. имеются бесчисленные инструменты

[1]) В русской литературе имеются словари такого языка: Трахтенберг Блатная музыка—жаргон тюрьмы. Спб. 1908 г. Попов: Словарь воровск. и арестант. языка. Киев 1912 г. Блатная музыка. Жаргон преступ. Издан. Управ. Уг. Роз. 1923 г. Чуканова Жаргон прес. Вест. Права № 33 1916 г. Д-р Сегалов указан. в тексте доклад, изд. Губсуда.

этой профессии, начиная от очень простых, но вместе с тем остроумных для кражи кур из курятника и вывинчивания лампочек, прикрепленных высоко к потолку, и кончая сложными и дорого стоящими орудиями американского изделия для взлома несгораемых шкапов, когда в дело пускается даже и электрическая сила. „Мальчик“, „гусиные лапки“, „карандаш“, „гитара“, „выдры“, „птичка“, „Фомка“— вот очень скромные названия воровских инструментов, звучащие совсем не страшно, иногда даже ласкательно, наряду со многими другими необходимыми им орудиями—„вертун“ (коловорот), „шапор“ (ломик), „рвотка“ (инструмент для взлома незгораемых шкапов), „шалото“ (долото) и др.

Если этот язык преступника говорит нам о „веселости“, о несмолкающем смехе профессионального вора, то статья Д. П. Родина, как и все другие этого сборника, показывает нам, что этот смех — смех сквозь слезы. Итальянский социолог Ничефоро назвал жаргон маскою слова, гримом речи [1]). Жаргон вора—веселая маска, скрывающая часто совсем грустные общественные условия глубокой нужды, беспризорного детства, сиротства, непригодности к труду, приведшие к воровству. Не надо забывать этого.

В меньшей степени эти черты обнаруживаются у мошенников, которым посвящена статья Л. А. Скляра. Так как наше обследование было произведено лишь над заключенными в арестные дома, а наиболее крупные мошенники содержались не здесь, то к нам попала сравнительная „мелочь“. Впрочем ограниченность внешнего и внутреннего торгового оборота, переход крупной промышленности в руки государства и, наконец, весь уклад новой жизни даже в условиях НЭП'а, подрезали крылья мошенничеству. Вот почему автору статьи о мошенниках не пришлось говорить об ярких индивидуальностях, но он сумел показать нам, что тип мошенника, выявленный социологическою литературою, вкрадчивого, ловкого, легко завоевывающего доверие, с его стремлением к наживе, и у нас не умер.

---

[1]) Niceforo Le génie de l'argot. Paris 1912.

Правда, он побледнел, захирел; ему не так легко дышится, но умирать пока он не собирается и за неимением большого довольствуется „малым“, перебиваясь кое-чем: обманывает при размене червонцев, не брезгает фальсификацией папирос, не отказывается подсунуть „куклу“, т. е. кусок мануфактуры, где на самом деле только первые ряды действительного материала, а внутри доска или тряпки, продает подешевле вместо бриллианта стекло, вместо золота медь и т. д.

Совсем иной социологический тип представляют в своей массе „самогонщики“, с результатами обследованиях которых нас знакомит А. М. Аронович. Как мы уже указывали, в момент обследования в арестных домах их содержалось несколько сот. Люди с прежней судимостью составляли среди них редчайшее исключение. Громадный процент среди них женщин, в большинстве семейных, придавал обследованию этих „преступников“ совсем необычный характер: слезы, истерики, жалобы на нужду, на компанию, в которую они попали в арестном доме... В то время действовала еще старая редакция ст. 140 У. К., еще не проводившая резкой грани между самогонщиками из корысти и из нужды. Вот почему участники обследования „самогонщиц“, пропустившие перед собою в два—три дня несколько сот их, и уставшие не от количества работы, а в данном случае от ее качества, может быть, горячее, чем кто-либо другой в РСФСР, приветствовали изменение редакции 140 ст. и циркулярные раз'яснения, предписавшие всем судебным органам не смешивать, так сказать, преступления с несчастьем.

Судебная борьба с самогоном представляет непреодолимые трудности в виду чрезвычайного его распространения. В № 4—5 Бюллетеня Госплана „Плановое хозяйство“[1]) напечатана интересная статья В. М. Четыркина с попыткою определить размеры тайного винокурения в деревне. В наши задачи не входит сообщать о том методе, посредством которого ведутся исчисления, но за их серьезность говорит авторитет самого печатного органа Госплана. Автор определяет, что самогонным производством занимается 8% общего коли-

[1]) Бюллетень Госплана, Плановое Хозяйство, № 4—5 1924 года, стр. 86, 87 и 88.

чества крестьянских дворов. В работе в настоящее время находится не менее одного миллиона тайных самогонных аппаратов. Определяя стоимость затраченной муки, топлива, работы, неуплаченного акциза и проч., автор исчисляет общую сумму потерь народного хозяйства и государства приблизительно в 235 мил. червонных рублей в год. Этот же автор приводит полученные им из Нар. Ком. Вн. Д. сведения—всего самогонных аппаратов по РСФСР в 1922 г. было конфисковано 54,776 штук, а общее количество конфискованных суррогатов спирта в РСФСР определяется в 32,7 тысяч ведер. Количество же возбужденных дел на 1000 дворов дает 9,26 дел, т. е. всего 09% предполагаемого количества тайного винокурения. Надо добавить, что, определяя убытки государства, автор не принимает во внимание стоимость работы розыскных, следственных и судебных органов по борьбе с самогонкою.

Заключенные в московские арестные дома по обвинению за самогонку были обследованы не все: обследованные с одной стороны так походили один на другого, а с другой так резко отличались от обвиняемых в воровстве, грабежах и др. преступлениях, что экономия сил обследователей потребовала ограничить эту работу.

Не были обследованы также полностью и юные правонарушители. Так как наше обследование касалось лишь арестных домов, то, оставляя без обследования многочисленное население приемников, распределителей, детских домов разного наименования, в которых содержались между прочим и юные правонарушители, мы произвели перепись всего населения лишь того исправительно-трудового дома на Шабловке, который специально предназначен для несовершеннолетних. В нем содержатся несовершеннолетние по приговорам народных судей. В. Р. Якубсон, знакомящий нас в своей статье с результатами произведенного обследования, правильно подчеркивает, что эти „дети - преступники“—„головка“ и „золотая молодежь“ современной юной преступности. В громадном большинстве они осуждены за воровство. Некоторые с многократною судимостью. Почти все живут половою жизнью. Многие кокаинисты. Некоторые из них откровенно говорят,

что от воровства не откажутся. Есть много оснований думать, что от воровства пойдут по ступеням иерархической лестницы преступного мира вверх и далеко вверх. Читатель увидит из таблиц В. Р. Якубсона, что раннее сиротство привело этих юнцов к преступлению, к пороку и кокаинизму с неизбежною необходимостью. Эта же ранняя заброшенность будет их верным вожатым по иерархической лестнице преступлений. Хотя бы и небольшою статьею наш Сборник в эти дни усиленного внимания к детской беспризорности и к охране беспризорного детства хочет напомнить и об этих членах „Преступного мира Москвы".

Статья психиатра—члена Научного Кабинета Е. К. Краснушкина—посвящена криминальным психопатам и вопросу о борьбе с ними. Материалом для этой статьи послужило психиатрическое обследование почти 650 заключенных арестных домов. Автор полагает, что не менее 30% преступного мира Москвы составляют психопатические личности. Но ошибся бы тот читатель, который поторопился бы сделать отсюда вывод, что этим автор ослабляет значение социально-экономических условий преступности: не даром им подчеркнута, например, обусловленность признаков вырождения социальными факторами, нищетой, дурною пищею, плохим воспитанием, вредными профессиями, алкоголизмом, сифилисом, туберкулезом и т. д., словом, „условиями, по выражению Дриля, жизни пролетариата".

Сборник заканчивается нашею статьею о татуировке в Московских местах заключения (сравнительно с татуировкою в иностранных тюрьмах). Мы иллюстрируем эту статью фотографиями и рисунками татуировок, полученных нами при наших обследованиях, а также взятыми из иностранной литературы и двумя, взятыми из альбома Вятского Исправдома. Вопрос о татуировке преступников, совсем не освещенный в русской криминологической литературе и сошедший со страниц иностранной, вновь привлекает к себе внимание в заграничной литературе. Д-р Галант [1]) подчеркивает зна-

[1] Galant. Die Fragebogenmethode bei der Untersuchung tätowierter Verbrecher. Monatsch. für Krim-Psych. 1924, 15 Jahrg. 1—4 Heft.

чение изучения татуировки с психологической точки. Не отрицая значения такого изучения, мы, однако, думаем, что татуировка, вызываемая часто тюремной скукою, в массе весьма однообразного содержания, будет давать очень мало материала, о котором говорит названный автор.

Что же есть общего между всеми статьями этого Сборника? Читатель сам без всякого напряжения и быстро найдет это *общее*. Оно красною нитью проходит через все статьи участников этой коллективной работы: *вскрываются социально-экономические условия изучаемых явлений, и именно поэтому исследователи преступного мира Москвы смотрят на него без гнева, без отвращения*. Жестокость преступления не ослепляет исследователей, и они видят за нею нередко еще большую жестокость всего уклада жизни преступников, начиная с далекого прошлого, с самого раннего детства. Если проф. Ломброзо создал теорию прирожденного преступника, то нам иногда хочется поставить слова преступный мир в ковычки и тем самым подчеркнуть условность понятия преступности, ее изменчивость и зависимость от условий времени и места [1]).

Проф. **Мих. Гернет.**

[1]) За помещенные в Сборнике фотографии приносим благодарность научно-техническому отделу Уголовного Розыска Республики и Москов. Угол. Роз., а за фотографию татуировки, воспроизводящую картину Васнецова „Три богатыря",—В. Р. Якубсону.

Грабители и бандиты.

Непомерно сильное увеличение тягчайших из имущественных преступлений — грабежей и разбоев, устанавливаемое нашей отечественной статистикой, начиная с 1909 г., невольно обращает на себя внимание правительственных и общественных кругов, требуя своего этиологически - профилактического разрешения.—Полное отсутствие руководств по интересующему нас вопросу, а равно и незначительность того сырого материала, который нам приходилось лично изучать в местах лишения свободы, делают из нашей работы лишь самую скромную попытку ознакомления читателя, независимо от его специальности, с теми „отверженными мира сего", которых так часто проводят по улицам города под усиленным вооруженным конвоем и к которым нередко применялась высшая мера наказания.

В наших руках, при полном отсутствии научной литературы по данному вопросу, было лишь около двухсот анкет и тот незначительный запас впечатлений, который мы успели вынести от личных бесед с об'ектами нашего исследования.

Но и этого оказалось вполне достаточным для того, чтобы сделать некоторые выводы относительно личности грабителей и разбойников или, как их называют теперь, „бандитов".

Коснувшись выводов, мы считаем долгом обратить внимание читателя на то обстоятельство, что наши наблюдения, носящие чисто эмпирический характер и основывающиеся на самом широком применении метода чистейшей индукции, были сопряжены с очень многочисленными и существенными затруднениями постольку, поскольку их об'ектом была живая человеческая личность, а не те или иные природные явления; если для изучения последних вполне достаточно констатиро-

вать хотя бы последовательность ряда адэкватных событий для того, чтобы сделать определенный вывод относительно их характера, то для исследователя чужой человеческой души эта задача значительно осложняется ее индивидуальностями и теми сомнениями, которые невольно возникают, когда касаешься тайников мышления другого лица.—Эта работа, типичная работа био-социолога, требует, чтобы об'ект исследования относился к суб'екту такового с той чистосердечной простотой и прямотой, которые столь характерны для взаимоотношений пациента и пользующего его врача.—Вот этой-то откровенности, этого ключа к тайникам чужой человеческой души и не может достигнуть исследователь преступности вообще и бандитизма в частности, разве за самыми редкими исключениями; ему приходится оперировать с материалом, требующим самого осторожного, критического подхода, дабы не сделаться жертвой грубых инсинуаций.—Если исследователь будет чрезмерно скептичен, он не достигнет никаких результатов; если же он будет слишком доверчив и наивен, то сделанные им выводы также будут лишены всякого научно-практического значения.—Только познавши личность преступника, познавши всю этиологию его криминальной работы, можно, почти безошибочно, указать и на те способы лечения этой социальной болезни, которые могли бы, если не прекратить, то значительно сократить эпидемическую вспышку этих имущественно-кровавых преступлений.

Когда мы, в результате настоящего исследования, ближе подойдем к грабителю и бандиту, когда мы с некоторой долей вероятности, познаем их преступную личность, то тогда, с несомненностью, выявится та глубокая правдивость, которая кроется в следующих словах старого начальника одной из центральных французских тюрем, сказанных им профессору Гарсон при посещении содержащихся в ней преступников: „Все содержащиеся здесь заключенные кажутся Вам, наблюдающему за ними лишь мимолетно, судьям, опрашивающим их лишь во время заседания, адвокатам, знающим их не лучше Вас и, наконец, публике, не имеющей о них никакого понятия, людьми особенными, резко отличающимися от всех других.—Но я, который так долго прожил с ними, имею о

них совершенно иное представление.—Как и другие люди, они представляют собою массу, в которой Вы найдете и ошибки, и пороки, и качества, и добродетели.—Нет ни одного человека в этой тюрьме, как бы он не был испорчен, как бы он низко не пал по сравнению с другими, который не сохранил бы в себе хоть несколько честных мыслей, хоть несколько возвышенных чувств в отдаленных тайниках своей совести.—У преступника нет специальной психики; он думает, он чувствует, он действует как все те, которые относятся к его классу, к его среде".

Когда вдумаешься в эти бесхитростные слова, сказанные не каким-либо сантиментально-настроенным доктринером, а старым и опытным тюремщиком, на глазах которого прошли десятки тысяч преступников, многие из которых погибли на эшафоте, когда проверишь их собственными наблюдениями, то невольно поражаешься их глубокой правдивостью и чуткостью.

Мы привели эти слова исключительно потому, что, в результате нашего исследования, придем к тому же самому выводу, так тесно сплетающемуся с старой и всеми признаваемой истиной—что не преступник создает общество, а, наоборот, общество создает преступника.

Прежде чем предпринять экскурсию в область интересующих нас анкетных сведений и живого материала, прошедшего на наших глазах, и сделать отсюда надлежащие выводы, мы позволим себе, в целях полноты и ясности изложения, остановиться на определении понятий, интересующих нас преступных деяний по нашим уголовным законодательствам, как дореволюционным, так и революционному; оглянуться назад, за черту революцией проведенную, мы считаем необходимым потому, что Уголовный Кодекс Р. С. Ф. С. Р. трактует об интересующих нас видах похищения чужого движимого имущества не только в этой своей части, которая касается преступлений имущественного характера, но и во главе о государственных преступлениях, там, где говорится об организации банд и участии в них.

Краже, как тайному похищению чужого движимого имущества, теория и практика науки уголовного права противополагают похищение открытое без насилия или с наси-

лием.—Первое, т. е. похищение без насилия, образует менее наказуемый вид грабежа,—так называемый грабеж без насилия; второе распадается на два, друг от друга близко стоящих, вида правонарушения—грабеж с насилием и разбой.

Отличительным признаком разбоя является применение физического или психического насилия, опасного для жизни и здоровья потерпевшего.

Уложение о наказаниях посвящало грабежу ряд статей, из коих ст. 1637-я давала надлежащее определение понятия его обоих видов; под грабежем с насилием следовало понимать всякое у кого-либо отнятие принадлежащего ему или же находящегося у него имущества с насилием или угрозами, не представляющими опасности для жизни, здоровья или свободы лица. В отличие от такого насильственного похищения, вторая часть той же статьи давала определение грабежа без насилия, как просто открытого похищения какого-либо имущества в присутствии самого хозяина или других людей. Грабеж без насилия карался Уложением о наказании отдачей в исправительные арестантские отделения на разные сроки, в зависимости от обстоятельств, при коих он был совершен; наказуемость возвышалась когда грабеж без насилия учинялся на путях сообщения, в ночное время или несколькими лицами. Грабеж с насилием облагался более суровыми санкциями, опять-таки, в зависимости от обстоятельств, при которых он был совершен. Обычно он карался либо арестанскими отделениями, либо каторжными работами от 4—6 лет (ст. 1642-я). Отягчающими обстоятельствами считалось совершение этого вида грабежа в церкви, во время какого-либо несчастного случая, как-то: пожара, наводнения и т. д., наконец, шайкой с открытым нападением на дом или иное обитаемое место. Разбою Уложение о наказ. посвящало целое отделение главы 3-й, обнимавшее собой, не более не менее, как целых десять статей, в коих предусматривались его самые разнообразные виды. Карался разбой каторгой на разные сроки, в зависимости от тех или иных условий его совершения.

Уголовного Уложения 1903 г., отказавшегося от той сложности и дробности интересующих нас видов правонарушений, коих так рьяно придерживался наш старый законо-

датель, мы касаться не будем, ибо в части своей, относящейся к воровству и разбою (грабеж ему не был известен), оно так и не было введено в действие.

Уголовный Кодекс Р. С. Ф. С. Р. подходит к открытому похищению чужого движимого имущества с более правильной и менее сложной чем его до-революционные предшественники точки зрения. В ст. 182-й мы находим определение грабежа, как открытого похищения чужого имущества в присутствии лица, обладающего, пользующегося или ведающего им без насилия над его личностью; этот первый вид грабежа, так называемый грабеж без насилия, карается принудительными работами или лишением свободы на срок до одного года. Следующая статья Кодекса предусматривает уже грабеж, соединенный с насилием не опасным для жизни и здоровья потерпевшего. Наказуемость этого вида грабежа значительно повышается, а именно он карается лишением свободы на срок до трех лет. Вторая часть той же 183-й статьи распространяется на случаи совершения грабежа с насилием рецидивистом или группой лиц (шайкой); лишение свободы в этих случаях дается на срок не ниже трех лет со строгой изоляцией.

Ст. 184-я Кодекса трактует о разбое, понимая под ним открытое, с целью похищения имущества, нападение отдельного лица на кого-либо, соединенное с физическим или психическим насилием, грозящим смертью или увечьем. — Карается такой разбой лишением свободы на срок не ниже трех лет со строгой изоляцией, а при его рецидиве—высшей мерой наказания. — То же преступное деяние, совершенное группой лиц, именуемое Кодексом „бандитизмом“, карается только одной высшей мерой наказания.

Этими тремя статьями ограничивается отношение нашего современного законодательства к грабежу и разбою [1]).

Переходя к существу интересующего нас вопроса, мы, прежде всего, позволим себе остановиться на тех немногочисленных цифровых данных, которыми располагаем.

Скудость этих данных об‘ясняется тем, что наш „Свод статистических сведений“ за 1913 год был последним опубли-

[1]) Ст. 76 Уголовного Кодекса мы не будем касаться постольку, поскольку в нашем анкетном материале она совершенно не упоминается.

кованным отчетом. — Уголовная статистика вводится только с 1922 года; за все это промежуточное время имеются лишь самые неполные и плохо систематизированные данные, которые, конечно, нельзя положить в основу строго научных выводов.—Из „Моральной Статистики“ проф. М. Н. Гернет мы видим, что насильственное похищение имущества в России, по числу возникших следствий, выражается в следующих цифрах за последнее пятилетие существования нашей оффициальной статистики:

годы	1909	1910	1911	1912	1913
число	41.895	40.618	40.536	41.721	43.323

Переходя к революционному периоду, мы считаем необходимым привести, в целях возможно полной информации, те цифры, которые у нас имеются относительно движения разбоев и грабежей на территории России по ее отдельным губерниям.—В данном случае мы воспользуемся статистическим материалом деятельности Центророзыска Республики за 1919—1922 г. г.

Разбои и грабежи по данным Центророзыска.

ГУБЕРНИИ:	За 1919 г.		За 1920 г.		За 1921 г.		За 1922 г.	
	Заявлено.	Раскрыто.	Заявлено.	Раскрыто.	Заявлено.	Раскрыто.	Заявлено.	Раскрыто.
Алтайская	—	—	63	30	424	170	205	114
Архангельская	—	—	16	10	7	5	8	4
Астраханская	10	8	42	13	191	70	195	74
Брянская	—	—	—	—	97	65	182	72
Витебская	130	34	339	120	416	166	357	179
Владимирская	33	16	91	47	128	53	119	42
Вологодская	31	20	72	36	29	20	45	27
Воронежская	69	37	258	188	—	—	461	262
Вятская	115	57	332	145	553	336	259	129
Донская	—	—	542	343	690	337	712	348
Екатеринбургская	—	—	101	52	100	59	162	94
Енисейская	—	—	18	12	94	41	—	—
Иваново-Вознесенская	14	18	38	14	37	26	73	22
Иркутская	—	—	36	18	186	123	—	—
Казанская	196	98	223	122	—	—	—	—
Калужская	51	26	124	57	48	23	55	16
Костромская	46	12	114	29	35	12	69	29
Кубано-Черноморская	—	—	38	22	1201	433	—	—

ГУБЕРНИИ:	За 1919 г.		За 1920 г.		За 1921 г.		За 1922 г.	
	Заявлено.	Раскрыто.	Заявлено.	Раскрыто.	Заявлено.	Раскрыто.	Заявлено.	Раскрыто.
Курская	—	—	451	204	369	156	463	216
Минская	—	—	100	60	177	73	—	—
Москва (город)	—	—	162	115	—	—	549	366
Московская губ.	35	19	149	83	428	257	209	69
Нижегородская	50	30	153	93	89	56	101	51
Новгородская	7	2	14	9	21	10	110	65
Олонецкая (Карельская труд. коммуна)	32	19	34	28	7	3	2	1
Омская	—	—	22	17	167	85	—	—
Орловская	62	27	91	47	129	76	136	76
Пензенская	51	31	29	15	290	119	168	57
Пермская	1	—	329	171	272	129	94	30
Ленинград (город)	—	—	58	57	525	309	520	138
Ленинградская губ.	74	28	361	264	—	—	127	88
Псковская	65	27	55	27	100	55	—	—
Рязанская	122	65	137	81	136	79	111	63
Самарская	272	135	169	64	—	—	291	135
Саратовская	339	213	216	108	310	112	336	133
Северо-Двинская	27	23	73	41	21	10	19	13
Семипалатинская	—	—	38	15	—	—	—	—
Симбирская	159	65	224	94	270	148	122	54
Смоленская	496	304	438	168	422	108	298	105
Ставропольская	—	—	16	2	699	298	—	—
Тамбовская	—	—	537	294	423	215	471	225
Тверская	91	70	218	106	77	60	91	58
Томская	—	—	80	54	839	177	—	—
Тульская	23	13	103	90	196	129	176	92
Тюменская	—	—	—	—	77	47	—	—
Уфимская	20	20	131	57	268	94	38	25
Царицынская	1	1	64	37	332	182	365	169
Череповецкая	155	94	239	136	23	12	11	3
Черниговская	—	—	68	36	—	—	—	—
Ярославская	129	117	153	93	57	34	43	19
ВСЕГО	2816	1629	7319	3924	10860	4973	7753	3663

Приведенные данные не могут претендовать на абсолютную непогрешимость, уже в силу того, что они не отражают непрерывной деятельности Уголовно-Розыскных органов.—По многим губерниям сведения о разбоях и грабежах совершенно отсутствуют,—по другим они далеко не охватывают собой целого года, а касаются лишь времени фактического собирания интересующих нас сведений. — Наконец,

отнюдь нельзя поручиться за то, что означенный цифровой материал относится исключительно к случаям разбоев и грабежей нами изучаемых: нет сомнения, что в данные Центророзыска попали и те эксцессы, которые чинились разными бандами, преследовавшими в своей деятельности те или иные политические цели.—Само собой разумеется, что подобного рода деятельность, при всем ее интересе, не может об'ективировать чисто уголовное настроение масс.—Помимо всего этого, статистический материал Центророзыска не может претендовать на полноту сведений еще и потому, что он, безусловно, далеко не в достаточной степени полно отражает действительно имевшие место случаи разбоев и грабежей. В первые годы революции, когда на многих окраинах республики административная власть еще не могла считаться прочно установившейся и когда она еще не пользовалась тем доверием широких масс населения, которым она уже пользуется сейчас, могли иметь место случаи недонесения властям о разных более мелких ограблениях или таких ограблениях и разбоях, когда их об'ектом являлись вещи к хранению частными лицами запрещенные. По всем этим причинам, приводимые нами сведения о деятельности Центророзыска должны быть принимаемы читателем с некоторой критической оценкой и отнюдь не могут быть положены в основу каких-либо научных выводов. Обойти же их совершенным молчанием мы, также, не считаем возможным уже хотя бы потому, что они являются единственным своего рода систематизированным статистическим материалом за время наших политических пертурбаций.

Переходя к ознакомлению с приведенными цифровыми данными, мы, прежде всего, констатируем непомерно сильное увеличение интересующей нас преступности в тех губерниях, которые, так или иначе, пострадали от голода.—Почти все губернии Поволжья дают максимальные цифры за 1921 и особенно 1922 г.г. Особенно сильно возросла преступность за эти два года в обоих столицах, что можно об'яснить тем огромным притоком голодающих, который всегда приходится наблюдать в годы неурожаев и непомерного вздорожания хлебных цен.

Лишенная родного крова и близких, оборванная и голодная масса людей эмигрировала в эти ужасные годы в Москву и Петроград, неся с собой волну всевозможных эпидемий, убийств, разбоев и грабежей.—Таким образом, даже этот шаткий статистический материал и то, лишний раз, подтверждает нам всю важность и бесспорность экономического фактора преступности, на котором мы остановимся подробнее несколько ниже.

Прежде чем перейти к исследованию имеющихся у нас под руками анкетных материалов и сделать отсюда надлежащие выводы, мы позволим себе, в целях большей убедительности последних, остановиться на кратком изложении биографии некоторых наиболее интересных типов нашего преступного мира.—Такой подход к делу будет лишним аргументом в пользу того вывода, что современный преступный люд, со всеми своими привычками и инстинктами, есть ничто иное, как яркое отражение самого общества, его создающего и поддерживающего наглядными массовыми примерами легального пролития крови человеческой (например, война).

С . .—, обвиняемый в ряде вооруженных ограблений и краж, из коих многие сопровождались убийствами и изнасилованиями жертв, является типичным представителем предводителя шайки бандитов.—Родился он в бедной семье; отца своего не помнит.—Жил до одиннадцатилетнего возраста с матерью, работавшей поломойкой в одной из бань гор. Красноярска.—С самого раннего детства он познал и нужду и лишения, проводя все свое время без всякого присмотра со стороны матери, ибо последняя, работая по ночам, в течение дня отдыхала и занималась домашним хозяйством.—С одиннадцати лет С . . , хорошо выучившийся ездить верхом, поступает на службу к одному богатому купцу города в качестве наездника.—Перед мальчиком открывается новая жизнь—жизнь полная довольства и веселья.—Из забитого, голодного и холодного ребенка, сплошь да рядом сидевшего без куска черного хлеба, он превращается в специалиста, которым начинают интересоваться любители коннозаводства, которого пытаются переманить к себе теми или иными поблажками.—

Сделавшись наездником С.. проводит все свое время со взрослыми конюхами и лакеями барина; с ними же он и ночует в общей спальне.—Естественно, что хитрый и развитой мальчик пользуется этим случаем для того, чтобы перенять у взрослых все их дурные привычки, тем более, что его прежняя домашняя жизнь не могла заложить в нем прочных основ для нравственного развития и противостояния пороку.—Два или три года спустя С.., начавший уже сильно физически развиваться, становится мало пригодным для роли легкого наездника и, в силу этого, лишается своего места.—Он возвращается обратно к матери, вкусивши и изведавши много того, чего еще не должен был знать в свои ранние годы.—Вскоре матери удается устроить сына на конфектной фабрике в качестве подмастерья.—Для С... началась обычная, тяжелая, будничная жизнь ученика, заваленного иногда непосильной работой со всеми ее понуканиями и подзатыльниками.—Неприспособленный к серьезному труду и крайне импульсивный по своей невыдержанной натуре, мальчик бросает службу и вновь возвращается к матери, с которой продолжает совместно жить лет до 18-ти или 19-ти.—Здесь С... начинает постепенно завязывать знакомство с разными подонками общества,—такими же ничего не делающими парнями, как и он сам.—Пустая, нетрудовая жизнь быстро всасывает его в свою тину, а легко воспринятые у взрослых и развившиеся потребности сближают его с преступным миром Красноярска.—Единственным приятным времяпрепровождением для С... и его друзей становятся игры в „войнишки“, сплошь да рядом кончавшиеся поножевщиной, и пускание голубей.—Во время одной из таких увеселительных войн С... получает тринадцать ранений, в результате чего проводит в больнице несколько дней без памяти.—При обследовании этого суб'екта нами действительно было обнаружено у него на голове и теле очень большое число следов серьезных ранений, из которых некоторые не могли не оставить на нем своего пагубного отпечатка.—Впервые С... попадает на скамью подсудимых за кражу голубей.—В виду первой судимости и несовершеннолетия, мировой судья отдает его на поруки матери, но, увы, не надолго.—Вскоре

после этого события наступает для С... трехмесячное тюремное заключение за поножевщину и нанесение ран во время игры в „войнишку“; это наказание отбывается им в Красноярской тюрьме в одной же камере со взрослыми преступниками.—С.. быстро осваивается с этой средой и выходит через три месяца с богатым запасом теоретических знаний преступного мира.—„С этого момента—говорит об‘ект нашего исследования—я перестал бояться тюрьмы, которая мне рисовалась раньше чем-то ужасным и страшным; вернуться в нее меня уже больше не пугало“...

Выйдя на свободу и прожив некоторое время с матерью, С.. поступает в один из лихих партизанских отрядов Сибири, действовавших тогда против Колчака; для него, столь любившего играть в войну и рисковавшего жизнью ради пустого удовольствия, настоящая война не была страшна, и он отдается всею своей душой.—Провоевав несколько лет, С.., в один прекрасный день, был демобилизован и вновь очутился в Красноярске.—Переехав оттуда в гор. Ачинск и встретившись там с некоторыми из своих старых знакомых по тюрьме, С.. возвращается к своей преступной карьере, но уже гораздо в большем масштабе, как качественном, так и количественном.—Его смелая и предприимчивая натура об‘единяет вокруг него других, более слабых, но также ищущих легкой наживы и беспечной жизни, людей и они, в поисках „работы“, долго путешествуют из одного города в другой, пока их преступное сообщество не было раскрыто органами власти.—Если к сказанному присовокупить способность С.. пьянеть лишь после одной четверти выпитого самогона и наличие всевозможных венерических болезней, плохо, а то и совсем не залеченных, то его биография и портрет его личности станут для нас совершенно ясными.—А еще яснее и еще рельефнее будут выделяться те причины, которые создали из него бандита, которые, оторвав его от нормальной жизни, бросили в бездну преступности и порока.

Производит С.., при продолжительном его обследовании, впечатление человека далеко неглупого, эгоистичного, скрытного и импульсивного; его моральные чувства чрезвы-

чайно притуплены (так, например, еще в детстве он любил мучить животных), но все же он, безусловно, вменяем.

Другим, не менее интересным для изучения, типом является бандит О.—Родился он в семье бедного рабочего, имевшего 7 человек детей.—Отец его сильно пьянствовал.—В эти дни видели его дома лишь по праздникам.—Мать страдала какой-то тяжелой душевной болезнью и некоторое время находилась на излечении в доме умалишенных.—„Очень часто отец напившись—рассказывает О.—выгонял нас всех с матерью на улицу, при сильном морозе, и мы вынуждены были ютиться, целыми ночами, в сараях и конюшнях, испытывая и голод и холод". Умер его отец от белой горячки.—Когда О. исполнилось 14 лет, мать отдала его в ученье к чистильщику сапог, дабы избавиться от лишнего рта и иметь возможность получать от него хоть кое-какую пользу.—Заработок был ничтожен и О. приходилось еще приторговывать в свободное время газетами.

Все деньги, им зарабатываемые, брала мать.—Постоянное пребывание среди испорченных детей, в поисках лишней копейки, невольно оказало на О. свое пагубное и растлевающее влияние.—Он, следуя примеру старших, начинает заниматься мелкими карманными кражами; несколько раз попадается на месте преступления, за что отдается Комиссией по делам несовершеннолетних на поруки матери, что, естественно, приводит к продолжению уже начатой им работы.—Однажды О. пришлось отбыть 4-х месячное наказание в одной из колоний для малолетных.—Там, по его словам, он близко сошелся с некоторыми другими сидельцами и, по выходе на свободу, они стали работать еще лучше и осторожнее.—В 1919 году О. принимает участие в охране города от наступавших на него чехов; после взятия города последними, он, за что-то, попадает в тюрьму, где и просиживает целый год.—Пребывание в тюрьме для него, уже испытавшего прелести многих краткосрочных арестов и сиденья в доме несовершеннолетних преступников, было самым обычным времяпрепровождением, давшем ему еще новых друзей и лишнего профессионального лоска.—По выходе оттуда О., успевший задолжать крупную сумму денег одному, видному

Михаил Осипов,
он же Мишка Культяпый.

Низковская, сожительница Мишки
Культяпова.

Качутков, он же Ткач,
Степка Косой.

Згибнев—Качук,
брат Павла Качукова (Ткач).

в преступной среде, бандиту, начинает работать вместе с ним, принимая иногда прямое, а иногда косвенное участие в налетах и убийствах его банды.—Беспрекословное подчинение начальнику доходит у О. даже до того, что он, по его приказанию, собственноручно убивает из револьвера свою сожительницу-проститутку Д., дабы дать возможность жене главаря воспользоваться ее документами.—Будучи арестованным, О. чистосердечно сознается во всем, кроме „мокрых дел“ (что означает дела, кончавшиеся убийствами или ранениями жертв), которые он всячески старается свалить на своих соратников.

Небольшого роста, слабого питания, почти с полным отсутствием растительности на лице, О. производит полное впечатление дегенерата, однако, далеко не лишенного надлежащей практической сметки и даже некоторой доли ума.—Говорить о наличии у него каких-либо моральных чувств не приходится, ибо о всех своих похождениях он говорит совершенно одинаково.—„Красть можно—говорит О.—но лишь у богатых, тогда когда в чем-нибудь нуждаешься“.—На вопрос, что он станет делать по выходе из тюрьмы, О., не долго думая, отвечает: „если не расстреляют, начну вновь заниматься карманными кражами“.

Таковы в нескольких словах биография и характеристика этого аморального существа, которое, однако, нельзя причислить к категории лиц невменяемых, ибо у него на ряду с поражением нравственного чувства, можно смело констатировать наличность более или менее удовлетворительного мышления.

С., обвиняемый в нескольких ограблениях и убийствах, несмотря на свои 23 года, уже успел досконально пройти весь преступный искус, начиная от работы по мелким делам карманных краж и кончая „мокрыми делами“.—Родился он в одной из деревень Веневского уезда Тульской губ. от бедных родителей.—Отец его очень много пил и, будучи пьяным, частенько учинял жестокие расправы над детьми и матерью, на которой фактически лежало все хозяйственное бремя; она даже лишилась слуха от постоянных побоев своего супруга.—Однажды отца в пьяном виде задавила лошадь.—Мать,

испытывавшая сильную нужду, решается отдать сына в ученье в Москву, оставив при себе лишь его второго брата—мальчика слепого от рождения и припадочного.—С., в то время имевший двенадцать лет, поступает в один из захолустных московских трактиров, где перед ним, во всей своей наготе, раскрывается жизнь нашего столичного дна с его постоянными аборигенами-ворами, сутенерами и проститутками.—Здесь, безусловно, начинает подготовливаться будущий грабитель и бандит.—Перед глазами ребенка, уже физически и нравственно оскудевшего за время своей полной лишений деревенской жизни, вереницей проходят „деловые“ люди, беззастенчиво швырящиеся деньгами, ими так легко нажитыми.—С 15-ти летнего возраста С. уже познает все прелести половой жизни, вскоре после этого заразившись тяжелой венерической болезнью.—Прослужив несколько лет в трактире, он переходит на службу в один из московских гастрономических магазинов, где служит до конца 1917 г., когда, ставши безработным в виду закрытия частной торговли, поступает добровольцем в Красную армию и едет сражаться на восточный фронт.—Провоевав три года, С., после демобилизации, начинает торговать папиросами в одном из губернских городов.—Здесь он сближается с темным элементом города, начинает сильно пить, становится заядлым кокаинистом и, в конце концов, попадает за какие-то провинности в тюрьму; последняя довершает его преступную шлифовку.—Лишенный каких бы то ни было моральных устоев, С. по выходе из тюрьмы, вновь начинает свою преступную карьеру, совместно с некоторыми из освобожденных сотоварищей по сиденью, не останавливаясь даже перед убийствами жертв ограбления.—К счастью для общества, его работа продолжалась недолго; в один прекрасный день он и все его сообщники были задержаны и преданы суду.

Производит С. впечатление человека чрезвычайно легко поддающегося чужому влиянию, угрюмого и скрытного.—Нравственные чувства у него значительно понижены, но все же не безвозвратно утеряны.—Он вполне вменяем, хотя и носит на себе явные следы тяжелой наследственности и плохо залеченной венерической болезни.

Менее интересным, но все же характерным типом бандита, является некий Н.—Происходя из бедной малоземельной крестьянской семьи одной из центральных губерний, Н. с самого раннего детства занимался пастушеством, чем немного поддерживал своих родителей.—Никакого образования он так и не получил.—Отец его много пил и умудрялся пропивать не только все деньги, но и предметы домашнего обихода.—Мать, изнуренная непосильной работой, умерла когда Н. было еще около десяти лет.—Работая пастухом, или вернее подпаском, Н. проводил все свое время в обществе других пастухов, у которых он научился многому такому, о чем еще и не должен был знать в свои детские годы.—Его половая жизнь, как у большинства преступников, началась очень рано и сопровождалась разными противоестественными отклонениями.—Проработав всю свою молодость с пастухами, а затем уже в качестве батрака, Н. попадает на короткое время на военную службу; по ее окончании, он, лишенный родных и близких, долго ищет работы, влача полуголодное существование.—Однажды, в сообществе с другим деревенским парнем, также безработным, Н. нападает в лесу на одну старуху, убивает ее и уже над мертвой совершает половой акт.—Это деяние, вскоре раскрытое, и приводит его на скамью подсудимых.

Н. производит впечатление человека крайне тупого, у которого явно доминируют чисто животные инстинкты; сдерживать их он, благодаря отрицательным условиям своего воспитания, не в состоянии.

Наряду с этими мужскими типами мы не можем обойти молчанием и некоторых женщин, также обвиняемых в разбоях и грабежах.—В подавляющем большинстве случаев, женщины являются лишь укрывательницами или наводчицами бандитов, не принимая активного участия в их работе.—В их сообществе бандиты проводят свободное время за кутежами и оргиями; с ними они делятся награбленным и от них иногда получают необходимую информацию о предстоящих делах.

Реализация награбленного добра почти всегда поручается опытными бандитами женщинам, которые постепенно распро-

дают его, надлежаще видоизменяя, на рынках или разносят по надежным скупщикам краденого.—Если мужчины почти никогда не бывают прописаны, переходя в свободное от работы время из одного вертепа в другой, то женщины, наоборот, почти всегда имеют ту или иную оседлость и, для вида, даже профессию.

В неурожайное для мужчин время—женщины-бандитки содержат их, занимаясь проституцией, сплошь да рядом сопровождающейся хипесничеством.—Несмотря на такую работу, иногда доходящую до поразительного самоотвержения, эти женщины зачастую вынуждены бывают стоически переносить и истязания своих поклонников, являясь для них козлами отпущения за неудавшиеся или кем-либо другим „сорванные дела“ (под сорванными делами следует понимать дела, перехваченные другими преступниками).

У., обвиняемая в соучастии с своим сожителем, небезизвестным в уголовном мире бандитом, происходит из крестьянок Симбирской губернии.—Ей всего двадцать два года от роду.—Родители ее жили зажиточно, так как отец, кроме крестьянства, работал еще подрядчиком по плотническому делу.—За детьми (у У. были еще брат и две сестры) родители смотрели строго и воспитали их в надлежащей семейной обстановке.—Школу У. посещала лишь до одиннадцатилетнего возраста, а затем стала обучаться шитью.—Когда ей было семнадцать лет, она однажды подверглась изнасилованию, про которое промолчала из-за стыда. Вскоре после этого родители переезжают с детьми в Симбирск.—Здесь У., занимавшаяся шитьем казенного белья у себя на дому, завязывает близкое знакомство с соседкой, некоей П., которая в дальнейшем сыграла роковую роль в ее судьбе.—У подруги она часто встречалась с ее братом, в то время уже отбывавшим наказание в исправительно-трудовой колонии и приходившим по праздникам навещать сестру. Несмотря на дурную репутацию этого суб'екта, У. сходится с ним и живет совместно некоторое время, пока П. ее не бросает и не женится на другой.—Уже оторванная от семьи, не пожелавшей знаться с сожительницей карманника, У. поступает в прачечную, где работает за скромный паек, пока не заболевает

тифом.— Выйдя из больницы и устроившись в другой прачечной, У. вскоре сходится с одним красноармейцем, занимавшим довольно видную командную должность.—Тут она случайно узнает, что ее прежний возлюбленный П. уже перешел к более крупной и серьезной работе, т. е., что он из вора-карманника превратился в незаурядного бандита. Жизнь полной чашей длилась недолго; ее сожителя арестовали за взяточничество и она вновь очутилась на пороге полуголодного существования прачки.—Под влиянием сложившихся условий, У. совершает свое первое (по крайней мере официально-известное) преступление; она, совместно с другой прачкой, ворует простыни и попадается с поличным.—Суд приговаривает ее к двум годам лишения свободы, которые она отбывает лишь частично в Симбирской тюрьме.—По выходе оттуда, У. вновь сближается с своей старой подругой П., которая, благодаря брату, вращалась в обществе самых темных кругов Симбирска.—Видя расточительную жизнь подруги и завидуя ей, У. быстро пошла по наклонному пути, тем более, что ее прежняя жизнь не могла служить ей серьезной помехой.—Она просит подругу подыскать ей богатого сожителя, что та и делает, знакомя ее с одним бандитом. У. остается ночевать у этого бандита с первого же вечера их знакомства, несмотря на то, что приблизительно знала с кем именно сводит ее подруга.—„Еще немного—говорит она—и я бы пошла в публичный дом; мне очень хотелось жить, а не прозябать, ходить в золоте и хороших платьях, а не в лохмотьях“.—

Прожила У. совместно со своим новым сожителем недолго; за это время она, однако, успела видеть и много радостей и много горя.—Частые побои мужа она стоически переносила, ибо уже втянулась в эту жизнь, обычно полную риска и лишений, но подчас кутежей и довольства.—

У. производит впечатление женщины легкомысленной, любящей принарядиться и быть об‘ектом всеобщего внимания; ее моральные чувства весьма слабо развиты или, вернее, сильно притуплены под влиянием той среды, в которой она все время вращалась после разрыва с семьей.—

Другой, еще более интересный, тип бандитской жены представляет из себя некая Ч.

Родившись в довольно зажиточной семье машиниста, она успешно кончает четырехклассное железнодорожное училище и остается жить при родителях, помогая им в хозяйстве.—Отец строго следил за поведением дочери и, видимо, придавал ее воспитанию большое значение.— Мать ее была женщина больная, проводившая все свое время за лечением и не бывшая в состоянии уделять дочерям (у Ч. были еще сестры) много внимания.—Необходимость лечения больной жены заставляет отца переселиться с семьей в ближайший губернский город.—С этого момента для Ч. начинается новая жизнь: она заводит знакомства, начинает посещать театры и, видимо, всячески старается вознаградить себя за проведенные в деревенской глуши детские годы.—

Вскоре по приезде в город, Ч. удается, тайком от семьи, завести интимное знакомство с каким-то молодым рабочим.—

Связь эта, однако, длится не долго; влюбленные мирно расходятся и жизнь вновь принимает свое прежнее течение.—Однажды Ч. поехала в один из ближайших уездных городов и, по дороге в вагоне, завязала знакомство с каким-то молодым человеком в студенческой фуражке, который, по ее словам, произвел на нее большое впечатление.—Молодой человек сообщил Ч. свой адрес и просил побывать в гостях у него и его родных, с которыми он, якобы, совместно проживал.—Ч., видимо сильно желавшая продлить это новое знакомство, в один прекрасный день, направляется по указанному ей молодым человеком адресу,—но вместо встречи с последним, попадает в милицейскую засаду.—Ее отправляют в ближайшее Отделение Милиции и только там она узнает, что попала в квартиру бандитов, а лицо, давшее ей адрес и произведшее на нее столь приятное впечатление,—никто иной, как один из главарей банды.—Ч. посадили в тюрьму. Здесь нельзя обойти молчанием того впечатления, какое оказала на нее тюрьма и о котором она пишет в своем дневнике.—„За время сиденья в тюрьме я стала знать много такого, чего никогда еще не знала... Я раньше воображала воров такими страшными, обязательно высокими,

с черными большими глазами, широкими бровями, длинными ресницами, черными смоляными волосами и огромными ручищами... Но когда я стала узнавать за что сидят все эти люди, то узнала, что многие из них сидят за грабежи, кражи; мне как-то не верилось всему этому в начале, ибо я видела перед собой таких же людей, как и все остальные".—

Далее Ч. очень подробно останавливается в своем дневнике на тюремном времяпрепровождении и том неизбежно разлагающем влиянии, которое оно оказывает на новичков:—

„ . . . . . и вот соберется в кружок несколько человек, начинают разбирать, кто как жил, кто что делал; один перед другим хвастается и дойдет дело до ссоры и подерутся, проломлят друг-другу головы, за что их отправят на несколько дней в карцер".—

Естественно, что в этой растлевающей атмосфере, Ч. утеряла те благие задатки, которые были в ней заложены прежним домашним воспитанием.—Из девушки, несколько авантюристически настроенной, тюрьма создала серьезную преступницу, сблизив ее с подонками и „отверженными мира сего".—

В тюрьме Ч. встретила мнимого студента.—Между ними установилась переписка; тут же ей удается познакомиться и со своим будущим сожителем Т., в то время уже отбывавшим наказание за какие-то провинности.—По выходе на свободу она, отставшая от семьи, уезжает в деревню и там принимает участие в работах какой-то земледельческой артели.—Жизнь в деревне, на лоне природы, ее очень устраивает и она, вначале не имевшая понятия о крестьянстве, быстро осваивается.—Там, Ч. вступает в связь с одним местным крестьянином, от которого родит девочку; ребенок живет недолго.—По истечении 6-ти месяцев умирает также и ее гражданский муж.—Поехав однажды за продуктами в тот город, в котором она впервые была арестована, Ч. встречается на базаре со своим старым знакомым по тюрьме Т.—Не долго думая они сходятся и она решается следовать за ним в дальнюю поездку, прельщенная перспективой путешествия и преисполненная желания забыть все старое и пережитое.—Вскоре Ч. замечает за своим сожителем некото-

рые дефекты, она начинает понимать, что ее муж, постоянно общающийся с разным темным элементом, далеко не так безгрешен, каким он себя рисовал в начале их знакомства.— По словам Ч., впрочем мало заслуживающим доверия, она несколько раз ставила перед собой вопрос о бегстве от мужа, но каждый раз страшилась жестокой мести, ибо знала, что пощады ей тогда не будет.—Жили они ни в чем себе не отказывая; их жизнь пестрила кутежами и попойками, катаньем на рысаках и даже приобретением домов в двух городах России.—Эта жизнь, полная риска, скитаний и довольства (за редкими исключениями, когда муж все проигрывал в карты и даже посылал жену продавать свою последнюю одежду), приковала Ч. и не давала ей возможности вновь вернуться к честному труду. Скорее эта, а не какая либо другая причина, тесно связывала ее с той преступной средой, в которой она проживала последнее время пребывания на свободе.—Обращение с нею Т. было грубое и, подчас, даже жестокое; так, например, однажды, он нанес ей ножем рану в бок за то, что она попыталась воспрепятствовать ему пойти в гости к другим женщинам; в другой раз Т. нанес ей за какой-то пустяк сильный удар по голове поленом, после которого она долго не приходила в сознание.— Несмотря на все это, в ней не хватало мужества порвать свои отношения с Т. и она продолжала следовать за ним, разделяя его радости и горе. Была задержана Ч. совместно с задержанием всех членов банды ее мужа; ей пред'явлено обвинение по ч. II ст. 76 Угол. Кодекса, предусматривающей пособничество бандам и их членам, а равно и укрывательство таковых.

При более близком знакомстве с Ч., она производит впечатление человека умственно вполне развитого, эгоистичного и с полным отсутствием морального чувства. Ч. также легко отдаться первому встречному мужчине, как заведомо пользоваться плодами кровавой преступной деятельности своего сожителя.—Ее любовь к природе и тихой семейной жизни, о которых она так часто говорила и так много писала в дневнике, окончательно заглохла под влиянием пустой бессодержательной жизни бандитской содержанки.—Попойки

и кутежи сменили собой здоровую трудовую жизнь крестьянки и превратили ее из любящей матери, в чувственную и эгоистичную проститутку.

Нельзя обойти молчанием также В., родившейся в семье сторожа одного из захолустных городов Сибири.—Когда девочке было девять лет от роду, мать бросила ее с отцом и сбежала с любовником, так что ребенок провел все свое детство без материнских ласк.—Поучившись в школе до четырнадцати лет, В. вслед затем, поступает в учение к одной из лучших портних города; работала она у нее в течение 2-х лет и за это время успела пройти почти все необходимое.—Жила В., во время обучения ремеслу, у портнихи вместе с другими девочками и мастерицами; работы было много.—Иногда приходилось просиживать, не разгибая спины, до поздней ночи.—За это время у подроставшей девочки начала разгораться страсть к хорошим туалетам, всевозможным развлечениям и чтению, исключительно рассказов сомнительного содержания. Удовлетворить эти потребности, столь естественные для тех условий, в которых живут ученицы разных модных мастерских и магазинов, на глазах которых ежедневно резко выявляется контраст между тяжелым трудом и веселой, полной довольства, жизнью некоторых заказчиц, В. не могла за отсутствием денег.—Окончив учение, она переезжает на некоторое время к отцу, но вскоре выходит замуж за одного железнодорожника, который через два года расстреливается за участие в бандитской организации.—Дело мужа захлестнуло и В., она попадает в тюрьму; отбывает наказание лишь частично, так как бежит с одним из своих старых знакомых в другой город.—Этот знакомый оказался со значительным уголовным прошлым.—„Когда я решилась—говорит В.—бежать с своим сожителем, то я следовала исключительно чувству любви; меня совершенно не интересовала его профессия, его прежний образ жизни: он мне нравился, и я последовала за ним“.—После довольно продолжительных скитаний, во время которых В. часто жестоко избивалась своим возлюбленным, они были арестованы и доставлены в Москву.

В. производит впечатление женщины умной, скрытной, самолюбивой и, по всей вероятности, способной на самоотвержение. В то время, как многие другие женщины всячески стараются обелить себя за счет своих любовников и мужей, В., на все вопросы, касающиеся ее сожителя, упорно молчит и, видимо, его очень жалеет.—В этом отношении моральные устои безусловно несколько выше устоев других обследованных нами женщин.

После такого ознакомления с отдельными наиболее интересными типами современных бандитов обоего пола, мы позволим себе перейти к посильному выяснению тех факторов, которые привели всю эту массу людей на скамью подсудимых.

Из имеющихся в нашем распоряжении 182-х анкет сидельцев московских арестных домов мы, прежде всего, можем констатировать значительное преобладание грабителей и разбойников мужского пола; они, более чем в девять раз, превышают число женщин за те же деяния привлекаемых.—Это обстоятельство об'ясняется, главным образом, тем специфическим характером изучаемого нами вида преступности, который требует от деятеля наличия как физической силы, так и решимости и смелости.—Современная женщина, благодаря целому ряду социальных условий, в очень редких случаях может удовлетворять всем этим качествам, являющимся „Sine qua non“ бандитизма.—Но даже и это незначительное число женщин пополняется в большинстве случаев лишь пособницами, интересующих нас деликтов.—Пособничество выражается здесь в самых разнообразных формах, начиная от укрывательства самих бандитов и кончая собиранием и представлением сведений о тех или иных предстоящих делах.

Переходя к возрастному распределению мужчин, мы замечаем у них резкое повышение преступности, начиная с 20-ти летнего возраста; только с 30-ти летнего возраста эти цифры начинают уменьшаться, доходя до минимума при переходе за пятидесятилетний возраст, когда они достигают всего 0,6%.—За это десятилетие больше попадают на скамью подсудимых лица в возрасте от 20—24 лет, а именно—из всей преступной массы они составляют 29,6%, тогда как

мужчины в возрасте от 25—29 лет дают лишь 25,5%.—Несовершеннолетние, распадаясь на 2 группы, дают максимальное число случаев в возрасте от 16—17 лет включительно; здесь их преступность идентична с преступностью взрослых мужчин в возрасте от 40—49 лет и равняется 6,1% общего количества. У женщин мы замечаем некоторое отклонение от только что указанного возрастного распределения мужской бандитской преступности. Своего максимума женская преступность достигает в возрасте от 30—39 лет, давая 33,3%.—Следующую группу составляют лица в возрасте от 18—19 лет (22,2%), а затем от 20—24 лет (16,6%).

Незначительное количество женских анкет лишает нас возможности более точно проследить возрастное движение их преступности и выявить ее минимальное количество; имеющиеся же у нас данные показывают нам, однако, что ниже 5,6% число женщин бандиток и грабительниц не падает, даже в возрасте свыше 50-ти лет. — Это интересное расхождение цифровых данных можно об'яснить отчасти тем, что мужская деятельность носит чисто активный характер, требующий от суб'екта максимального психофизического напряжения, о котором мы только что упоминали; таким условиям мужчина удовлетворяет, главным образом, в зрелом возрасте, начиная с момента их совершеннолетия.—Женская же преступность, выливающаяся в разнообразные формы пособничества, наоборот, либо захватывает в свои ряды молодых неопытных девиц, легко подпадающих под чужое влияние, либо уже переваливших за тридцать лет женщин, в большинстве случаев с большим стажем воровок или проституток; этим самым можно также об'яснить и тот сравнительно больший процент преступности пожилых женщин, даваемых ими по сравнению с пожилыми мужчинами (0,6% и 5,6%).

Таким образом, суммируя все имеющиеся у нас под руками данные о соотношении возраста с грабежом и бандитизмом, мы смело можем считать самым опасным для мужчины возрастом, года его психо-физического расцвета, когда он достигает максимума силы и решимости.—Это положение должно быть принято за основное; от него вполне возможны

отклонения в ту или другую стороны, но с особенным понижением, при приближении к старческому возрасту.—Для женщин же, наоборот, самыми опасными являются лета либо их полной неопытности, когда они легко поддаются чужому влиянию, либо той зрелости, которая богата уголовным прошлым, когда они уже причаливают к тихой пристани—притоносодержательниц или укрывательниц.

Разнообразные уклонения от этих положений у женщин возможны в гораздо большей степени, чем у мужчин, ибо очень часто их подсобным занятием является проституция, которая особенно легко сближает их с разными уголовными элементами и значительно затрудняет возможность правильного их учета.—В этом отношении нельзя не припомнить учение видного итальянского криминалиста - антрополога Ломброзо о том, что женская преступность локализируется в проституции. При всем несоответствии этого учения, в свое время много нашумевшего, истинному положению вещей, в нем кроется, однако, значительная доля правды, ибо нет профессии более темной и социально опасной, как продажа женского тела.

Коснувшись возраста мы не можем обойти молчанием той дискуссии, которая велась виднейшими криминалистами и статистиками запада и России по вопросу о его влиянии на преступность и ее разновидности. Основное положение итальянского социалиста Колаяни, что возраст не является причиной преступности, нашло себе много противников, в том числе статистиков Кетле и Герри и нашего криминалиста Неклюдова. Мы полагаем, что считать возраст одной из причин преступности было бы слишком смело и рисковано, но все же нельзя не пометить определенного между ними взаимоотношения, благодаря чему можно говорить о тяготении того или иного вида преступности к той или иной возрастной группе. Такого подхода к делу, как наиболее правильного, придерживаемся и мы в настоящем исследовании.

Интересные данные дает цифровой материал относительно продолжительности проживания бандитов и грабителей в месте совершения деяния.—Здесь максимальное число деликтов у лиц обоего пола падает на проживших в месте

совершения преступления свыше 10-ти лет; у мужчин—33,9%, а у женщин—27,8%. Следующую количественную группу составляют лица вновь прибывшие, т. е. те, которые еще не успели прожить, в местности совершения деяния, долее 6-ти месяцев. Мужской пол дает здесь—26,7%, а женский те же самые 27,8%. Остальные возрастные группы лиц обоего пола дают, в отношении продолжительности проживания в месте преступления, значительно меньший процент грабителей и бандитов, достигая своего минимума при проживании от 6-ти мес. до 1-го года. Здесь небезинтересно отметить некоторое расхождение нашего анкетного материала с теми общеустановленными в науке положениями, в силу коих нас интересующая преступность всегда совершается чаще пришлым элементом, чем тем, у которого имеется известная оседлость. По нашему мнению наблюдаемое отклонение может быть смело об'яснено лишь особым превалированием экономического фактора в годы войны и революции, когда многие, выбитые из нормальной колеи люди, оказались перед лицом безработицы и голода; в этих ужасных случаях не могла им помочь и их оседлость, ибо все, что можно было продать, для поддержания своего существования, было уже давно ими продано и обменено на хлеб. Это несомненно временное отступление от установившегося положения исчезнет тогда, когда жизнь общества вольется в нормальную колею, когда все желающие получат возможность найти применение своему труду. Тогда пальма первенства вновь перейдет к иммигрирующему элементу, всегда более легко поддающемуся влиянию социальных факторов.

Переходя к вопросу о наличии детей у лиц, обвиняемых в бандитизме, мы, прежде всего, должны констатировать их полное отсутствие у подавляющего большинства: у мужчины это отсутствие достигает 75,8%, а у женщины—72,2%. Чаще попадаются за бандитизм и грабежи родители тех детей, которые еще не достигли тринадцатилетнего возраста, что вполне об'яснимо превалированием преступников молодых возрастных групп. Во всяком случае можно смело утверждать, что имеющийся в нашем распоряжении цифровой материал вполне подтверждает уже давно подмеченную стати-

стикой связь между грубой имущественной преступностью и отсутствием наличия детей.

Если подойти к грабителям и бандитам с точки зрения их социального положения, как настоящего, так и прежнего до революционного, то мы заметим, что пальма первенства здесь, в отношении лиц обоего пола, принадлежит: до переворота—рабочим и служащим, а после переворота—безработным и хозяевам. Рабочие и служащие в настоящее время идут уже на третьем и четвертом местах, значительно уступая первым двум группам.—То обстоятельство, что сейчас почти 1/3 всех бандитов падает на долю безработных, вполне ясно, и вряд ли требует каких-либо особых пояснений; повсюду проводимые сокращения штатов, при слабом развитии частных торговли и промышленности, и почти полном отсутствии серьезно поставленной помощи безработным, не по их вине сокращаемым, невольно толкает их на путь преступности и порока, создавая мощный резерв уголовной армии. За безработными и числу совершаемых деликтов, хозяева разных предприятий, преступность коих в до-революционное время стояла на довольно низком уровне. Причинность этого положения вещей следует искать, главным образом, в двух, совершенно противоположных направлениях, а именно: у большинства—в жажде скорейшей и наилегчайшей наживы, а у других—в том действительно затруднительном положении некоторых мелких хозяйчиков, непосильно экономически обремененных. Многие из них, раньше чем сделаться хозяевами, прошли длинный стаж рабочих и служащих и только что оперились для самостоятельной эксплоатации того или иного дела.

Среди этих злополучных хозяев часто встречаются мелкие ремесленники—кустари, которые не были в состоянии выдержать все разрастающуюся производственную конкуренцию.—Наименьший процент преступников падает на учащихся (0,6%) и деклассированный элемент (1,8%), а у женщин—еще на домашних хозяек (5,6%), при условии исключения военно-служащих, на которых мы остановимся отдельно.

Учащиеся всегда играли незначительную роль в истории современной преступности, что об'ясняется как их большей или меньшей обеспеченностью, так и постоянной от-

влекаемостью учением.—Незначительность же роли деклассированного элемента в пополнении рядов грабителей и бандитов об'ясняется ничем иным, как его уменьем ловко маскировать свое действительное социальное положение: этот элемент, безусловно, отдает свою должную дань семье преступников, но при производстве анкетного учета, он вероятно проходит под маркой безработных.

Военнослужащие дают сравнительно небольшое число интересующих нас правонарушителей, при чем $^0/_0{}^0/_0$ отношение комсостава и рядовых, к общему числу анкет одинаково; в обоих случаях оно равняется 0,6%.—Армия всегда значительно уменьшала преступность, ибо концентрировала в себе самый опасный по возрасту элемент, обеспечивая его всем необходимым, а равно и подвергая его влиянию строго военной дисциплины.

Касаясь прежней судимости грабителей и бандитов, мы не можем не отметить здесь явного преобладания лиц с первой судимостью: они составляют 67,9% общего числа бандитов; таким образом, на рецидивирующих падает лишь 32,1%.—Из этого числа рецидивистов большинство попало на скамью подсудимых во второй раз, и особенно в возрасте от 18-30 лет, т. е. именно в том возрасте, который, как мы уже видели, главным образом, пополняет преступные кадры.

Рецидивирующих малолетних сравнительно меньше: из общего количества 13-ти человек бандитов и грабителей, на их долю приходится всего 2, что составляет приблизительно $^1/_6$ часть.

Более подробное описание рецидивистов мы найдем в специально им посвященной статье настоящего сборника.—Интересно отметить, что большинство лиц, прошедших через наше обследование, чрезвычайно рано начало свою половую жизнь; можно смело утверждать, что большая половина грабителей и бандитов познали прелесть половой жизни еще в возрасте от 12—15 лет, что, конечно, в наших условиях, крайне ненормально. Такое раннее развитие половой сферы, обыкновенно оказывает самое разлагающее влияние на психико-физическое развитие индивида, притупляя его моральные чувства.

Вот, что пишет в одном из своих многочисленных трудов итальянский профессор Э. Ферри по только что затронутому нами вопросу. „Из разбойников многие получили известность, благодаря напряженности своих половых влечений, часто соединявшихся с какою-то любовною жестокостью, вследствие ревности или даже полового удовлетворения. Следует еще упомянуть о раннем наступлении половой зрелости у преступников для характеристики их поло-

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ГРАБИТЕЛЕЙ И БАНДИТОВ (МУЖЧИН) ПРОЖИВАНИЯ В МЕСТЕ СОВЕРШЕНИЯ

Возраст	Общее число.	Время проживания в месте совершения преступления.						% %	НАЛИЧНОСТЬ ДЕТЕЙ.									
									Не имел детей при себе.	Имел детей при себе.				Имел детей в возрасте.				
		До 6 мес.	от ½—1 г.	1—5 лет.	5—10 лет.	от 10 лет.	Неизвестно			1 ребенок.	2—3 детей.	более 3 дет.	Неизвестно.	До 13 лет.	От 14—17 л.	от 18 л. и ст.	дети раз. воз.	Неизвестно.
От14-15л.	3	—	—	1	—	2	—	1,8	3	—	—	1	—	—	—	—	—	—
„ 16-17 „	10	2	—	1	2	3	2	6,1	10	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Итого	13	2	—	2	2	5	2	7,9	13	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Совершеннолетние.																		
От18-19л.	26	3	1	5	5	11	1	15,8	25	1	—	—	—	1	—	—	—	—
„ 20-24 „	49	12	3	8	6	18	2	29,6	47	2	—	—	—	2	—	—	—	—
„ 25-29 „	42	15	1	9	3	11	3	25,5	25	13	4	—	—	16	1	—	—	—
„ 30-39 „	24	7	2	3	1	8	3	14,5	13	4	5	2	—	8	—	—	1	2
„ 40-49 „	10	5	—	1	—	3	1	6,1	2	—	5	2	1	5	—	—	2	1
„ 50-59 „	1	—	—	—	—	—	1	0,6	—	—	1	—	—	—	—	—	1	—
60 и выше	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Итого	152	42	7	26	15	51	11	92,1	112	20	15	4	1	32	1	—	4	3
ВСЕГО	165	44	7	28	17	56	13	100,0	125	20	15	4	1	32	1	—	4	3
% %	100,0	26,7	4,2	17,0	10,3	33,9	7,9	—	75,8	12,1	9,1	2,4	0,6	19,4	0,6	—	2,4	1,8

вой жизни". Если вспомнить ту жестокость, с которой многие из исследованных нами бандитов обращались со своими любовницами, если вспомнить те гнусные изнасилования, которые они иногда творили над истекающими кровью жертвами, то приведенные слова всемирно известного криминалиста, не будут казаться нам простым, лишенным практического значения, доктринерством.

ПО ВОЗРАСТУ, СУДИМОСТЯМ, ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И НАЛИЧИЮ ДЕТЕЙ.

КОЛИЧЕСТВО ПРИГОВОРОВ.																				Первая судимость.
Возраст осужденных по I пригов.					Тоже по II и III приговору.					Тоже по IV-VII приговору.					Тоже начиная с VIII и больш.					
До 13 лет.	14—17 лет.	18—30 лет.	31 и более.	Неизвестно.	До 13 лет.	14—17 лет.	18—30 лет.	31 и более.	Неизвестно.	До 13 лет.	14—17 лет.	18—30 лет.	31 и более.	Неизвестно.	До 13 лет.	14—17 лет.	18—30 лет.	31 и более.	Неизвестно	
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3
—	1	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	8
—	1	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	11
—	1	1	—	—	—	4	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	20
1	—	5	—	1	—	1	7	—	1	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	32
—	—	8	—	1	—	1	4	—	—	—	1	1	—	—	1	—	—	—	—	25
—	1	2	3	1	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	15
—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	9
—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1	2	16	3	3	—	6	12	2	1	—	2	1	—	—	1	1	—	—	—	101
1	3	16	3	3	—	7	12	2	1	—	2	1	—	—	1	1	—	—	—	112
0,6	1,8	9,8	1,8	1,8	—	4,9	7,3	1,2	0,6	—	1,2	0,6	—	—	0,6	0,6	—	—	—	67,9

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ГРАБИТЕЛЕЙ И БАНДИТОВ

Занятия до Октябрьской Революции.	ЗАНЯТИЯ ВО							
	Сельск. хозяйств.				Другие			
	Хозяева.	Рабочие.	Неизвестно.	Итого.	Хозяева.	Рабочие.	Служащие.	Интеллиг. профессий.
Сельское хозяйство:								
Хозяева	5	—	—	5	1	—	—	—
Рабочие	—	—	—	—	—	—	—	—
Неизвестно	—	—	—	—	—	4	1	—
Итого	5	—	—	5	1	4	1	—
Другие занятия:								
Хозяева	—	—	—	—	7	—	—	—
Рабочие	1	—	1	2	7	10	6	—
Служащие	2	—	—	2	3	1	4	—
Интеллиг. профессий	—	—	—	—	—	—	—	—
Военнослужащие:								
Комсостав	—	—	—	—	1	—	—	—
Рядовые	—	—	—	—	3	1	1	—
Неизвестно	—	—	—	—	4	1	—	—
Итого	—	—	—	—	8	2	1	—
Учащиеся	—	—	—	—	2	—	3	—
Домашн. хозяйки	—	—	—	—	—	—	—	—
Деклассиров. элемент	—	—	—	—	—	—	—	—
Безработн. сост. в профсоюзе	—	—	—	—	—	—	—	—
Прочие безработные	—	—	—	—	—	—	—	—
Без определ. занятий	—	—	—	—	4	3	4	—
ВСЕГО	8	—	1	9	32	20	19	—

МУЖЧИН ПО ИХ СОЦИАЛЬНОМУ ПОЛОЖЕНИЮ.

ВРЕМЯ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ.

виды занятий.

Военно-служ.											
Комсостав.	Рядовые.	Неизвестно.	Итого.	Учащиеся.	Домашние хозяйки.	Деклассир. элемент.	Безработн. в профсоюзе	Прочие безработн.	Без определ. занятий.	ВСЕГО.	% %.
—	—	1	1	—	—	—	—	2	1	10	6,1
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	7	4,2
—	—	1	1	—	—	—	—	2	3	17	10,3
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	7	4,2
—	—	—	—	—	—	1	6	16	2	50	30,3
—	—	1	1	—	—	—	4	20	1	36	21,8
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	0,6
—	1	—	1	—	—	—	—	4	—	10	6,1
—	—	—	—	—	—	—	—	4	—	9	5,4
—	1	—	1	—	—	—	—	8	—	20	12,1
1	—	—	1	1	—	1	1	3	2	14	8,5
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	2	1,2
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	1	1	4	2	19	11,6
1	1	2	4	1	—	3	12	53	12	165	100,0

Таковы те скромные цифровые данные, которые нам удалось собрать из имевшихся в нашем распоряжении анкет сидельцев московских арестных домов. Если этот материал и дает нам более или менее правильные сведения о мужском контингенте грабителей и бандитов, то, конечно, этого нельзя будет сказать про женщин; их слишком малозначительное количество лишает нас возможности строить выводы на цифровых материалах. Кладя его в основу исследования, мы были вынуждены также оперировать и с теми сведениями, которые успели почерпнуть из нашей несколько-летней практической работы в области юстиции.

Когда мы в отдельности знакомимся с этими анкетами и вспоминаем те впечатления, которые на нас оказали, при продолжительных личных беседах, некоторые из их авторов, то мы, невольно, убеждаемся в правоте слов одного видного итальянского социалиста, сказавшего, что не в индивиде должны мы искать причину преступности и ее роста, а в самом обществе, в той среде, в которой преступный человек рос и воспитывался, которая постепенно создавала из человека—врага человечества, из полезного труженика—зловредного паразита общественности. Не в особенностях психо-физической конструкции организма преступного индивида должны мы искать корень социального зла, а в том общественном укладе, который постепенно создает из человека—существо более кровожадное и немилосердное, чем дикий зверь. Цвет современного бандитизма, прошедший через наши суды и увековечивший себя на страницах газет и журналов, есть ничто иное как живой укор самому же обществу, а судебные приговоры, которые неизбежно сопровождают такого рода уголовные дела, являются ничем иным, как приговором над всем обществом, которое в течение веков не сумело воспитать своих членов и самого себя в должном уважении к человеческой личности и ее неприкосновенности.

Большинство прошедших перед нами грабителей и бандитов совершили свое преступное деяние под непосредственным влиянием тяжелых экономических условий—состояния голода и нужды. Не имея возможности найти применения своему труду, голодные и холодные, эти люди решаются

встать на преступный путь чаще всего начиная свою деятельность с мелких имущественных правонарушений. Перейдя же за Рубикон общественности, именуемый Уголовным Кодексом, они постепенно втягиваются в тину порока и преступности, продолжая заметать за собой следы возврата к прежней трудовой и честной жизни. Достаточно попасть таким суб'ектам в места заключения, для того, чтобы перед ними, возможно еще новичками, воскресла во всей своей полноте преступная премудрость со всеми тонкостями ее техники. Здесь завязываются новые знакомства, здесь воочию убеждаешься в том, что тюрьма не так уже страшна и ужасна, какою она кажется с самого начала, здесь видишь, что совместно с тобой сидят такие же люди как и ты, но обвиняемые в грабежах и убийствах. И вот, в этом искусственном соединении людей разного характера, возрастов, убеждений, положений, человек постепенно теряет свой прежний облик, свое прежнее „я", которым он вначале, вероятно, так дорожил; здесь все вливается в одну шумную, порою дикую массу, в которой становится неузнаваемым вчерашний новичек, в которой господствуют азарт и противоестественные пороки.

Выйдя из тюрьмы, преступник, возможно случайный, вновь вынужден вернуться в круг тех лиц, которые окажут ему радушный прием и которые вновь поведут его на новые, уже более серьезные и рискованные дела. Так, в большинстве случаев, проходят свою профессиональную карьеру все преступники, а в частности грабители и бандиты. Из мелкого и забитого вора-карманника они превращаются в более крупного вора, оперирующего по рынкам и вокзалам, в поисках более значительной наживы; в свою очередь из последних уже вербуется армия домушников, от которых до грабителей всего лишь один шаг: „побольше смелости и решимости и дело в шляпе", как-то ответил нам один из грабителей на вопрос—как он решился учинить нападение на намеченную им жертву.

С того же момента, как преступник становится на путь открытого нападения, с применением насилия, он уже созрел для бандита или разбойника. Встретив хоть один раз серьез-

ное сопротивление со стороны об'екта нападения,—он уже в следующий раз, следуя инстинкту самоохранения, пойдет на работу с оружием в руках, и естественным последствием чего может уже оказаться наличие „мокрого дела".

Но кроме тяжелых материальных условий, создает преступника иногда и желание пользоваться всеми жизненными наслаждениями, доступными лишь состоятельным классам общества. В этих случаях нам не придется говорить о куске насущного хлеба какого-нибудь забитого судьбой безработного или живущего на жалкие гроши чернорабочего: здесь перед нами появляются совершенно другие преступные типы, хотя бы даже тех же самых грабителей и бандитов. Имеющие некоторые достатки, позволяющие им вести скромный, трудовой образ жизни, эти люди, недовольные своей судьбой, начинают искать более легкой наживы, такой наживы, которая бы давала им возможность безудержно пользоваться всеми наслаждениями жизни, которая бы не гнула их спины под тяжестью повседневных забот и труда.

Обыкновенно эти люди реже проходят тот постепенный преступный искус, о котором мы только что говорили; они сразу встают на путь открытого насилия, на путь явного игнорирования личности другого человека. Они как будто бы об'являют войну обществу и начинают вести ее с того самого момента, когда решают порвать те узы, которые их связывали с окружающей средой. Эти суб'екты, безусловно, более опасные и более отталкивающие чем первые, являются опять таки ничем иным, как продуктом того самого общественного строя, который породил первых. Если бы они жили в полном довольстве, если бы перед ними не стояла постоянная угроза голода, возможно и не дошедшая до состояния крайности, но все же себя напоминающая, если бы они не были очевидцами той неравномерности, которая наблюдается в распределении жизненных благ, когда одни довольствуются жалкими крохами, а другие пользуются излишками, то возможно они не стали бы преступниками, а особенно преступниками кровавыми и озлобленными.

Набрасывая эти строки мы невольно вспоминаем слова казненного во Франции анархиста-бандита Равашоль в

своей защитительной речи: „Что должен делать тот, кто, несмотря на труд, все же терпит нужду в необходимом . . . Если ему придется прекратить работу—он умрет с голода и тогда в утешение трупу бросят несколько жалких слов . . . Я предоставляю это другим . . . я предпочитаю контрабанду, воровство, подделку денег, убийство“ . . . .

Горько, обличительно для общества, звучат эти слова—слова казненного убийцы.

Но этого мало, все эти люди, как первые, так и вторые, во многом попали на преступный путь, благодаря тому, что с раннего детства не получили должного образования, а главное воспитания.—Их детские года прошли в той среде, где тяжелый труд родителей, братьев и сестер заволакивал собою все существование, где не было свободного времени для того, чтобы надлежаще воспользоваться развивающимися способностями ребенка. Непомерное пьянство, разгул и разврат, были наглядными пособиями в воспитании большинства преступного люда; здесь эти дети теряли не только свою детскую душу, но теряли человеческий облик, становясь подонками общества не по своей вине. *Они становились без вины виноватыми.*

Другие же преступники, если они и выросли в довольстве и, может быть, даже роскоши, также частенько обязаны своим преступным званием этим самым довольству и роскоши; их приучали с детства пользоваться всеми благами жизни, кроме труда; удовлетворяя все их желания, их не приучили к умеренности и постоянству. В результате такого воспитания, эти люди, при малейшем жизненном толчке, скорее решались итти в разрез с уголовными и этическими нормами, чем, не покладая рук, трудиться и скромно жить.

Таким образом, мы видим, что во всех прошедших перед нами случаях грабежа и бандитизма, *доминирующая роль принадлежит факторам чисто экономического характера;* являясь могучим рычагом современной преступности, этот фактор особенно сильно и больно поражает те местности, которые, на подобие России, пережили и войны и революции, с их почти неизбежными спутниками—голодом и разрухой.

В иных случаях экономические силы влияют на преступность непосредственно, толкая человека на совершение деяния в силу крайней нужды и необходимости; в других случаях они ограничиваются лишь косвенным, более отдаленным, но не менее сильным влиянием; они подготовляют, а иногда и создают оскудевшие в психо-физическом отношении лица, которые не в состоянии вынести на своих плечах тягости борьбы за существование, которые труднее прочих поддаются морализующему влиянию образования и воспитания.

Все прочие факторы преступности, как социального, так и биологического характера, являются ничем иным, как отражением могучего и всепоглощающего экономического фактора. Влияя на преступность вообще и грубую в частности, экономический фактор подготовляет на протяжении многих поколений, забитую, оскудевшую в психо-физическом отношении, личность, такую личность, которая не будет в состоянии выносить борьбы за существование, которая при первом жизненном толчке, встает лицом к лицу перед преступностью.

Убийства, грабежи и разбои всегда значительно повышаются числом (установлено статистикой) в годы больших общественных потрясений и ближайшее за ними время, когда в обществе ослабевает уважение к человеческой личности и ее неприкосновенности. Эти времена, обычно, создают многих серьезных преступников, физически уничтожая которых, общество своей собственной рукой создает, путем огрубения нравов у подрастающего поколения, новые отрицательные инстинкты, от которых всего лишь один шаг до убийства и насилия.

В результате нашей работы, мы лишний раз убеждаемся, что самые ужасные, самые отталкивающие грабители и бандиты, прошедшие на наших глазах, тесно связаны с окружающей их средой. Являясь ее отражением, они являются и ее укором. Какою жуткой правдой звучат слова старого французского тюремщика, сказавшего, что „у преступника нет специальной психики, что он чувствует и действует, как все те, которые относятся к его классу“...

Н. Гедеонов.

Убийцы.

I. Несколько цифровых данных.

Убийство, то-есть лишение жизни человека, является наиболее тяжким видом правонарушения, а степень его распространенности в данном государстве может служить показателем степени культурности и одичания населения. В настоящую эпоху развития человечества в культурных странах преступление против жизни занимает незначительный процент правонарушения вообще. Так, по данным Е. Н. Тарновского [1]), относящимся еще к восьмидесятым годам, число убийств в России составило 4,5% общего числа всех преступлений, в Пруссии 4,08%, во Франции 1,4%, а, согласно обследованию, произведенному в Московских арестных домах весной 1923 г., убийства составили 1,9% всех правонарушений мужчин и 3,8% правонарушений, совершенных женщинами, не считая лиц, привлеченных за изготовление и продажу самогона [2]). Наклонность к понижению кривой убийств, в связи с прогрессом культуры, не только относительна, но и абсолютна. Так, по словам Е. Н. Тарновского, в Англии наклонность к убийству в 9 раз слабее в XIX столетии чем в XVII. Если мы возьмем статистические данные Западно-Европейских государств, то окажется, что за последние десятилетия до мировой войны наклонность к убийству почти везде уменьшилась вдвое[3]). В Италии с 1880 по 1906 г. шло правильное и непрерывное понижение кривой убийств; и в общей сложности, число убийств с 1879 по

[1]) Юридический Вестник за 1896 г.

[2]) Такой высокий процент убийств среди женских правонарушений получился отчасти оттого что в женских арестных домах подверглись обследованию не все поголовно и вследствие непринятия в рассчет самогонщиц. которые составляют 57% всех обследованных.

[3]) М. Н. Гернет. „Смертная казнь. 1913 г."

1906 г. уменьшилось на 50%. В Германии наблюдалось тоже понижение, хотя и с небольшими колебаниями, и число осужденных за предумышленное убийство с 0,39 на 100.000 жителей в 1885 г. упало до 0,19 в 1907 г. В Австрии оно упало с 191 осужденного в 1876 г. до 82-х, в 1907 г., а во Франции с 258 обвиняемых в предумышленном убийстве в 1826 г. до 178 в 1907 г. Однако, такое понижение убийств может быть прервано и возможно повышение наклонности к убийству в течение целого периода лет. Факторами такого повышения являются крупные общественные бедствия, оказывающие резкое влияние на психику населения, в смысле огрубения нравов, как, например: войны, голод,эпидемии и т. д. По даннымЕ. Н. Тарновского, в Германии в течение нескольких лет замечалась наклонность к повышению числа убийств Франко-Прусской войны. За истекшую мировую войну в России также обнаружилось чрезвычайно сильное повышение наклонности женщин к детоубийству. Так, по данным Окружных Судов, детоубийство и оставление новорожденных без помощи выразилось за время войны в следующих цифрах:

	1912 г.	1913 г.	1915 г.	1916 г.
Женщины	100	156	158	249

Это повышение об'ясняется главным образом нуждой и и беспомощностью матери, вызванными уходом отца ребенка на фронт. В особенности высокую цифру дали матери внебрачных детей[1]). Кривая участия женщин в предумышленном и умышленном убийствах за эти годы понизилась, но возросла цифра убийств с непрямой целью и цифра смертельных повреждений, что уже свидетельствует об огрубении нравов и менее бережном отношении к человеческой жизни.

Убийство с непрямой целью, по данным Окружных Судов:

	1912 г.	1913 г.	1915 г.	1916 г.
Женщины	100	49	114	139

Это повышение кривой вышеуказанных преступлений гармонирует с общим повышением в годы войны женской преступности, вызванной уходом мужской рабочей силы на

[1]) По данным Отдела Моральной статистики Центрального Статистического Управления.

фронт и привлечением женщин в широком масштабе на рынок труда, а также ухудшением материального положения семьи, в связи с удалением кормильца. Такое же сильное повышение со времени войны характерно-женского вида убийства замечается и во Франции. Так, согласно цифровым данным из отчета за 1919 год, 0/0 дел о детоубийствах составлял в 1913 году 4,3, в 1915 г. 8,7, в 1919 г. 10,3.

Что же касается кривой убийств у мужчин, то она значительно понизилась за время войны, в связи с понижением общей мужской преступности, вызванным уходом большого числа мужчин, наиболее преступного возраста, в войска, и невозможности учета совершенных ими правонарушений общими судебными местами.

О повышении наклонности к убийству, в связи с войной, также говорят цифры Московского Губернского Уголовного Розыска [1]):

	Москва					
Преступления.	1914 год		Всего.	1919 г.	1920 г.	1921 г
	1-е полуг.	2-е полуг.				
Убийства и покуш. на убийст.	5	7	12	104	72	102

О связи же голода с огрубением нравов и покушениями на чужую жизнь свидетельствуют массовые случаи людоедства, имевшие место в нашем голодающем Поволжье. (Врач Л. Василевский. „Жуткая летопись голода, антропофагия и самоубийство“).

Как общее правило, участие женщин в убийстве слабее мужчин. Так, по данным французского министерства Юстиции за 1907 год, женщины составляли 23,4% мужчин, обвинявшихся в непредумышленных и предумышленных убийствах, нанесении ран и ударов со смертельным исходом и детоубийствах [2]). По данным русского Министерства Юстиции за 1912 г., женщины убийцы составляли 4,2% мужчин—убийц для всей России и 6,7% для Округа Московской Су-

[1]) Д. П. Родин: О моральной статистике (Ежегодник Центральн. Статист. Управления 1921 г.).

[2]) М. Н. Гернет. Детоубийство.

дебной Палаты) [1]); а, согласно материалу, полученному при обследовании Московских арестных домов, женщины-убийцы составляли 36,3 мужчин. Однако, принимая во внимание незначительную степень участия в преступлениях вообще, ее наклонность к убийству является весьма значительной. Так, согласно данным 1907 года [2]), участие французских женщин в преступлениях вообще составляло 13%, а участие их в убийстве 19%.

При обследовании московских арестных домов получилось следующее соотношение: из числа всех преступлений, зарегистрированных обследованием, на долю женщин приходится 15,5%, а из числа убийств—36,3%.

Степень участия женщин в отдельных видах убийства выражается весьма различными цифрами.

По данным русского Министерства Юстиции за 1912 г., из всех обвиняемых женщины занимали:

в убийстве родителей	1,3%	в др. случаях умышл. убийства	2,1%
в убийстве супругов и родственников	22,7%	в убийстве с непрямым умыслом, в драке, превышении необходимой обороны и по неосторожности	3,3%
в убийстве детей	96,2%		
в отравлении	26,9%		
в др. случаях предум. убийства	7,3%		

При обследовании Московских арестных домов из всех обвинявшихся женщины занимали:

в супругоубийстве	16,6%	в убийстве в драке, при превышени необходимой обороны и случ. убийстве	14,2%
в убийстве детей.	100%		
в друг. случаях убийств	16,6%		
в пособнич. в убийстве	50%		

Однако, надо отметить, что последние данные получены при очень незначительных абсолютных цифрах, т. е. 22 мужчин и 8 женщин и поэтому, конечно, не могут служить материалом для каких либо-выводов.

---

[1]) Незначительность процентов женщин-убийц по данным русского М.Ю. об'ясняется тем, что он вычислен из общего числа осужденных, а не обвиняемых, а случаи детоубийства, наиболее свойственного женщине, вызвали повсеместно оправдательные приговоры.

[2]) М. Н. Гернет. „Детоубийство".

Но отметим, что из всех убийств и покушений на убийство в 26,3% убийств и 66,6% покушений на убийство, об'ектом преступления была женщина.

У женщин выделилась группа пособниц в убийстве, что об'ясняется ее слабостью и подчиненностью мужчине, хотя в иных случаях женщина может явиться и подстрекательницей к убийству. Корыстный мотив у женщин почти отсутствует: был только один случай прикосновенности к убийствам, совершаемым мужем. „Корысть не играет главной роли у женщины-убийцы. Поводом к убийству у женщины чаще бывают другие импульсы: любовь, ревность, месть, стыд. Роль женщины, обвиняемой в убийстве из-за корысти, большей частью ограничивается пособничеством мужьям или любовникам“ [1]).

Распределение обвиняемых в убийстве, заключенных в Московских арестных домах по возрастным группам—показало:

Наивысшая цифра мужской преступности падает, в отношении убийств, на возраст от 25 до 29 и от 30—39 лет, возраст наибольшей физической силы и крепости.

13,6% обследованных мужчин имели прошлую судимость, женщины таковой не имели.

36,3% мужчин и 36,5 женщин совершили преступление единолично и 3,8% мужчин и 50% женщин в соучастии.

Выяснение мотива обнаружило, что огромное большинство обследованных нами убийств, поскольку можно полагаться на слова заключенных, не являются тяжкими видами убийства и представляют собою, главным образом, результаты мировой и гражданской войны и голода, которые расшатали нервную систему, ослабили задерживательные центры, поколебали веру в неприкосновенность человеческой жизни и сделали более легкой возможность покушения на нее.

Большинство лиц, обвинявшихся в убийстве, вышло из крестьянской или рабочей семьи (82%); об'ясняется это прежде всего огромным численным превосходством крестьянства среди населения России, а не его яко бы особенной не-

---

[1]) Тарновская. „Женщины-убийцы“.

культурностью или грубостью нравов, по сравнению с другими классами общества, что опровергается, относительно, очень высоким процентом лиц со средним и высшим образованием среди обвинявшихся в убийстве (среди мужчин с средним образованием—18,1%, с высшим—1,81%).

При незначительной цифре лиц, с высшим образованием, в России, цифра 1,18% для мужчин, обвинявшихся в убийстве, является, хотя бы и для Московского округа, весьма высокой.

Чрезвычайно низкая цифра беспризорности в детстве, среди обвиняемых в убийстве, почти полное отсутствие безработных, сравнительно высокий процент лиц с высшим образованием, высокая продолжительность времени пребывания в месте совершения преступления, сравнительно невысокий процент лиц с прошлой судимостью среди мужчин и полное их отсутствие среди женщин, а также сравнительно высокий возраст первой судимости и, наконец, высокий процент мужчин, злоупотребляющих алкоголем, все это должно быть отмечено у обследованных нами убийц.

Из всех мужчин—убийц ни один не мотивировал свое преступление нуждой. В пяти случаях было убийство жен, в одном случае покушение на убийство знакомой женщины, почти все случаи убийства, не отрицаемые обвиняемыми, об'ясняются ими или ревностью, или запальчивостью и раздражением, или другими мотивами не корыстного характера. Единственное исключение представляет собой Петров-Комаров, совершивший в течении 2-х с небольшим лет 29 предумышленных убийств с корыстной целью и об'яснивший их желанием сладко пожить. Такое слабое участие экономического мотива в обследованных случаях убийств может быть отчасти об'яснено тем обстоятельством, что убийцы-грабители были выделены в другую группу.

II. Профессиональные убийцы.

Э. Ферри в своих трудах об убийцах[1]) различает три вида убийц: предумышленного убийцу, душевно-больного и

[1]) Э.Ферри „Предумышленный убийца". Юридический Вестник 1888 г.
„ „Убийца умалишенный". Юридический Вестник 1889 г.

случайного, как переходную стадию между этими двумя крайними видами. Мы оставляем понятие предумышленного убийцы, хотя оно и не проводится в современном Уголовном Кодексе, потому что оно сохранилось в научной литературе, и определение его, данное Ферри, в значительной степени совпадает с определениями других теоретиков и находит свое подтверждение в жизни. Согласно определению Ферри, предумышленный убийца являет собою продукт наследственного вырождения и страдает ненормальностью физиологической чувствительности, в связи с психической или нравственной нечувствительностью. Эта ненормальность выражается нечувствительностью к собственным страданиям и крайней притупленностью или даже отсутствием инстинкта самосохранения, а также нечувствительностью по отношению к страданиям жертвы. Предумышленный убийца обнаруживает холодную жестокость при совершении преступления и апатическое равнодушие после его совершения; не знает раскаяния, с циничным хладнокровием описывает детали убийства, говорит о возможности рецидива и обнаруживает полное равнодушие к приговору. Система устрашения для него не действительна. Вообще вся деятельность предумышленного убийцы, преступная или непреступная, носит, по словам Ферри, отпечаток фатализма, который нередко проявляется в рисунках его татуировки. Однако, атрофия нравственного чувства у предумышленного убийцы не исключает возможности наличия у него религиозных верований, а также чувства любви и привязанности к семье, любовнице, другу, а иногда и великодушия и щедрости; но эти эгоальтруистические чувства чрезмерно превышаются эгоистическими. Из эгоистических инстинктов, свойственных предумышленному убийце, наиболее характерными являются самолюбие и жажда наслаждения, а также и мстительность за малейшую обиду, нередко осуществляемая через большой промежуток времени (18% предумышленных убийств совершаются во Франции под влиянием таких чувств), жажда наслаждения вызывает другой мотив убийства—корысть (34% предумышленных убийств совершаются во Франции по этому мотиву).

Большую роль, в качестве фактора предумышленного убийства, уделяет Ферри и алкоголизму и приводит данные исследования Бэра, согласно которым 46% предумышленных убийств совершаются под влиянием острого или хронического опьянения.

Моральная и физиологическая нечувствительность предумышленного убийцы координирует с его интеллектуальной дефективностью, то-есть со слабостью ассоциирования идей, доходящей иногда до слабоумия; этой вялостью умственных способностей об'ясняется странная непредусмотрительность предумышленного убийцы, выражающаяся в угрозах и разглашении готовящегося преступления и в неспособности предвидения его последствий, а также в неспособности учета соотношения между тяжестью преступления и полученным результатом. Дефектная нервная система выражается отсутствием внутреннего отвращения к убийству, а дефектная психическая организация нормальной импульсивностью поступков, вследствие отсутствия или слабости сопротивления преступным импульсам.

Приблизительно такой же облик предумышленного убийцы рисует и Вульфен в своей психологии преступника и целый ряд других теоретиков, мнения которых он приводит в означенном труде, а также и Лобас в главе о корыстном убийце в своем исследовании „убийцы". Разница между теориями Ферри и других исследователей заключается только в этиологии психо-физического состояния этой преступной личности. В то время, как Ферри единственную причину видит в наследственном вырождении, другие теоретики отличают также и возможность индивидуального вырождения предумышленного убийцы, вызванного беспризорностью в детстве и дурными условиями дальнейшей жизни. Гольцендорф всвоем труде: „Предумышленные убийства и смертная казнь" указывает на нравственную слабость и недостаток самообладания, как на основные черты предумышленного убийцы, который в большинстве случаев, проходит следующий жизненный путь: от заброшенности и запущенности к жажде наслаждения и эксцессам, от них к безделию и боязни труда; от безделья к преступлениям против собственности и

постепенно к убийству. Гольцендорф также отмечает странную непредусмотрительность предумышленного убийцы, который редко заботится об отдаленном и из-за выгоды ближайшего часа не думает о завтрашнем дне. По мнению Вульфена, некоторые предумышленные убийцы, в особенности из несовершеннолетних начинают преступную карьеру с убийства, большинство же проходят через кражу; однако, раз уже сделавшись убийцами, они редко прибегают к кражам, так как требуют более крупной добычи. Вульфен видит в предумышленном убийце заброшенного опустившегося, часто не по своей вине, человека и, подобно Ферри, отмечает его интеллектуальную дефективность: „жажда наживы, как мотив убийства, часто бывает совершенно нелепой; в особенности несовершеннолетние убийцы совершают убийства из-за очень незначительной выгоды, а добытое преступлением прокучивают в одну ночь. Это несоответствие между уничтожением человеческой жизни и полученной прибылью об'ясняется недостаточной способностью мышления и бесчувственностью, они часто не чувствуют собственной телесной боли и не сочувствуют страданию других; к смерти они равнодушны, и уничтожить постороннего человека для них ничто; они чужой жизнью играют, как своей, и их цинизм вытекает из их нечувствительности и их духовного убожества; у таких дефективных неуравновешенных и импульсивных мотивом к убийству может быть и склонность к подражанию: прочтут в газете описание убийства и поступают так же.“

Для иллюстрации Вульфен описывает поведение 26-летнего корыстного убийцы, выпущенного из исправительного заведения, в котором он провел 6 лет. 4 мая был отпущен из исправительного заведения; 13 мая покушался на убийство священника, с корыстной целью; 14 мая совершил с корыстной целью убийство четырех лиц; 15 мая корыстное убийство, 19 мая—кража; 26 мая покушение на корыстное убийство; в начале июня корыстное убийство; 11 июня кража, 22 июня кража, 23 июня открытое ограбление, 23 июня кража, 24 июня кража, 25 июня кража. Такое частое повторение корыстных убийств, в перемежку с кражами, несо-

мненно свидетельствует окра йне низкой степени морального уровня, но нам думается, что и социально-экономический фактор сыграл здесь свою роль, мы не знаем, на какие средства жил этот молодой преступник первые 9 дней после выпуска его из исправительного заведения, и причиной, толкнувшей его на первое корыстное убийство, была по всей вероятности нужда.

На социальные условия, в качестве причины образования дефектной психо-физической организации предумышленного убийцы, указывает также исследование Бэра двадцати двух несовершеннолетних корыстных убийц. Бэр разделяет корыстных убийц, на убийц, которые, после долгого обдумывания, подстерегают жертву и убивают ее с целью воспользоваться ее имуществом, и на убийцу по внезапному импульсу. Первые убивают спокойно и страдают полным отсутствием морального чувства, вторые действуют под влиянием непреодолимого насильственного влечения и у них есть некоторая наличность моральных представлений. Из обследованных им 22-х несовершеннолетних преступников, 13 принадлежали к первой категории и 6 ко второй. Из них только 2 получили хорошее воспитание, 11 недостаточное и 9 дурное, при чем 11 росли в бедности и рано стали зарабатывать, а 10 выросли на улице большого города.

Д-р Лобас в своем исследовании об убийцах, также говорит о психо-физическом оскудении корыстных убийц (из примеров видно, что главным образом, речь идет о предумышленных убийцах), об их нравственной тупости, доходящей иногда до полного нравственного идиотизма. В качестве одной из важных причин такого психо-физического оскудения он выдвигает наследственное вырождение: „Исследуя убийцу, я нашел, что большинство их происходит из семей в значительной степени оскуделых“. Из 80 обследованных им убийц у 78 родители употребляли алкоголь, при чем 46 отцов были пьяницами, а из числа всех близких родственников этих обследованных, 36 человек страдали тяжкими нервными и душевными болезнями, причем автор полагает, что менее яркие случаи психической болезни по-

видимому ускользнули от наблюдения обследователя и что случаев душевной и нервной болезни в роду было гораздо больше.

Для характеристики нравственного убожества корыстных, д-р Лобас приводит целый ряд чрезвычайно ярких примеров предумышленных убийств, с корыстной целью. Егор З., у которого отец был пьяницей и вором, и три брата сосланы в каторжные работы, с 17 лет стал заниматься кражами и конокрадством. Услышав, что свечи из человеческого жира помогают при преступлениях, он сговорился с братом убить священника, но так как священника вызвали на требу, они, встретив девочку, заманили ее в лес и зарезали; вырезав из тела несколько кусков, они завернули их в платок девочки и отправились топить жир, но чудодейственными свечами им не пришлось воспользоваться: „когда куски мяса положили в горшок и поставили в печь, рассказывал З., то пошел такой треск, что мы испугались и убежали". Вскоре после этого, З. убил старика и старуху, думая найти у них денег, и огорчался не совершенным преступлением, а не оправдавшимся рассчетом: „Даром только руки марал, набрехали нам, что у них деньги большие". З., говорит д-р Лобас, „человек тупой и жестокий и как будто совершенно лишенный нравственного чувства. Он абсолютно слеп по отношению к разнице между добром и злом. Рассказывая об убийствах, совершенных им, он держит себя так, как будто бы совершал самые обычные человеческие дела".

Так же рельефен случай убийства, совершенный двумя захудалыми крестьянами, которые то занимались нищенством, то нанимались в пастухи или в работники. Жена крестьянина, у которого они служили, подговорила их за 3 рубля на убийство мужа. Они несколько раз стреляли в него из ружья, который им дала женщина. „Вам не жалко убитого?" спрашивает д-р Лобас. „Не наше дело: хозяйка приказала". У убийц тупые идиотские лица, безразличные, как у животных, взгляды. Но наиболее характерен рассказ д-ра Лобаса о С., богатом охотнике за оленями, который, решив, что выгоднее охотиться за охотниками, подстерегал их, убивал из винтовки и забирал добычу, деньги, ружье и прочее. Никто из охот-

ников, встречавшихся с С. в тайге, не возвращался домой. По словам д-ра Лобаса, он с таким же хладнокровием подстерегал людей, с каким, вероятно, подстерегал дичь. Прицеливался верной рукой и убивал. Приведем еще несколько характерных выражений, собранных д-ром Лобасом, свидетельствующих об отсутствии жалости к жертве у корыстного и предумышленного убийцы. „Эх, не добил старую чертовку, не был бы здесь". „Не жалко когда убьешь, а когда ничего не возьмешь". Женщина, убившая с любовником мужа, на суде, улыбаясь, говорила: „когда мы его прикончили, Поляков и говорит:—куда мы его теперь девать будем.—А я ему: Да хошь с'ешь, мне все равно". Или ответ доктору на вопрос, не трудно ли было убивать людей: „Зачем трудно. Бил без всякого сумления". И туда же примешивается и религиозное чувство, также отмеченное Ферри: „Бог терпел, помогал по малости". В заключение приведем еще отрывок стихотворения из богатой коллекции д-ра Лобаса.

...Да кто ж из нас не согрешал,
Убил, украл, так что ж такое.
Вся наша жизнь, ведь так идет:
Сегодня ты схватил чужое,
А завтра мой убить черед.
И то случится, что родную
Ты даже мать не пощадишь,
А то убить семью чужую—
Какой тут грех признать велишь".

При обследовании, произведенном в арестных домах Москвы, нам встретился только один пример предумышленного убийцы, но удивительно яркий и типичный, прекрасно иллюстрирующий все выше приведенные теоретические положения Ферри и других исследователей. Это известный Петров-Комаров, совершивший в течение 2-х с небольшим лет 29 предумышленных корыстных убийств, с заманиванием жертвы и по одному шаблону. По своему характеру случай Петрова-Комарова напоминает рассказ д-ра Лобаса о страшном охотнике на людей; только дело это происходило не в Сибири, а в столице России, не в глухой тайге, а в квартире извозчика, среди будничной мещанской обстановки, и

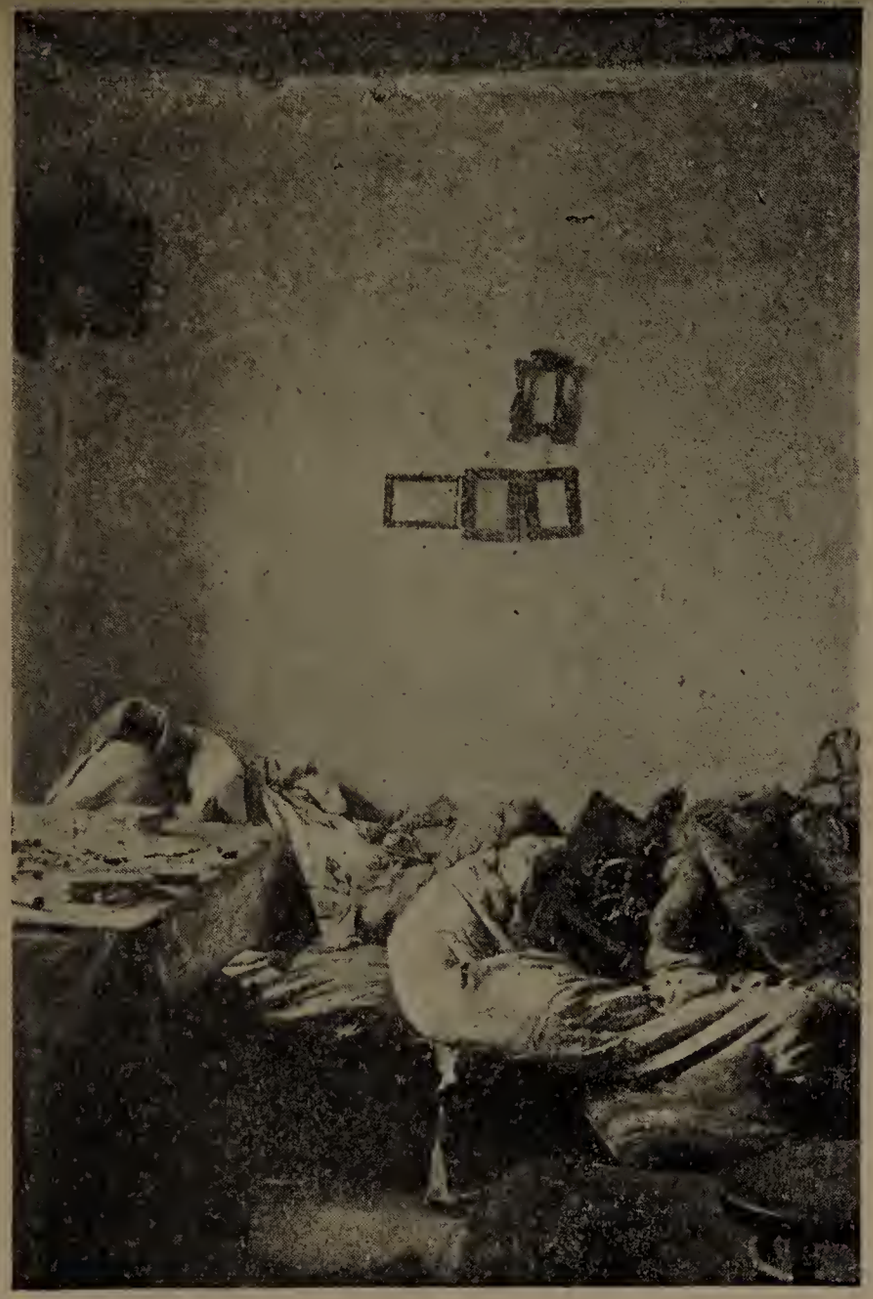
Комаров-Петров.

Комаров-Петров и его жена.

орудием убийства служила не винтовка, а молоток, прикрытый скатертью. Все убийства были совершены следующим образом: обвиняемый, под предлогом продажи лошади или продуктов, приглашал встреченного им на Конной крестьянина к себе на квартиру, угощал его вином или водкой, причем пил и сам, а затем, передав ему для прочтения документ, касающийся продаваемой лошади или продуктов, неожиданно подойдя сзади, ударял его заранее приготовленным тяжелым молотком в переднюю часть лба и подставлял таз или цинковое корыто для стока крови. Оглушив жертву ударом молотка, он накидывал ей петлю на шею и стягивал ее; затем, раздев еще теплый труп, связывал его в небольшой комок и уложив в мешок, прятал в сундуке, который выносил на черный ход или запирал в шкафу. Вся эта операция занимала, по его словам, 15—20 минут. Жену с детьми он отсылал из дому и она, уходя, запирала за собой снаружи дверь. До начала зимы 1922 года жена, по ее словам, ничего не подозревала. Первое преступление было совершено в феврале 1921 года; за 1921 год Петровым-Комаровым было убито 17 человек: с конца декабря 1922 года по время ареста 19 мая—6 человек. 15 трупов были брошены в полуразрушенном помещении в Конном переулке и в доме № 24 на Шаболовке, рядом с домом, в котором проживал он сам, 6 зарыты во владении Орлова на Шабаловке. Позднее, обзаведясь лошадью, П.-К. увозил трупы и сбрасывал их в разных местах набережной Москвы-реки и в каналах. На суде и при обследовании в Мууре Петров-Комаров обнаружил полное равнодушие к содеянному: спокойно описывая все детали преступления, он заявил, что если бы ему еще 60 человек привалило, он бы и их убил и употребил выражение: „а там раз и квас“, при описании убийства; когда его спросили о мотивах, он сказал: „жена моя любила сладко кушать, а я горько пить“, „лошадь кормила, а выпить не давала“ и усмехнулся, а в ответ на слезы жены, когда она узнала о совершенных преступлениях, заявил: „ну что поделаешь, давай теперь привыкать к этому делу“. „Как в этих словах, так и во всем его отношении к преступлению“, го-

ворит д-р Краснушкин [1]), „отражается глубокий цинизм его, бездонная моральная тупость и власть над его душой одних грубых влечений. Он нисколько не раскаивался в убийствах, нисколько не жалел своих жертв и думал только о сладком да горьком, к которому его влекло". И вместе с тем есть у него и проблески чувства любви к детям, при напоминании о которых, он заплакал и не скоро успокоился и привязанность к жене, которую он всячески выгораживал на суде, и наличность религиозного чувства: „молился в душе своему ангелу". Это моральная тупость в связи с жаждой наслаждения и проблесками эго - альтруистических чувств Петрова-Комарова удивительно гармонирует с теоретическими положениями Ферри и других. То же можно сказать и об истории происхождения этой преступной личности. Вот вкратце биография Петрова-Комарова: родился он в Витебской губернии в многодетной семье рабочего, горького пьяницы, который и жизнь окончил истым алкоголиком: пьяный споткнулся у канавы, упал лицом в воду и захлебнулся. Алкоголизм отца несомненно должен был отразиться на психико-физической организации Петрова-Комарова, тем более, что отцу при его рождении было 55 лет. Алкогольная наследственность Петрова-Комарова усугулялась еще и тем обстоятельством, что мать его тоже пила. Из шести братьев, которых помнил Петров-Комаров, только один пил мало, а 5 были тоже горькими пьяницами, причем один убил, по пьяному делу, начальника и был сослан на Сахалин на каторжные работы. Сам Петров-Комаров был тоже несомненным алкоголиком: с 15 лет он начал пить и с тех пор вся его 56-летняя жизнь представляет собою одно сплошное пьянство. Пил он, по его словам, почти ежедневно; во время войны пил, что попало: и политуру, и денатурат; хмелел от 3-х фунтовой банки неразбавленного денатурата, во хмелю его „тянуло к убийству"; в последнее время перед арестом пьянел от 2-х бутылок мадеры. Свои убийства он также совершал в состоянии опьянения. Таким образом, в основу морального убожества Петрова-Комарова—надо поставить наследственное вырождение, вызванное алкоголизмом родителей, а также

[1]) Е. Краснушкин. Дело Петрова-Комарова. „Право и жизнь" кн. 7—8.



Комната, в которой Комаров-Петров совершал свои убийства.

Молоток, которым Комаров-Петров совершал свои убийства.

и индивидуальное вырождение, вызванное личным хроническим пьянством, как это и отмечено д-ром Краснушкиным. Тем не менее нам думается, что и социально-экономические причины также сделали свое дело. Вспомним детство Петрова-Комарова. Отец алкоголик, когда напивался, бил мать; мать тоже пила. В семье 12 человек детей; несомненная нужда и отсутствие присмотра за детьми. Петрова-Комарова, из-за отсутствия средств, не отдают в школу, а 12-ти лет отправляют служить к помещику. Итак 12-ти лет мальчик, ничему хорошему не научившийся дома, начинает проходить школу жизни. 15-ти лет он имеет с работницей первое половое сношение, 15-ти лет начинает пить. Начинается постоянная смена хозяев и профессий, вызываемая отчасти дурными условиями труда, отчасти склонностью к бродяжничеству. Затем Петров-Комаров отбывал 4 года воинскую повинность и 28 лет женился. Семейная жизнь была неудачна: оба супруга пили и в доме происходили частые скандалы. Затем во время японской войны, Петров-Комаров взял командировку на Дальний Восток, откуда привез много денег, после чего они с женой стали раз'езжать по разным городам и кутить, пока не прожили всего. 40 лет Петров-Комаров совершил первое преступление: кражу яблок из вверенного ему склада, за что был осужден к одному году тюремного заключения. По выходе из тюрьмы, он не застал жены, которая умерла от холеры. Вторично женился он в 14-15 году в Риге на вдове польке с двумя детьми. Это крайне забитая и терроризованная Петровым-Комаровым женщина: „голова не проходила от побоев", „убегала с детьми из дому", которая иногда помогала ему вывозить трупы и была осуждена за укрывательство и пособничество мужу и казнена вместе с ним. В 1915 году во время эвакуации Риги Петров-Комаров попал с семьей в качестве беженца на Волгу, где работал грузчиком. В это время он особенно сильно пил. В 1917 г. Петров-Комаров вступил добровольцем в Красную Гвардию; здесь он научился грамоте дослужился до должности взводного командира и участвовал в боях; здесь же командовал взводом при расстреле шпиона и участвовал в голосовании при вынесении смертного приговора

пленному белому офицеру. На Деникинском фронте он был взят в плен и, боясь казни, переменил фамилию. Вернувшись в 20 году с фронта, Петров-Комаров поселился в Москве и занялся извозом; сначала служил ломовым извозчиком в Центроэваке и торговал на рынке краденым из Центроэвака, а с февраля 1921 года принялся за убийства, и, чтобы замаскировать свой преступный промысел, а также легче сбывать с рук тела убитых, купил лошадь и стал легковым извозчиком. Полученные от убийств деньги, он пропивал, устраивая кутежи, сопровождаемые скандалами, за которые однажды был оштрафован судом.

Проследив все этапы истории жизни Петрова-Комарова, мы необходимо должны признать, что, при несомненном наличии алкогольной дегенерации на искалеченной психике Петрова-Комарова отразились: и загубленное детство, и не менее загубленное отрочество, прошедшее в мыкании по чужим людям, а, главным образом, разлагающее влияние войны, с ее узаконенным убийством. Это они посеяли семена порока и преступления, которые упали на подготовленную родительским алкоголизмом почву.

Итак, резюмируя все выше изложенное, мы можем сказать, что характерной особенностью предумышленного убийцы, созданного классификацией Ферри, является полная гармония между его преступлениями и его психическим складом; однако, всецело принимая классификацию убийц Ферри и его мастерское описание предумышленного убийцы, встречающее такое блестящее подтверждение в жизни, мы считаем необходимым пополнить его теорию причины образования данной преступной личности указанием на возможность не только наследственной дегенерации, в качестве фактора создания психики предумышленного убийцы, но и на индивидуальную дегенерацию, вызванную целой совокупностью отрицательных социально-экономических явлений. Мы также полагаем, что было бы правильнее, во избежание путанницы с формальным понятием предумышления, заменить термин „предумышленный“ убийца термином „профессиональный“, взятым из классификации преступной личности, данной профессором Гернетом в его общей части Уголовного права.

Труп убитого, связанный Комаровым-Петровым.

Труп, уложенный в мешок.

III. Случайные убийцы.

Вторым типом убийцы по классификации Ферри является случайный убийца и его крайняя разновидность: убийца по страстному импульсу. Согласно определению Ферри, случайный убийца также совершает преступление вследствие отсутствия или слабости нравственного чувства, но от предумышленного убийцы он отличается тем, что эта моральная тупость не является у него прирожденной или хронической, а является результатом временного острого возбуждения. Все поведение случайного убийцы, по Ферри, являет собою полную противоположность поведению предумышленного убийцы: случайный убийца горько раскаивается в совершенном им преступлении, выражает заботу о родственниках убитого, стараясь исправить причиненное им зло, мало беспокоится о своей судьбе, не чувствует облегчения после оправдательного приговора и только время ослабляет воспоминание о гнетущем его убийстве. В дополнение к выше изложенной характеристике случайного убийцы приведем характеристику, данную профессором Гернетом случайному преступнику вообще.

„Характерной чертой случайного преступника является противоречие его действия его характеру. Он может совершить его как после долгого обдумывания и мучительных колебаний, так и в порыве возбуждения по внезапному решению, но он сам признает: или свою вину, или неправильность избранного им пути, представляющегося ему при данных обстоятельствах неизбежным“.

Лоран отмечает у случайных преступников легкость подчинения влиянию другой личности.

При обследовании населения Московских арестных домов, огромное большинство сознавшихся убийц оказались, по нашему мнению, принадлежащими к типу случайных. Из 22-х случаев убийства и прикосновенности к убийству мужчин и 12 случаев женщин, 12 мужчин и 5 женщин отрицали свою виновность и, так как все они, кроме трех женщин, еще находились под следствием и у нас не было данных для суждения о правильности или неправильности их показаний,

то мы эти спорные случаи оставляем в стороне. Из признавшихся в своем преступлении мужчин 7 раскаялись, 3 оправдывали себя. В числе раскаивающихся были 3 женоубийц, совершивших преступление в состоянии запальчивости и раздражения, из ревности; затем один, убивший товарища в состоянии запальчивости и раздражения, другой, убивший товарища, в состоянии алкогольного опьянения, защищая женщину от его побоев; наконец, китаец торговец в сообществе убил товарища за то, что тот украл у него однажды 2 миллиарда и в другой раз 121 миллион и издевался над ним. Так как последний пример может вызвать предположение, что преступление было совершено из мести лицом, относящимся к типу предумышленных убийц, то приведем некоторые отмеченные обследователем черты его характеристики. Безусловная честность: нашел 120 миллионов рублей и заявил об этом, религиозность, искренность; в темпераменте отмечена раздражительность и склонность к аффектам; о содеянном сожалеет.

Затем два случая представляют собой, по словам обвиняемых, нормальные случайные убийства: один был вызван стрельбой ночью из окна, в состоянии опьянения, другой лесным сторожем, при стрельбе в воздух, во время задержки, лиц, воровавших дрова в лесу. Все, действовавшие в состоянии запальчивости и раздражения, сожалели о совершенном, только один из таких обвиняемых, бывший офицер, убивший жену из ревности, гордился своим поступком и оправдывал себя. Отец его был алкоголиком.

Все эти случаи не подверглись детальному обследованию. Более подробно был обследован только один случайный убийца, заключенный в одной из Московских тюрем, типичный вор-карманник, который сам себя характеризует словами: „я способен в карман залезть“, попавший в шайку грабителей и убивший свою любовницу, под давлением старшего товарища.

А. 24-х летний молодой человек, маленького роста, с очень слабой растительностью на лице, со следами золотухи на теле; страдает ночным недержанием мочи и занимается онанизмом, при нормальной половой потенции. А. всем своим

обликом и фигурой настолько похож на подростка, что два года тому назад он, в качестве 15 летнего, попал в колонию для малолетних. Внешние дегенеративные признаки А. вполне соответствуют его отягченной наследственности. Отец алкоголик, всегда пьян, умер от белой горячки; мать во время кормления грудного А. страдала психическим расстройством, от которого потом излечилась; сестра страдает лунатизмом, дед по отцу окончил жизнь самоубийством; все восходящие родственники сильно пили. Условия детства А. тоже были чрезвычайно тяжелыми: отец, кузнец-литейщик, мать садовница; отец работал на монетном дворе и приходил домой только по праздникам, может быть, оттого у А. и осталось впечатление, что отец был всегда пьян; напившись, отец буянил и выкидывал детей вместе с зыбкой. Когда отец умер, А. было 12 лет. Кроме А. было еще 6 детей моложе его. Грамоте его дома не учили, научился уже взрослым в колонии, 14 лет занялся чисткой сапог и продажей газет; вырученные деньги отдавал матери. В 16 лет было первое половое сношение. Так жил до 17-ти лет. Потом работал на заводе. Мать умерла, когда А. было 18 лет. Жил дома с младшими братьями и сестрами. Первая кража была совершена в 1920 году; украл с товарищем из-за нужды: „получал 25 фунтов, а нас было 6 человек“. Боясь ареста, бежал в Челябинск к сестре. „Сестра меня держала при себе, а потом стала презирать, что даром живу, и я стал заниматься карманными кражами; попадался часто, но милиционер отпускал за взятку. На службу же поступить не мог, так как не было паспорта“. Затем Комиссией по делам о несовершеннолетних А. был отправлен домой. После этого приехал в Омск, там попался на краже и, выдав себя за 15-ти летнего, был помещен в колонию для малолетних, откуда был отпущен через 4 месяца за хорошее поведение. Опять попал в Челябинск; здесь встретился с другим вором, который всецело подчинил его своему влиянию; они вместе раз‘езжали по городам Сибири и совершали карманные и домовые кражи. Старший товарищ терроризировал А., всячески издевался над ним, неоднократно грозил убить его; вырученные от краж деньги брал себе, а ему давал только по праздникам на конфекты.

А. говорит, что просил у него на своих сирот-братьев и сестер, но не получал ничего; уйти же от него боялся. Наконец, патрон А. встретился с шайкой грабителей и стал употреблять его при кражах со взломом и уже не давал ему больше заниматься простыми кражами. Роль А. при грабежах заключалась в том, что он караулил у ворот. В Вологде А. с обоюдного согласия, покинул своего товарища и перешел к грабителю N. Здесь с ним обращались гораздо лучше, но все же он был в полном подчинении у N, необычайно сильного физически и властного человека. О дальнейшем приведем приблизительно дословный рассказ обвиняемого: „Приехали в Нижний, продали мануфактуру, и ночью пили и пошли к Д., она была проституткой. Мы ей отрекомендовались спекулянтами, и она стала проситься с нами. N. велел взять бабу. Я говорю: куда бабу? Самому есть нечего. Муку, сережки продал и еще кое-что из вещей, чтобы ее взять: N. в долг дал. Взяли билет до Самары. В Симбирске остановились у старухи в кирпичном сарае. N. послал за вином—выпили мы. Жил я с Д. двое суток; она мне понравилась". N. повел А. к знакомым, куда была приглашена молодая женщина, предназначенная N. в сожительницы для А. Посидели, поговорили; я пил чай, а N. с ними разговаривал. Потом N. вызвал меня на улицу, дал мне наган и приказал убить Д." А. утверждает, что N. нужен был паспорт Д. для его сожительницы, бежавшей из арестного дома.—„Мы здесь возьмем другую сожительницу". Я стал говорить: Давай отправим ее домой. Он ответил: „Раз я тебе сказал, так иди и делай. Если ты ее не убьешь, так я тебя убью". Ну, я пошел и взял Д., как якобы пойти на пароход узнать, когда он пойдет. Приблизительно до 8 часов вечера ходил я с ней по лесу далеко от дома и не решался ее убить. Хотел отвести ее к знакомым, где был утром, но не мог найти квартиры. Привел опять домой. Не доходя до дому, оставил Д., а сам пошел к N. уговаривать его не убивать Д. N сказал: „Я вот выйду да вас обоих убью". Мы посидели с Д: она надела жакетку, я пиджак. Я говорю: „хорошая погода". Еще посидели. Я опять пошел к N. Уже все спали—было часов 12—1—2. Было очень темно. Опять N. сказал: „Ты доходишься. Я вот оденусь и

вас обоих убью". Я вышел и выстрелил в Д. Так как мне не приходилось стрелять, то я выстрелил 3 раза. Я не сознавал, сколько раз выстрелил; это N. по патронам узнал и стал над мной смеяться, что я бабу с 3-х выстрелов убил. Стрелял, подойдя близко. Как выстрелил, она побежала. Я еще раз. Я хорошо не помню. Пришел домой, стал просить N зарыть ее. Он меня стал матершить, а потом оделся и пошел. Нашли мы Д. в канаве; она храпела. N. взял камень и ударил ее несколько раз. Потом он говорит: „Бери за ноги". Я взял за ноги. Немного оттащили в другую яму и стали зарывать. Он пособлял немного, а потом пошел домой и приказал мне дорыть. Я отошел, посидел и потом вернулся домой и сказал, что зарыл. Не зарыл, потому что страшно было". Придя домой А. разделся и лег спать с М., это была новая сожительница, которую привел N. Полового сношения в эту ночь не было.

Несмотря на все признаки наследственной дегенерации, несмотря на то, что А. является профессиональным преступником-вором, несмотря на наличность формальных условий предумышленного убийства, А. должен быть квалифицирован как случайный убийца, действовавший под психическим давлением другого лица. Об этом свидетельствует и то, что он в течение целого дня до поздней ночи не мог заставить себя убить свою жертву и то, что он привел ее обратно домой, хотя было бы гораздо безопаснее убить ее в лесу, вдали от дома, и то, что он не помнит хорошенько картины убийства. По отношению к своей новой сожительнице, вызванной одновременно с ним на обследование, он проявил удивительно трогательную, правда несколько грубоватую нежность, и содеянное им преступление совершенно не вязалось с обликом этого растерявшегося от счастья и радости человека.

Присутствовавший при обследовании д-р Краснушкин тоже определил А. как случайного убийцу.

Из случайных убийц женщин, ни одна не подверглась детальному обследованию. К случайным убийцам несомненно относятся все девушки, убившие от стыда и страха своего внебрачного ребенка. При обследовании Московских арестных домов, нам встретился один случай обвинения 18-ти летней матери в убийстве своего 2-х месячного внебрачного

ребенка; хотя девушка отрицает свое участие в преступлении, а бабушка, мать обвиняемой, всю вину берет на себя, у обследователя создалось впечатление, что дело не обошлось без ее косвенного участия. Обвиняемая происходит из бедной крестьянской семьи, грамотная; с 14 лет работала по найму; один год работала на фабрике; жила бедно. Семья из 5-ти человек: матери, неграмотной женщины 46-ти лет, вдовы, тоже из бедной крестьянской семьи; трех сестер: 25, 18 и 14 лет и 7 месячного двоюродного брата. Мать, чистосердечно признавшаяся в убийстве внука и взявшая всю вину на себя, мотивирует убийство нуждой и позором дочери. Повидимому, тот же мотив был и у дочери, если она принимала косвенное участие в преступлении. Хотя и у матери и у дочери констатирована алкогольная наследственность, тем не менее обе произвели на обследователя впечатление нормальных женщин. Мать раскаивается в совершенном преступлении и жалеет внука.

К категории случайных убийц следует отнести С., 46-ти летнюю женщину, неграмотную крестьянку, мать трех детей от 10 ти—17 лет, убившую своего мужа, как она сама говорит: „не помня себя, не желая нанести смертельного удара". Наследственность С. отягчена душевной болезнью и алкоголизмом родителей. Примечание обследователя гласит: „С. женщина работница, мать одиннадцати детей, из которых восемь умерли из-за обстановки ужасающей нищеты и буйства ее мужа, который бил ее во время беременности. Преступница случайная; искренно сокрушается о своем несчастии. Скрыть следы преступления помогли дети, ненавидевшие зверя-отца. Вследствие побоев мужа во время беременности, у С. были два выкидыша; бил он ее, пьяный, и по голове. К сожалению, у нас нет подробностей убийства; только указано, что оно совершено было ночью, в сообществе и в состоянии крайнего возбуждения: „не помня себя, не желая нанести смертельного удара". Может быть С., при помощи детей, просто защищалась от побоев мужа. 8 человек детей умерло, по ее словам, от голода и болезней.

К случайным убийцам может быть причислена и К., 22-х летняя женщина, в момент преступления еще не бывшая за-

мужем, грамотная, из бедной крестьянской семьи, сначала работавшая на фабрике, затем в крестьянстве, а во время преступления служившая прислугой. К., в состоянии гневного возбуждения, убила топором женщину, застигнутую на краже ее вещей. В преступлении раскаивается. Примечание обследователя: „Простая деревенская девушка. Убита несчастием. Ничего общего с преступным миром не имеет. Тюрьму видит впервые. Стесняется своих родных, которым не сообщила о случившемся. Жалуется на забывчивость". Предположению о случайном типе убийцы несколько противоречит поведение К. после убийства. Труп был спрятан под полом в течение одного года. Но, может быть, страх стыда общественного порицания и тюрьмы, который так сильно проявляется в ней и сейчас, пересилил свойственную случайным убийцам потребность в немедленном покаянии.

Итак, случайный убийца являет временную моральную дефективность, совершенно не свойственную его обычному психическому состоянию. Эта дефективность является результатом эффектов, вызываемых чувством гнева, ревности, мести, испуга, страха, боли, голода и т. д. А все эти психо-физические переживания находятся в прямой или косвенной зависимости от социально-экономических явлений, как: безработица, нужда, дурные жилищные условия, а в особенности такие общественные бедствия, как: недород, война, эпидемии.

IV. Душевно-больные.

Третью категорию убийц составляют душевно-больные. В своей статье об убийце умалишенном Ферри [1]) дает подробное исследование этого явления, и мы позволим себе привести вкратце некоторые основные положения из вышеуказанного труда, характеризующие убийцу данного типа. Крайняя слабость нравственного чувства и полное непредвидение последствия своего поступка является также основной причиной преступления убийцы душевно-больного; но у него этот психический дефект, являясь иногда прирожденным или хроническим, как у предумышленного убийцы, во многих

[1]) Ферри. „Убийца умалишенный". Юрид. Вестник за 1889 г.

случаях носит характер временного острого возбуждения. Убийство совершается душевно-больными обдуманно или под влиянием мгновенного импульса. Медленное развитие идеи убийства встречается при бреде преследования, когда больной, последовательно переходя от меланхолического расстройства и развития идеи преследования к появлению неотступного бреда, впадает в такое состояние беспокойства и страха, что не видит иногда средства положить конец своим страданиям, кроме лишения жизни своего мнимого преследователя. Такая инфильтрация идеи убийства, которая разряжается преступным действием, проявляется и при других формах душевной и нервной болезни: слабоумия, меланхолии, алкоголизма, эпилепсии. Иногда в таких случаях больной сознает, что собирается совершить преступное деяние, но не в состоянии противиться импульсивному влечению к убийству, а иногда сам бежит от своей жертвы или обращается к врачам или друзьям чтобы они удержали его от преступления.

Другие душевно-больные совершают убийства под влиянием мгновенного импульса, которому больной поддается немедленно. Эти случаи являются припадками, которые возникают чаще всего вследствие острого алкоголизма или более или менее скрытой эпилепсии, в особенности эпилепсии, сопровождаемой случайным или хроническим алкоголизмом, или же обусловливаются галлюцинациями, или иллюзиями, часто незаметными даже для членов семьи. В таких случаях импульс может быть неожиданным бессознательным, при непосредственном совершении акта, вслед за его возникновением, так что он даже не успевает появиться в сознании, и действие имеет все признаки рефлективного, происходящего слепо, без взякого участия воли.

Отличительным признаком убийцы душевно-больного может служить то обстоятельство, что совершенное им убийство чаще является самоцелью или средством к достижению непреступной цели и, хотя бывают случаи, что и душевно-больные совершают убийства под влиянием преступных мотивов, мести, ненависти и т. д., но корыстный мотив чрезвычайно редок. Другим характерным признаком душевного

расстройства является убийство, совершенное под влиянием противоестественного полового чувства, в особенности присущего идиотам или слабоумным, вследствие которого они удовлетворяют своему половому инстинкту на трупах жертв и даже в раны, причинившие смерть. Эта черта свойственна исключительно убийцам душевно-больным, так как обыкновенный преступник, если убивает при изнасиловании, то с исключительною целью избежать наказания, а не с целью полового удовлетворения.

Поведение душевно-больного до убийства нередко похоже на поведение предумышленного убийцы, так как преступное настроение душевно-больного часто выражается в угрозах по адресу жертвы. Существенная разница между душевно-больным и предумышленным убийцей заключается в отсутствии соучастников у душевно-больного; исключения представляют собой только случаи массового психоза. Поведение душевно-больного во время убийства характеризуется необыкновенным возбуждением, о котором свидетельствует состояние трупа. Это возбуждение часто сопровождается необычайной свирепостью при совершении убийства, доходящей иногда до людоедства. После совершения убийства, душевно-больной чувствует облегчение, освобождение от давящего кошмара и тяжкого физического недомогания; необычайное возбуждение сменяется спокойствием, которое остается и при виде трупа, и во время суда, и после вынесения приговора.

Это обычное состояние душевного спокойствия после убийства не исключает возможности возникновения у душевно-больного сильной реакции морального чувства, доводящей его иногда до влечения к самоубийству. На суде душевно-больные, в особенности эпилептики и алкоголики, часто совсем не помнят подробностей убийства, но вообще характерным признаком душевного расстройства является чрезвычайно детальная передача картины убийства. „Женоубийца Д., говорит Ферри, рассказывал экспертам о преступлении с оттенком искренности, без всякого возбуждения; казалось, он был озабочен только старанием быть совершенно точным, передавая мельчайшие подробности с тою отчетли-

востью памяти, которая встречаетея у сумасшедших". Убийцы душевно-больные, обычно, добровольно предают себя в руки правосудия и бывают пассивны при аресте, хотя иногда и скрываются и даже устраивают себе alibi. На суде они не оправдывают себя, скрывают свое сумасшествие и употребляют выражения, которые указывают на их состояние во время припадка: „кровь бросилась в голову," „голова пылала" и т. п.

При обследовании Московских арестных домов, был подробно описан интересный случай убийства, являющий собой некоторые характерные признаки душевного расстройства. Обследованный А. убил выстрелом из ружья свою жену, заманив ее в лес, и разрезал труп ее на 15 кусков. Свое преступление он мотивировал тем, что иначе не мог от нее отделаться. А. 46-ти летний мужчина, среднего роста, с довольно благообразным лицом, почти совершенно седой и на вид казавшийся старше своих лет, происходит из безземельной крестьянской семьи, среднего достатка. До 13 лет он рос дома, а после 13 лет жил и учился в мастерской живописи. Получил незаконченное среднее образование, которое пополнил чтением книг, преимущественно по социальным вопросам и философии; собрал большую библиотеку и называет себя другом книги. До революции был живописцем и, увлекаясь религиозными вопросами, был фанатиком в исполнении религиозных требований, раздавал почти весь свой заработок бедным, а с 1917 года вступил в партию коммунистов и здесь проявил тот же фанатизм. В отделе моральных представлений получились такие ответы: на вопрос, почему нельзя красть, обследуемый отвечал: для себя красть нельзя, а для общественной пользы, для интересов партии можно. Вообще, цель оправдывает средство. „Почемунельзяграбить?" „Для общественной пользы можно. Ведь совершаются же экспроприации". Почему нельзя убивать? „Ради интересов общества, можно". Почти все время с 17 года обвиняемый служил в Красной Армии и даже участвовал в ее организации. Преимущественно он занимал должность политического комиссара военных курсов командного состава, но был также и на фронте, участвовал в сражениях, приказывал расстре-

ливать, 2 раза расстреливал сам, но с целью ускорить смерть и прекратить страдания; говорит, что на фронте привык к насильственной смерти; и вместе с тем отпускал пленных, чтобы увидеть радость на их лицах. Наследственность нормальная. В характере отмечены: душевная тупость, раздражительность, вспыльчивость, склонность к аффектам, приступы тоски и злобы, решительность, смелость, рассчетливость и импульсивность. Сильная нежность к детям и эпизод с пленными на фронте свидетельствуют о наличности большой душевной мягкости. Отмечена также склонность к бродяжничеству и любовь к охоте с гончими, причем обследуемый застрелил однажды негодную для охоты собаку. Алкоголик, пьет с 17 лет, временами до пьяна. В отделе экзоченных факторов отмечена гоноррея и воспаление яичек, лишившее его способности к деторождению, а также недомогание в области сердца.

А. был женат три раза. С первой женой прожил счастливо 8-9 лет. От нее у него осталось трое детей: дочь, в настоящее время ей 25 лет, ремесленница и сыновья—студенты—23-х и 21 года. Дети спокойные, выносливые, сдержанные; он их очень любит и когда бывал в Москве, то жил с ними. После смерти первой жены, А. женился вторично. Брак этот был неудачным: жена устраивала скандалы, обкрадывала его мать, не заботилась о пасынках, и А. разошелся с ней 6 лет тому назад, оставив ей все имущество. Детей от второго брака не было, так как А. уже до него потерял способность к деторождению. Третий брак А. называет кошмарным и говорит, что за трехлетнее сожительство с этой женщиной, его жизнь была сплошным мучением. Брак этот не был зарегистрирован и жена упрекала его за это, говоря, что не чувствует себя его женой. Она была на 18 лет моложе его и изменяла ему; доказательством ее измен могут служить две беременности, которые не могли произойти от него и которые она прекращала абортами. Дети, по его словам, ее не любили и не уважали за глупость, несдержанность и дурное поведение. Уже с первого года совместной жизни А. неоднократно уговаривал жену разойтись, мотивируя тем, что они чужие и не поймут друг друга, жена отвечала, что должна

жить с ним до смерти. А. полагал, что мотивом ее нежелания уйти были материальные соображения, так как о любви не могло быть и речи, принимая во внимание ее измены.

Наконец, в 1923 году он отправил ее к брату и не дал ей денег на обратный проезд; тем не менее она вернулась. „Когда я говорил жене, чтобы она от меня ушла, она отвечала: „Куда я пойду“, и требовала, чтобы я ее обеспечил, я ей обещал посылать на первое время, покуда у меня у самого будет заработок. В изменах она не сознавалась и говорила, что беременела от меня“. Перед Пасхой А. был назначен заместителем директора фабрики в Волоколамске и, до принятия должности, жил с женой у своей матери в селе, где произошло убийство. Далее приведем дословный рассказ обвиняемого который он вел удивительно спокойным бесстрастным тоном, не меняя выражения лица и проявляя странную заботливость о том, чтобы все детали были записаны обследователем [1]). „На Пасхе жена мне сказала, что у нее уже с неделю опоздали регулы. Во вторник на Пасхе я заявил: „Ты меня доводишь до такого состояния, что у меня уже несколько раз являлась мысль о самоубийстве или убийстве тебя“. Она не придала моим словам никакого значения и не дала мне никакого ответа, а на последний вопрос сказала: „Должна жить с тобой. Зачем ты меня брал“. В пятницу я уже решил покончить с ней“. А. решил ее убить в лесу, чтобы труп ее могли растащить звери и исчезли бы следы преступления, но не из-за боязни кары, а дабы не компрометировать себя, как члена партии, которой хотел во всем признаться. „Думал этот акт совершить в пятницу, но, уговорив ее итти в гости и дойдя с ней в сумерки до лесу, где хотел ее убить, я не смел этого сделать и вернулся с ней обратно, сказав, что я нездоров. С половины Пасхи я почти не спал—все думал о том, какой найти выход из положения; и в ночь на субботу тоже не спал. Утром сказал: „пойдем в гости и так как ты со старухой (моей матерью) не ладишь, то я тебя отправлю в Волоколамск“. В Волоколамск она ехать согласилась, и мы пошли в гости. Дорогой

[1]) Таким же бесстрастным тоном передавал А. об ужасах, которые ему довелось видать на фронте.

во мне боролись две мысли: сделаю ли я большое преступление, если убью ее. Если я ее отошлю от себя, она пропадет и дойдет до дна; может ей лучше умереть без большого страдания. Я ее убью и пойду в партийный суд; если он мне скажет, чтобы я убил себя, я покончу с собой. Я жизнью не дорожил, красоту жизни я видел в детях и в общественной работе". Говорил он также что, взвешивая мотивы за и против убийства или самоубийства, он сравнивал степень общественной полезности своей и ее жизни и пришел к заключению, что надо убить ее, так как он может принести пользу обществу, а она пустой и никчемный человек. „Придя в лес, я ей сказал: „у тебя какая-либо закуска есть"? „Есть". „Давай сядем и закусим". Я срубил стержень у можжевелового куста и посадил ее на него и сказал: „садись и доставай закуску". Мне было в это время очень тяжело, и опять явилась мысль, что, может быть, лучше выгнать ее, при помощи милиции. Когда она нагнулась, чтобы развернуть закуску, я взял дробовое ружье и выстрелил ей в голову. Она опрокинулась и не издала ни звука. Выстрелом была снесена большая половина левой стороны черепа. Смерть наступила мгновенно. Я в ужасе отскочил, бросил ружье и, схватившись за голову, не знал, что делать. Потом приложил к голове ком снегу и решил доделать то, что задумал. Чтобы звери скорей уничтожили труп, разрезал его на несколько частей и положил под кусты. Потом запихав ее вещи в мешок, я с ним убежал версты на две и там, отдохнувши и все-таки не помня себя, я ее отрезанную косу растрепал по сучьям, а остаток спрятал в корню. (Все это для того, чтобы скрыть следы). Я с мешком пошел домой. Все время шел лесом. Была у меня мысль покончить с собой. Придя домой, я ее вещи убрал в ее корзинку, а платок, опаленный и в крови, который был завернут в кальсоны, тоже запачканные платком, я на другой день, вместе с кальсонами опустил в прорубь. Всю ночь не спал, передо мной стоял призрак совершенного дела. Потом пошел искать извозчика, чтобы ехать в уездный комитет партии. Я ничего не ел накануне убийства, в день убийства и после убийства. Я лежал ночи с револьвером и все думал о самоубийстве.

В понедельник в 4 часа утра я пошел к извозчику и уехал. В уездном комитете партии я не хотел говорить о преступлении, хотел сообщить о нем Московскому комитету партии, который только и признаю. Приехав в Волоколамский уездный комитет, я об'явил, что должен ехать в Москву, для разрешения вопроса о моей работе и что в Волоколамске работать не буду. Меня отпустили. Приехав в Москву, я пошел в III-й Дом Советов, чтобы увидеть старых партийных товарищей, но там никого не нашел, так как все были на с'езде. Оттуда пошел в Цека, чтобы увидеть товарища В. и узнать, не нужен ли я ему, как работник, в Екатеринбург. Он обрадовался и написал записку в Цека, чтобы меня откомандировали к нему. В Московском Комитете никого нельзя было застать, так как все были заняты с'ездом. Получив из Цека отношение в Эмка о моей командировке, я намеревался пойти в Эмка и во всем открыться, но придя в 6 часов из Цека домой, я был арестован Мууром. Я сразу в Мууре ничего не сказал опять, чтобы не компрометировать партию, так как не знал, какие люди меня окружают, но как только узнал, что здесь все коммунисты, я все открыл. Я во многих отношениях раскаиваюсь в совершенном преступлении; лучше было бы попросить партию помочь мне отделаться от нее, так как совершенное убийство меня сильно мучает". Искренность изложенного не вызвала никакого сомнения у обследователей, за исключением слов А. о том, что он обо всем рассказал бы партии, если бы ему не помешал с'езд, а затем арест, так как это намерение как будто бы опровергается его командировкой в Екатеринбург. Здесь возможны два об'яснения: или А. надеялся на прощение партии и, не желая оставаться вблизи от тех мест, где у него было такое тяжелое переживание, а может быть просто поддавшись своей склонности к бродяжничеству, решил уехать в Екатеринбург; или же А., первоначально решив во всем сознаться партии, но наткнувшись на препятствие ввиде с'езда, постепенно охладел к своему решению и почел за лучшее смолчать о преступлении и уехать подальше.

Описанный нами случай являет целый ряд характерных признаков душевной болезни, указанных Ферри. Здесь и

угроза перед преступлением, и необычайное возбуждение во время его совершения, о чем свидетельствуют слова А. „приложил к голове снегу“ и „не помня себя“, а в особенности растерзание трупа и даже волос покойной, конечно, не с целью сокрытия следов, а в бессознательном состоянии, как он сам говорит: „не помня себя“, и это рассуждение о том, что лучше убить ее безболезненно, чем выгнать из дому и дать ей морально погибнуть; и этот выбор между ее и своей жизнью, с точки зрения их общественной полезности, как характерный пример кривой логики при резонирующем помешательстве, и желание убить себя после совершения преступления. И даже желание скрыться, если оно было у обвиняемого, не противоречит описанию Ферри; а слова его о женоубийце Д., повествующем о своем преступлении, как нельзя больше подходят и к нашему примеру. Присутствовавший при обследовании д-р Краснушкин дал следующее заключение: „Резонерство, замещающее чувство. Фанатик. Человек полярных чувств: от полной тупости, до самых сильных аффектов. Шизотимик“.

V. Заключение об исправлении убийц.

Теперь, резюмируя все выше изложенное, мы можем сказать, что ненормальное психическое состояние, заглушая моральное чувство человека, облегчает ему возможность покушения на чужую жизнь. Оно может быть временным или хроническим, и относительно лиц, у которых это состояние является хроническим, так называемых предумышленных или профессиональных убийц, может возникнуть вопрос о их безнадежности, в смысле исправления и приспособления их к общественной жизни, и о формах борьбы с ними.

В ответ на этот вопрос мы приведем несколько выдержек из труда д-ра Лобаса, врача в Сахалинских тюрьмах, через руки которого прошли тысячи каторжан. Д-р Лобас в своем труде, посвященном корыстным убийцам, наиболее подходящим к типу предумышленных убийц, описанных Ферри, говорит следующее: „Можно ли питать надежду на исправление такой преступной личности, как она очерчена выше? Прежде чем ответить на этот вопрос, я снова вернусь к психике ее, и на этот раз постараюсь показать, что на ряду с отрицательными

ее чертами встречаются, как это ни странно, и положительные, несомненно указывающие на то, что и самый тяжкий преступник (прирожденный) по мнению некоторых исследователей не может третироваться, как человек, совершенно погибший и безнадежный, в смысле исправления. Мне известны случаи, когда жестокий убийца спасает тонущих людей с опасностью для собственной жизни, когда грабитель бросается в огонь, спасая чужое имущество, когда преступник, руки которого обагрены детской кровью, становится нянькой, и за порученными ему детьми ухаживает с трогательной заботливостью и т. д. Мне известны тяжкие преступники, бессрочные каторжники, все мысли которых сосредоточены на побегах. Они, ради свободы, идут на верную смерть: перебираются через высокие стены под выстрелами часовых; с невыразимыми трудностями, лишениями и опасностями проделывают длинные подкопы, прорываются через густую цепь конвойных, под угрозами штыка и пули; и эти же люди, за ничтожным исключением, не делают попыток к побегу из неогороженного, почти не охраняемого, стоящего на краю города, у самой тайги, лазарета. Для убийцы, бессрочного каторжника, при страшном соблазне легко уйти с каторги, честное слово является надежным часовым. А та чуткость, с которой преступник относится ко всякой несправедливости, проявленной к нему или к его товарищам; та верность и преданность, о которой знают все, имевшие преступников в качестве слуг и относившиеся к ним человечно и справедливо, разве не говорят за то, что даже и тяжкий преступник не совсем погибший человек. Можно до бесконечности приводить примеры в таком роде, но думаю, что и приведенных достаточно, чтобы не сомневаться в существовании у преступников таких положительных душевных черт, как любовь к ближнему, самоотверженность, сознание долга, преданность, верность, и т. д. Черты эти существуют, но они заглушены и мозговые пути для проявления их атрофированы и засорены. Стоит только порыться и тщательно поискать этих черт и в этом ответ на поставленный выше вопрос о возможности исправления преступников".

В качестве иллюстрации такого изменения личности, в связи с переменой отношения к ней, можно привести случай с З.,

с которым мы встретились при нашем обследовании. Нам было сообщено, что в одной из Московских тюрем заключен бывший атаман банды в Сибири, который прославился своими жестокостями, занимаясь разбоем по сибирским и русским городам. В каждом городе он оставлял за собой десятки жертв, убивая обывателей, своих товарищей-бандитов, своих любовниц, насилуя женщин и уродуя и оскверняя трупы. Когда мы пришли в тюрьму, мы, на основании полученных сообщений, думали увидеть зверя, в образе человеческом. И действительно своим тяжелым, угрюмым взглядом, мрачным лицом с глубокой складкой между бровей, с грубой нижней челюстью и острыми скулами, он производил впечатление затравленного матерого волка. Правда, он отрицал все, взводимые на него обвинения, признавая только убийство, из ревности, красноармейца, уходившего с его женой, да кражи со взломом и грабежи, и с угрюмой покорностью говорил следователю: „пишите, что хотите,—только бы скорее...—Мне уж надоело". Но в отделе моральных представлений получились потрясающие, по моральной тупости, ответы. Когда в пояснение вопроса: почему не следует мучить животных, его спросили: можно ли взять кошку за хвост и выбросить с 5-го этажа на улицу? он, усмехаясь, ответил: „можно". На вопрос: почему не следует красть. Он сказал: „можно. Есть захочешь, так что сделаешь". Почему не следует грабить? „Все равно". Почему не следует убивать. „Все можно". Почему за это наказывают. „Не знаю". И, повидимому, вспомнив свое дело об убийстве красноармейца: „не жалко. Я его с женой догнал. Он с моей женой уходил". Обвиняемый жаловался на голод, на 9-ти месячное отсутствие прогулок, говорил, что ему грозили наганом, требуя признания в инкриминируемых ему преступлениях.

Через 3 месяца мы его увидели снова. За это время отпала вся сеть взведеных на него обвинений; остались: убийство красноармейца, подговор товарища к убийству сожительницы, изнасилование девушки, грабежи и кражи со взломом. (Второе и третье преступление он отрицает). Приехала из Сибири его мать-старуха, продала корову, привезла денег, стала хлопотать у адвоката, стала присылать ему передачу

в тюрьму. Ему были разрешены ежедневные краткие прогулки, было устроено свидание с матерью и братом, которого он очень любил. Появился какой-то просвет в жизни арестованного—и когда мы снова увидели его, он уже больше не походил на затравленного зверя: перед нами сидел человек, который прямо смотрел нам в глаза и улыбался детской улыбкой. И почувствовав к нам доверие, потому-ли, что сидевшие с ним в одном корпусе сказали ему, чтобы он нас не боялся, потому ли, что один из обследователей поделился с ним своим завтраком, а другой папиросами, потому ли, что он просто прочел в наших глазах сочувствие к нему, как к человеку, он охотно и подробно рассказал нам всю свою пеструю многогранную жизнь и про свое сиротство и про свое отрочество, когда он был жокеем у богатого барина, про нищету и безделье в юности; про „войнишки",—драки партиями в 100—200 человек, с финскими ножами, топорами и ружьями, от которых у него осталось 12 шрамов на голове и 5 на туловище; про своих голубей, которых он разводил и гонял в юности. Рассказал про первую кражу; про первую тюрьму в 19 лет в Красноярске, с ворами и убийцами; про 2 года партизанской войны на Колчаковском фронте в Минском каваллерийском полку, где участвовал в боях с холодным оружием и где научился пить и получил сквозную рану в грудь, от которой кашлял кровью. Потом про ликвидацию отряда, возвращение домой, голод, встречу с братом, решение уехать на Украину, задержку поездов, тяжкую нужду; про первую кражу муки со склада, с согласия сторожа, а затем и дальнейшие, уже со взломом и насилием. Рассказал про укрывательство 2-х убийств и свое дело: убийство красноармейца: „это был красноармеец. Я его не знаю. Я не замечал ничего. Мне Ира сказала, что Елизавета хочет с ним уехать. Я делал валек к пристяжке в огороде. Как она мне сказала, я, кажется, сразу пошел. Топор был у меня в руках. С полверсты от дома увидел их в лесу, они сидели. Тут я иичего не помню. Мне тяжело об этом говорить. Я ударил его по голове... Сколько раз—не помню. Любил ее очень". Во все время рассказа много раз набегала слеза. Новый облик этого человека совершенно не вязался с моральными представле-

ниями, полученными 3 месяца тому назад, и мы решили проверить их—и ответы оказались другими. Когда при вопросе о том, можно ли мучить животных, ему напомнили его прошлый ответ о расправе с кошкой, он улыбнулся и сказал: „кошек часто бил. Они голубей едят. Раз 12 штук с'ели. После того всякую кошку бил". На вопрос, не бил ли он лошадей, с которыми много имел дела, в особенности с досады, если она не брала приза, ответил: „лошадь зря никогда не бил. Лошадь не виновата, если не придет".

Можно ли красть? „Если необходимость заставит, нужда — то можно". И страстно: „ведь голод-то такой был! В Самаре сам видел, как люди людей ели! Один мужчина двух девочек убил и сжег—два пуда муки взял. Он не прав, что он убивал, он мог бы и так утащить". На вопрос о своем деле с красноармейцем, сказал: „не вправе я его был убить. Он не виноват. Виновата она. Нельзя убивать". Прав д-р Лобас, когда говорит: „обращайтесь с виновником зла, как с себе подобным, и более, нежели вероятно, что его воля отзовется на ваш призыв. Обращайтесь с ним, как с собакой—и он будет действовать как она".

С. Укше.

Случай изувечения мужа.

(Из кабинета по изучению личности правонарушителя и преступности,—*психологический анализ*, доложенный на конференции 4 декабря 1923 г.).

1-го октября 1923 г. в 7 часов утра Настя Е., 24 лет изувечила своего мужа, ампутировав ему член. Настя Е. крестьянка Тамбовской губернии. Лишилась отца, когда ей было всего три года. Отец человек трезвой жизни, здоровый, хороший работник. Мать 54 лет, жива, спокойная, работоспособная, родившая пятерых здоровых детей. Настя четвертая по счету. Детских болезней у нее не отмечается. В 16 лет правильно установились менструации. С 8 лет училась в сельской школе (два с половиной года); с 15 лет поступила ученицей к портнихе. 17 лет (1916 г.) переезжает в Москву, не имея в ней знакомых; не сразу находит себе жилище и работу. Шитье остается ее основной профессией. Учится на курсах для взрослых (за среднюю школу). В 1919 г. поступает на Рабочий факультет. Здесь знакомится со своим будущим мужем. Этот юноша значительно ниже ее по интеллекту, но не лишенный своеобразных способностей (напр. очень хороший чертежник),—не сразу завоевывает ее симпатию. Только на полевых работах от Рабфака он добивается ее склонности умелым предупредительным подходом, нежностью, веселостью. Она помогает ему учиться, руководит им. Это несколько материнское отношение к нему доставляет ей большое удовлетворение. Узнает, что он дезертир и особенно живо принимает участие в его судьбе. По его настоянию живет в семье его родителей (отец—сапожник, мать служит), не имея с ним физической связи. Ждет легального брака, очень дорожа своей девственностью. Всецело отдавшись заботам о нем (укрывая его), она маскирует занятиями на факультете. Принужденный скрываться, он знакомится с лицами сомнительной профессии и т. п. Поставить его на твердую дорогу—вот главная задача жизни Насти. И он умеет отблагодарить ее за это нежностью и ласками (особенно характерны в этом отношении его письма к ней этого периода). В 1921 г. Настя поступает на акушерские курсы. Он прикидывается *припадочным*. В январе 1922 г. она отдается ему до брака, думая таким способом повлиять на его раздраженный совместной жизнью с ней темперамент и излечить его припадки. В июне 1922 г. она заболевает; болезнь локализуется в половых органах—признаки венерического заболевания. Он отрицает свою виновность. В августе 1922 г. он призывается в армию. После демобилизации в феврале 1923 г. они регистрируют свой брак в комиссариате. Вскоре после этого Настя узнает, что он был женат уже до нее, и что у его жены есть ребенок, которого, однако, он не признает своим. Здесь начало ее мучений. В июне она уезжает в деревню

отдохнуть (первая разлука). Он ей не пишет, как обещал. Встревоженная, она возвращается в Москву через 3 недели и тут же узнает, что ее муж завел любовницу. Новые терзания. В августе болезнь (венерическая) достигает крайней остроты. Муж отрицает свою вину; время проводит вне дома. Насилуя себя она старается не делать ему упреков, но сама одна переживает драму. Она не решается делиться с своими переживаниями ни с кем: ее родные (мать, сестры—замужние—рабфаковцы) были против ее брака с ним, считая его недостойным ее. Они ее обожают. Родители мужа балуют и укрывают своего сына и, считая ее „ученой", по уровню своего развития не всегда понимают ее и интимно не близки с ней. Иногда недоброжелательны. В сентябре (1923 г.) она решается пойти к его первой жене и убеждается, что ребенок похож на ее мужа. Возвращаясь домой, считает свою жизнь окончательно разбитой. Возникает мысль о самоубийстве; совсем не думает о том. чтобы как-либо отомстить ему. 26 и 27 сентября—приступы жестокой боли. Слабость. Сваливается в постель. Он остается при ней. Предупредителен. Помогает ей спринцеваться, вечером 30 сентября она чувствует себя очень плохо; температура 39^0. Страшные боли. Частные позывы мочиться. Как всегда—ложатся вместе на одной кровати. Беседуют о его новой любовнице. Ей все время хочется рассказать ему о своем визите к его жене и бросить: „а ведь мальчик-то похож". Сдерживается, боясь вывести его из себя. Предлагает ему расстаться, он отказывает. Потом он ласкает, берет ее. „Он умел взять ее". Первое сношение этой ночью вызывает боль. Последующие—боль нестерпимую, мучительную. Она крепится, не выказывает ее. Муж засыпает. Он спит всегда глубоким, непробудным сном,—поэтому он стал типографом (ночная работа); на другую службу опаздывал—просыпая. Боли усиливаются. Она сползает с постели—мочится и не может занять своего прежнего места. Кричит. Он не слышит. Так несколько раз. В 7 часов утра ослабевшая с резкой болью в теле, падает на его ноги. Она видит его обнаженный член и—близко около кровати на столике—отточенный нож (рядом с хлебом). С мыслью „вот причина всего", она бессознательно хватает нож и приходит в себя лишь тогда, когда быстро отхваченный острым ножем член остается у нее в руке. Кровь бьет из раны. Его возглас: „Что ты наделала!" Она ложится рядом с ним и стремится унять кровь салфеткой, заткнуть рану. Зовет на помощь мать мужа. Велит вызвать карету скорой помощи. Его увозят в больницу. (В настоящее время, после нескольких операций—он вполне здоров и служит на прежнем месте. Медицинский анализ устанавливает, что член отрезан $^3/_4$ сантиметра от лобка. Бактериологический анализ установил. как в ампутированной части, так и в мочевом пузыре, большое количество гонококов). Она арестована и помещена в тюремную больницу с температурой 37,8, с диагностикой: parametritis exsudativa acuta. В течение месяца температура, колеблется от 36^0,5 до 38^0,2.—Психиатрический анализ не установил в психике Насти ни малейшего признака психической дегенерации. Конституция слабая, несколько анемичная; внутренние органы, так же как нервная система, не представляют собой никакой аномалии. Диагноз характеризует исследуемый момент, как случай *короткого замыкания*.

Психологический анализ. Корабль, одновременно предоставленный действию различных сил: силе своего винта, ветра и морских течений, повинуется всем им *одновременно*, и место, которое он займет в известное время, оказывается тем самым, в котором он и был бы, если бы эти силы действовали на него в течение равных промежутков времени *порознь одна от другой.*

Такому закону параллелограмма сил *не* подчиняется личность человека: если человеку приходится *одновременно* много видеть, при этом много слышать и если, кроме возникающих по поводу воспринятого мыслей, на него оказывают влияние еще другие впечатления, то результат здесь будет не тот, который получился бы при *последовательном появлении всех этих воздействий.* При одновременности воприятий *особенно благоприятные для восприятия влияния одерживают верх и фактически вызывают в сознании возможный для них эффект.* Но это всегда совершается за счет многих других восприятий. И чем яснее, чем сильнее воспринимается личностью и приобретает для нее значение отдельное *слышанное, виденное* или *помысленное*, тем слабее и незаметнее становятся другие воздействия.

Это явление выбора сознанием известных впечатлений в психологии называется узостью сознания или *вниманием* личности к тем содержаниям, которые выступают в сознании преимущественно перед другими.

После такой принципиальной предпосылки, которой мы придаем в данном случае особенно важное значение, обратимся к анализу изучаемой личности на фоне того социально-педагогического момента, в пределах которого данная личность набиралась впечатлений, развивалась, формировалась.

Изначально мы имеем здесь дело с психикой *примитива*, которая, путем длительного, непрерывного, напряженного интелектуального усилия, вышла из пределов примитивного уровня развития, уровня, который вообще характеризуется *бедностью культуры* и конкретностью процессов мышления.

Наше длительное изучение психики примитива вскрывает перед нами тот, мало заметный для поверхностного взгляда, чрезвычайно трудный путь, который преодолевает примитив, стремясь к культурному самовоспитанию, и то чрезвычайное *переутомление*, которое является следствием такого культурного процесса при *неблагоприятных социальных условиях*.

Мы имеем здесь на лицо такие сложные неблагоприятные социальные условия для культурного развития данной личности. Генезис психики:

Крестьянская девочка, бедной семьи, помощница матери, „няня" своей сестренки; наблюдательная, полная стремления к заманчивому и чарующему миру *знаний*, но запретному для *девочки* ее среды. Помогать матери в хозяйстве в домашнем и крестьянском, вот ее задача. Все детские слабые силы ушли на самообразование: „Помню себя маленькой очень, а сколько лет не знаю [1]). Брат старший учился, а я страшно любила картинки; в его букваре были картинки и под каждой картинкой было ее название, пояснение. Я научилась буквы, благодаря этому. Сперва буквы были под картинкой, а потом я буквы находила уже не под картинкой. Брат не давал свой букварь, похвастается и спрячет, а я пользовалась этим, когда он уходил. Выну потихоньку из сумки букварь и учу по картинкам: в детстве мы не видели хороших картинок,—кроме от конфет. Бывало прячешь и дрожишь над конфетной картинкой... Я всегда вырезывала и берегла картинки от конфет. Вырежу все до точности. Это было мое баловство. Порой брат мне показывал букварь за эти картинки: я ему дам картинку, а он мне даст книжку посмотреть, букварь... Было очень трудно учить буквы, на которые нет первоначальных слов; напр. буква „ы". Не было слова на эту букву и я ее очень долго не знала. Буква „о", как сам звук, очень долго не давалась, чисто случайно я его уловила. Пришла соседка и в знак удивления воскликнула: „О". И с тех пор я ее не забыла, как и самый случай этот. „И" краткое никак не могла писать, ударение никак не по-

[1]) Мы придаем особо важное—в психологическом смысле—значение точной дословной передаче речи испытуемых.

ставлю; доучивалась, когда в школу поступила. Мне было трудно в школе, когда стали учить по складам: я никогда не умела вслух сливать буквы: я как то одна их делала и не научилась вслух сливать. (Метод самообразования остался коренным).

В школе училась церковно-приходской поступила 8 лет. Меня приняли после всех, училась два с половиной года (пропустила пол зимы). Благодаря тому, что я знала *„складать“* алфавит, меня посадили в I класс. Здесь была 1-ой ученицей, а в III классе—второй ученицей. Очень отражались мамины дела. Приходилось учить уроки кое-как, срыву. Урывками, так: как мама отвернулась, как ребенок забаловался (я была нянькой за сестренкой)—я схватывала свою книжку и читала, а если войдет мама, а я уж тогда ничего не слышала; мама на голос прийдет и видит ребенок плачет, скажет: „Ох, уж эта книжка мне: ребятам нужно учиться, что в солдаты идут, а тебе не за писаря выходить замуж“. Я хотела учиться дальше, но была известная плата (за ученье): мама не могла... Я читала то, что в деревне могла найти: сказки, поэмы...

Часто мама заставляла читать Евангелие вслух: это меня тяготило... Житие святых я любила читать вслух и об‘яснять. Но были такие термины, которые я сама не знала и потому я избегала читать, не скажу, чтобы я сама все понимала (мне дали Евангелие, как наградную книжку). Больше всего любила откровения. Тогда была религиозная тоже. Очень много молилась на коленях, с таким жаром, с такой верой. Теперь не религиозна. Мама отдала в портнихи, и я была очень рада. Было там очень трудно: заставляли детей няньчить. Я скучала о сестренках. Мама научила дома шить, и хозяйка меня выделяла за то, что у меня *чистая работа* была. Если нужно было сделать *спешно, то я не могла.* Хозяйка посадила меня за дело и раньше других дала жалованье и, плюс к тому же, взяла в счет меня бесплатно мою сестренку.

У хозяйки была девочка—племяница. Училась в начальном. Было расписание уроков у нас с ней, как у нее. Она меня учила и я относилась к этому серьезно. Мне было немножечко стыдно. Если мы сидели занимались, то тогда

над нами подсмеивались. Хозяйка смотрела, как на глупость, а сестра хозяйки смеялась зло; вот девочка и писала мне записки об уроках потихоньку: подбежит и сунет в руку!.“

Такие записки сохранились вот одна из них, написанная неуверенным детским почерком, без знаков препинания:

„1915 г. 8 января“.

„Дорогая Стася сегодня будем заниматься у нас будет закон Божий. Арифметика, естествоведение. География. Я напишу тебе расписание уроков (дается расписание по дням— включая французский язык и рисование). Если ты кончишь в 9 часов, то ты готовь уроки, начало уроков полчаса десятого. А кончаться будет в 11 часов. С трех уроков 30 мин. урок, а с четырех 20 мин. урок а 10 мин. на повторение каждого урока. Ты согласна так или нет. Я хочу—потому что мне так удобно. А если будешь кончать в 10 часов то кончать в то же самое время. Ты знаешь сегодня какие уроки, готовься. И в праздник с 9 и до 11 часов. Сегодня буду спрашивать до 10 м. по закону Божию, по естествоведению: лилия, лук, по арифметики реши 2 задачи по Малинину Буренину № 574, 452 и все. Затем ты должна готовится. Сегодня уроки немного изменим. Урока географии не будет, а будет Русский язык, диктант. Затем все. Ответь“.

— „Работа начиналась в 8 часов; в 10 минут 9-го должны сидеть за работой. В восем часов вечера должны были кончать. Засидки были перед праздниками: Рождеством и Пасхой. Иногда работалось много. Это ужасно. Обычно всегда вставали в 8 часов, сидели часто и до часу и до трех. Но были спешки, когда я не спала в ночь и 10-ти минут. Это перед Рождеством и Пасхой или вот кому нужно траур на завтра надеть. А было ужасно, стоишь гладишь, дремлется— спалишь утюгом, придется расплачиватся, но временами хозяйка шла на встречу если оставался кусок материи, она давала, если нет, то самой надо покупать. В такие моменты приходилось обращаться к чужим там на дворе была старушка, перехватишь у ней, займешь, а потом маме в деревню напишешь. Были моменты, когда скроешь от хозяйки.

Зачем мы все это вспоминаем? Забудешь—ничего, а то как-то снова начинает чувствоваться. Переехать в Москву,

чтобы учиться дальше, была всегда заветная мечта. Я думала, что все-таки в Москве свободней: поступлю в прислуги и буду учиться. Если в том городе, в Тамбове, где была портнихой, поступила бы в прислуги, то хозяйка и та стала бы преследовать, стыдить.

В Москву переехала. Через два года начала учиться. Раньше нужно было нажить машину. Когда начала учится, здесь были Красные курсы на Пятницкой улице. А я все время подвигалась вперед. Когда переехала в Москву, то знала уже 4 класса гимназии. На курсах училась летом до осени. А осенью поступила на Рабочий Факультет. С 19 года по 21 год. Последний семестр нельзя было кончить в связи с дезертирством мужа. Там были интересные работы, общественные. Мы с ним вместе ходили. Слушали, делали кружки свои.

Больно, что не кончила. Меня только одна мысль утешала, что это я делаю *пока*, и как тогда понимала, думала выведу мужа из его дезертирства.

На Акушерские поступила в 21 году, с дипломом с Рабочего Факультета. Я была оставлена на повторный семестр. Я кончить не сумела. (Много времени брали хлопоты за мужа). Но я все знала. Я посмотрела программу на Акушерских и 1 курс совпадал с последним на Рабочем Факультете, и я подумала, что это можно совместить. На Акушерских пробыла один семестр.

Вышла замуж и меня схватила болезнь, а планы были такие: наука по моему есть не что иное, как храм, я вообще к науке с большим уважением отношусь и вообще наука—это для меня святыня. Больше всего люблю естественный факультет, а в связи с акушерскими хотела на медицинские перейти. В Петровской Академии есть естественное отделение или агрономическое, как крестьянке мне все это знакомо. Я больше всего люблю природоведение, естественный факультет, но и химический тоже. Здесь есть у них какая-то связь с медициной, но медицина не так меня удовлетворяет, там все на предположении строится. Нету ясного, точного, а предположения иногда бывают шаткие, ошибочные. Наслаждение никогда не удовлетворяет: я думала среднее учебное кончить—наслаждение, а потом надо высшее учебное заведе-

ние кончить. Акушерские Курсы только как узкая специальность. Я пошла бы на доктора. Меня это не удовлетворяет. Там все строится на предположении, а не на доказательстве, как в естественных науках (в естествознании, там все на лицо). Мне очень нравится химия, вот факт случился, в нем нет сомнения, хотя она несколько суха, но она имеет свою красоту. Когда учила анатомию, то мне было *приятно* познавать себя: что у меня лежит такая-то мышца, такой-то нерв и прикрыта им такая-то кость". Итак, все интересы направлены в область науки: наука—„храм", „святыня". Любимый факультет естественный (стремление к точному знанию). На вопрос: „Зачем так хочется учиться", удивленно восклицает: „Да хоть бы для того, чтобы познать самого себя. Кому не хочется познать самого себя? Этот вопрос отпадает сам собою. А тут еще хочется познать других". В ответе ясно выражена об'ективная направленность интеллекта на *знание ради знания*, а не ради его практических целей. Мы имеем здесь дело с личностью, *живущей сознательной жизнью, по преимуществу*. Такой *сознательный процесс*, проникающий насквозь всю жизнь данной личности, особенно сложен при ее изначальной *примитивности*: так как ведь психика примитива, по причине родового и индивидуального *недостатка культурного опыта*, не отличается гибкостью мыслительных процессов. *Мышление „по складам"*, мышление ясное, нерасчлененное, но и не спутанное (в отличие от патологического)— вот изначальная форма мысли примитива.

Несмотря на это, здесь мы имеем: *мышление тонко развитое для человека ее среды; несомненность интеллектуального интереса прямо бросается в глаза. Все ответы на процессы мышления показывают, что работа шла все время напряженно. Мы видим точность ухваченных абстрактных признаков предметов и в то же время лишние дополнения, с которыми еще трудно справиться мало культурной психике. Вообще язык часто не находит адэкватных слов*: „Слов бывает очень мало, чтобы все высказать". *То обнаруживается на ряде вопросов, что она над ними задумывалась,— то, наоборот, сама удивляется тому, что не останавливалась до сих пор на тех или иных определениях.*

Процессы умозаключения очень типичны для психики ее типа; при быстроте и безусильности ответов они строятся не из логических посылок, а из данных конкретных, чувственных восприятий.—Наоборот, *вдумчивые ответы все формально точны,* но сама чувствует трудность и напряженность в ответах абстрактных. Конкретное ей ближе.—Мысль тонкая.

Память очень хорошая и зрительная и смысловая и на стихи и на обстрактное, словом на все виды экспериментов по памяти. Обнаруживает начитанность и серьезную вдумчивость в прочитанном.

Восприятие точное, пластическое, реальное. Внушимости *не заметно*: реальность восприятий мало по малу оттесняет внушенные моменты.

Однако, во всех экспериментах чувствуется насыщенность комплексами, с которыми личности данного склада трудно справиться. Через 2 недели после преступления, описывая воспринятую картинку говорит: „На столе лежит нож: вот как буду вспоминать—мне неприятно, вот и теперь в домашнем обиходе, как вижу нож, мне неприятно".

Очень важно здесь отметить особенности ее ассоциативного процесса; он насыщен комплексами и заторможен: видимо целый ряд переживаний вытеснен, и приведение их в сознание встречает сопротивление. Часто встречается полное отсутствие реакции, то-есть то же сопротивление, которое встречает Фрейд при психоанализе, наталкиваясь на комплекс. Среднее время реакции больше, чем полагается в норме, что об'ясняется чрезвычайно большим количеством комплексных реакций.

Напр., *10 ноября*: Слово раздражитель 1) „Ласкать". Ответ через 8 сек.: „Опять по часам" (т. е. по секундомеру). „Ну уж я на это слово тоже не буду отвечать, потому что оно затянулось". 2) „Стук", 1 сек.: „Пятна". 3) „Пытка": „Мне что-то сегодня трудно. *Я и глаза закрыла, а все вижу пятна".*

16 ноября. 1) „Тайна". Я буду слова подготовлять. Мне легче так, а то у меня не находится слов Вам тут же ответить. *„А если находится слово, оно нить за собой тянет".*

Свободные ассоциации (в 3 мин. 52 слова) характерны тем, что слово „дети" повторяется три раза. Комплексовая

насыщенность психики выражается и при описании картин из Бинэ. Показывается картина: человек в тюрьме смотрит в окно. Через 0,5 сек.—„Лучше другую какую-нибудь. А. Е., я эту не хочу. Я не буду эту картину смотреть". (Слезы; вскочила, ушла на другой конец комнаты). Поясняет: „Я и сама была [1]) в тюрьме и муж... больно за обоих... Вообще... тюрьма. Вы ее не показывайте никому".

Между прочим первый раз встречается нам такая эмоциональная реакция на эту картину. Обычно наиболее охотно преступники дают описание именно этой картины. Очевидно *не личное пребывание* в тюрьме, *а ассоциация с мужем*, вызывает такую *эмоциональную* реакцию.

Другие картины описывает удачно и даже улыбается.

Вообще очень наблюдательна. При задачах на *воображение* ориентирует образы в пространственных пластических отношениях, но на комплексы наталкивается на каждом шагу: рассматривает черное чернильное пятно (пауза 2 минуты): „это что-то похоже на кровь, как будто кровь.... бесформенное".... Другое пятно (3 минуты) „как будто лицо человека с закрытыми глазами. А потом еще что-то есть общее с этой каплей крови.... как вспомню.... Неприятно... тяжело даже". Вообще в данный момент комплекс связан с преступным миром и тем что привело к нему.

Пишет дневник: описывает „Преступный мир" (впечатления в тюрьме) [2]).

---

[1]) До суда живет в прежней своей комнате.

[2]) Вот отрывок из ее сочинения: „Преступный мир" (с ее орфографией) Давно ли Вы с воли, встретили меня вопросом больные арестанты. Слова воля и неволя для меня были чужды, т. е. я не умела по настоящему ценить волю и выростая на воле не знала, что такое воля. Смотря на всех недоумевающим взглядом я молчала, вопрос снова повторился и я ответила 2 часа назад—больные переглянулись, улыбнулись и что-то шипящее быстрое, как электрический ток, пронеслось по палате и тихо замерло, где то в углах с отзвуком „зекс", словом для меня тогда непонятным. Я устало закрыла глаза сладко слипавшие под действием опиума ощущая приятную теплоту во всем теле Вдруг сильная боль внизу живота заставила меня проснуться, я застонала заерзала но услышав множество голосов я притихла, соображая, где я нахож....—

Чтобы не заболеть окончательно, надо, пока, прекратить этот преступный мир—пусть пока уляжется, тогда буду об'ективней..." (комплекс).... „Проснувшись от сна я никак не могла сообразить где я нахожусь и что вокруг меня творилось. Множество молодых женских голосов под веселый

Пишет стихи. Например:

„Опять весна, опять цветы.
Опять любовь, опять и ты и т. д.“.

Или „18 ноября 1923 г. В тюрьме.

хохот и ухарские выкрики говорили все разом, ударяя в ладони,—Ванька не был—Ванька не был и т. д. Это была своего рода камаринская. Одна молодая арестантка, в диком плясе носилась по палате, то приседая, то отбивая дробь, в такт ударяя себя по бедрам по голове при этом удальски подсвистывая. Я хотела приподняться, забыв, что мне запретили всякое движение, но боль пронзила всю полость живота и я упала в постель обливаясь потом, в глазах что-то рябило, запестрело, грудь сдавило и короткие отрывистые стоны заставили многих обернуться в мою сторону.

„Тише. Тише“.... и крепкая площадная брань, огласила палату. Все разом стихло, как по команде. Черти! больную разбудили.. раздался чей-то голос и все загалдели расходясь по своим койкам, продолжая перебраниваться друг с другом.

Площадная брань резнула мне слух и мысль „тюрьма“ как огнем обожгло мое сознание, я на мгновение забыла свою боль, унеслась мысленно к случившемуся. Не знаю что: сознание или физическая боль из полости живота проникла в грудь или и то и другое. Но только сердце сжалось такою мучительною болью, что я не знала, что больнее живот или сердце, я думала, что я умираю. Это продолжалось недолго. Несколько мгновений, потом боль утихла сознание прояснилоеь и я уже не смела пошевельнуться, глубоко жалея о том, что я проснулась. „Как сладок сон, как горько пробужденье“, вспомнила я из прочитанного, и я начала припоминать что было сказано во время тюремной перебранки—значит я слабо-больная, подумала я, и меня могут отправить в одиночку.—„Больная! а вы за что арестованы? вдруг спросила меня соседка, все прислушались. Я застигнутая врасплох не знала, что сказать и как-то растерялась. Сказать, *когда* я арестована, это одно—*за что* я арестована, это уж другое. Как назвать самую суть моего ареста, я не умела и как бы я не выразила они ведь не поймут меня, уж если они такие грубые. А сказать ихними словами, т. е. площадными, мне было дико мои губы за всю мою жизнь не произносили таких слов, и за 5 лет я от мужа не слышала. Вопрос был поставлен. Я должна была отвечать. Все ждали, что я скажу и это меня еще больше смущало, мне хотелось плакать, я сдерживалась, старалась улыбнуться, но улыбка выходила кривая, жалкая. Наверно я имела вид затравленного зверя, потому что одна арестантка, как бы сжалилась надо мной и взяв меня под. свою защиту крикнула: „Ну черти, чего пристали, за что! за что! За то что (три буквы) на заборе написала“. Все захохотали. „Нет не написела, а отрезала“, чуть слышно проговорила я зарыдав, заметалась на койке, которая от содрогания моего тела качалась и скрипела. Все замолкли. Что их поразило, я и теперь не знаю, или то, что я сказала, или то, что я вдруг зарыдала. Мне было не легко, казалось никакие муки ада нельзя сравнить с теми душевными муками, какие я переживаю в тот миг. Пришла сестра дала выпить опиум. Я опять заснула, часто просыпаясь от боли. Я была удивлена тем, что здесь ночью тоже не спят, конечно, не все, но многие.

Потом я узнала, что это они потому не спали, сторожили меня, приняв меня за сумасшедшую: боялись, что я им могу что-нибудь сделать во время сна. И вот одни из них спали днем, а другие ночью. Хорошо, что я не знала этого тогда, ведь и так было тяжело“....

В окошко тюрьмы вижу неба кусочек,
А сад словно шепчет что. Осень... пора...
И тихо ложится, кружится листочек
И тем только сносна тюрьма и т. д.“.

По возвращении домой (до суда), когда свекор и свекровь не пускали в комнату и не дали ключа к ней, пришлось вскрывать дверь ножем. В дневнике описывает: „Заставила же меня с ножем в руках ковыряться в замке. Ах! Опять этот нож... Напоминает мне другой, окровавленный. Боже, Боже, хот бы память изменила“. Вся эта комплектная насыщенность указывает на одно: *на болезненное неумение забывать, на заторможенность сознания, захваченного эмоциональными переживаниями.*

Мы отметили в самом начале принципиальную узость сознания личности примитива[1]).

В данном случае мы имеем дело с резко выраженною узостью познания, с абсолютной неспособностью, по крайней мере в данный момент, распределять внимание на два дела. Дается задача подчеркивать букву „а“ на листке для эксперимента[2]) и одновременно рассказывать, что хочет. Хочет рассказывать „Портрет Дориана Грея“. Очень долго не может начать. „Это бесконечность, как я буду зачеркивать... Ни слова, ни точки, ничего, как же это можно. Мне очень не нравится, что тут нет точек, все сплошное. *Вот так впотьмах брести я не могу.* (Сознательный тип). Пусть хоть были бы точки... Тогда, если „а“ зачеркнуть, а потом рассказывать... или сперва рассказывать... а то ведь я натворю. Никакого конца нет в этом слове... Я на „а“ смотрю, а сама впоминаю. Если слежу за „а“, то забываю там, если вспоминаю, то ускользает“ и т. д.

---

[1]) Вопросу о типах и психологической классификации личности (в частности анализу психики примитива) мы посвящаем особую работу, индивидуальные психологические иллюстрации для которой набираются в кабинете по изучению личности правонарушителя.

Одна из таких психологических монографий (аффективно-абстрактного типа) напечатана нами в журнале „Право и Жизнь“, январь 1924 г. „Случай матереубийства четырнадцатилетней девочкой“.

[2]) Листок в 20 строк с буквами в таком порядке: „нос м калв“ и т. д.

Облегчаю задачу: прошу подчеркивать букву „а“ и одновременно рассказать *виденную картинку*. С задачей не справляется.—„Трудно, А Е.! очень трудно!“[1]).

Этот эксперимент очень наглядно показывает особенную способность данной личности к чрезвычайно узкому выбору впечатлений, к предпочтению одного впечатления другому. Надо прибавить, что в случае, нами разбираемом, предпочтение это зависит от двух других очень важных психологических моментов: *эмоционального* значения впечатлений и *родства* впечатлений, вступающих в психику с другими, которые в ней уже имеются в данное время.

Со стороны эмоциональной данная личность характеризуется как бы *двумя периодами жизни. Один*—это *период сознательний, интеллектуальной жизни по преимуществу*, где подавляются все эмоции, все желания направлены на достижение об'ективного знания. *Другой* период, наступивший после знакомства с мужем, после связи с ним: *сознательные цели переставляются*. Женщина, считавшая конечной целью своей жизни *науку*,—делает своей целью мужа, которого она хочет вести путем науки. Сперва он, потом она. *Она, повидимому, начинает с каких-то материнских чувств к нему и делается его воспитательницей:* учит его, готовит с ним уроки по математике, например. Ее брак есть своеобразный mésalliance. Подбор книг их библиотечки (преимущественно учебных) характеризуется отступающим от общего их типа дополнением, несколькими экземплярами бульварной литературы:—его вкус.

Особенно интересна для характеристики контраста их вкусов коллекция открытых писем. Решительно все, которые, по выполнению или по замыслу могут быть отмечены, как художественные, подобраны ею; и все аляповатые, с золотыми наклейками, или просто с пошловатым содержанием—его. Здесь сказалась издавняя направленность ее эстетической эмоции на художественные моменты искусства, первоначально, в деревне находившие исход в страстном собирании картин от конфет, за которые брат давал смотреть букварь.

---

[1]) Узость сознания данной личности, ее неспособность к распределенному вниманию доказывается и другими экспериментами.

Со свойственной ей *цельностью* личности и способностью *сознательно* преследовать и достигать только *одну* цель, она и мужа *любит, точно дело делает.*

Эмоциональность вообще свойственна ее натуре, но только она, видимо, всегда подавлялась ради *господства сознания интеллекта.* Такой вывод напрашивается и совершенно об'ективно и она сама его подмечает: „за жизнь со своим мужем я жила чувством, а до встречи с ним я жила сознанием, а потом я жила чувством. Рассудок говорил: „нужно кончить образование", и все-таки чувство победило. За это меня родные и знакомые бранили, бранят и теперь, что именно чувство и победило меня. Сознательная жизнь как бы вытеснилась: уступила место другому. Часто были рассудок с сердцем не в ладу, я сама чувствовала это. Пока с ним не жила половой жизнью, рассудок еще был господином. Могла бы его оставить"...

Целый ряд ответов на вопросы абстрактного мышления говорит о прямой страстности ее натуры. Например, на вопрос: „чем похожи страсть и болезнь"?—Ответ: „Болезнь (пауза)... не дает о себе забыть, каждую минуту напоминает... и страсть, порою, дает себя также чувствовать"...

Если мы примем во внимание определенную *страстность* этой натуры, то поймем, что, несмотря на доминирующую сознательность ее психики, она способна *на страстные увлечения,* которые могут итти *в разрез с ее собственной волей:* она способна на моменты, близкие к безумию, поскольку страсть есть *временное безумие в нормальном.*

На вопрос: „чем похожи голод и половое чувство"? в начале был ответ: „Я не знаю общие черты голода и полового чувства". Потом через личные переживания, после интимного вопроса: могла ли бы она теперь жить со своим (изувеченным) мужем и довольствоваться этой жизнью?— Искренний ответ: „Если дам обет, то проживу, а если нет..." И тут же быстрый ответ на первый вопрос о сходстве между голодом и половым чувством: „сходство есть". *Ответ дан из личного переживания.* Этот элемент страстности ее натуры, конечно, *всегда контролировался сознанием при*

гармонической устойчивости ее психики: так, живя в квартире мужа, она не отдавалась ему больше года до брака.

Но чуть эта гармоническая устойчивость лишилась своего равновесия (причин для этого было больше, чем достаточно: ревность, поруганные идеалы, жестокая физическая болезнь, *неизжитое материнство*), то все самообладание было нарушено и старое зерно страсти, заглушаемое ясным сознанием, попадает теперь на благоприятную почву, развивается и растет. Сначала наступает, как при всех инфекционных заболеваниях, период инкубации: новая идея появляется сначала смутно в ослабленном сознании, затем как будто бы исчезает на несколько дней, давая психике возможность восстановить нарушенное равновесие. Но в это время совершается подпольная работа и становится настолько сильной, что вызывает ряд движений, происхождение которых неизвестно *личному сознанию*.И как велико должно быть ослабление личности в тех случаях, когда она чувствует, что отщепившаяся и вышедшая из повиновения часть психики *совершает действия против ее воли.*

Любовь, вот что оправдывалось сознанием, *ревность,* переходящая в ненависть, вот что *непонятно* для *сознательной* части ее личности. Что это здесь основной пункт нарастающей драмы ясно из того, что именно вопрос: „чем *непохожи ревность и любовь?*“, после об'ективного рассуждения, впервые после преступления, приводит ее к облегчающей исчерпывающей исповеди, которая длится непрерывно *пять часов,* и после которой наступает успокоение, радость и даже физическое улучшение самочувствия[1]). Доминирующий тон этой натуры *целомуренность и стыдливость*; вот почему все относящееся к роковой теме, получает комплексный характер и загоняется внутрь; вот почему при подходе к этой теме появляются слезы и наступает молчание.

Итак: „Чем непохожи ревность и любовь?“ Пауза... „Здесь большая разница“, впервые улыбка. Пауза. „Любовь

[1]) Рассказывает: когда вернулась в тюремную палату после этой беседы, впервые *села* на постели и была так радостна, что окружающие спрашивали: не отпускают ли ее на свободу.

все прощает (пауза)... и верит“ (пауза)... „глубоко“ (пауза)... „ревность не прощает“ (пауза)... „пусть будет все“...

На наводящий вопрос: „как может сочетаться ревность и любовь в одном лице?“—Очень тонкий, вымученный ответ: „когда любовь преобладает, то есть перевес на стороне любви (пауза)... тогда ради любви ревность молчит (пауза)... а, когда чувство любви, в силу каких-либо условий, или же под давлением (пауза)... других что ли чувств—*я немножко здесь не понимаю*... на сцену появляется ревность. Под давлением какого-либо чувства... *любоеь притупляется* может быть временно (пауза)... Ведь можно (пауза)... ревновать и в то же время любить, *здесь только перевес взяло* не чувство любви, а чувство ревности“...

„Я буду говорить о себе. Почему-то думаю, что, как женщина, Вы поймете: я этого чувства не знала и узнала его только... Единственное было время, это была одна ночь, эта роковая ночь, в которую случился несчастный случай. Вот в эту роковую ночь мой муж очень много рассказывал мне про себя, как он жил без меня (она была в деревне). Много говорил со мной об этой женщине (с которой он ей изменил). Было невыносимо, *это было первый раз*“.

Дальше следует то, что известно из анамнеза [1]). Со стороны *психологической* здесь надо отметить *эмоциональное* значение впечатлений. Ощущения или представления, сильно окрашенные чувством удовольствия или неудовольствия, скорее и полнее проникают личность, сильнее проявляются в ней, чем безразличные или просто об‘ективные. Из всех впечатлений *сильнее* других действуют на личность именно те, которые наиболее *важны* для нее самой, для ее блага или вреда. То, что наполняет данную личность, в данный период,—относится к области чисто женских эмоций: ее *любовь* к мужу, *ревность* к нему, *ненависть* за то, что *все дорогое погибло* (надо помнить, как много принесла она в жертву любви, именно: свою об‘ективно-прекрасную, интеллектуальную цель жизни) , и, наконец, что в данный момент мы особенно здесь подчеркиваем, *неизжитое материнство*.

[1]) См. примечание на стр. 1-й.

Весь склад данной личности, хотя волевой и сознательный, все-таки говорит об ее очень большой женственности, об ее очень тонкой целомудренности. „Я очень дорожила своей девственностью и, прямо скажу, гордилась ею. *Уступила и отдалась, чтобы не вызывать болезненных припадков. Но этот первый раз физического наслаждения не дал*". *Стало быть и первый половой опыт, имеющий очень большое значение для личности женщины, полного удовлетворения не вызвал.*

Женщины ее типа любят детей и предназначены быть матерью. У нее детей не было. „Я люблю детей. Я не знаю, за что я их люблю; мне кажется детей все любят. Хотела бы иметь ребенка, как у сестры, мальчика".

И вот в момент, когда этой женщине кажется все конченным: „все дорогое погибло",—она начинает думать о самоубийстве. Вот выписки из ее дневника (до преступления).

„22 сентября 1923 г. Тоска, как сильными тисками, давит грудь и каждый приступ все чувствительнее и чувствительнее. *Я уже не плачу теперь. Слез как будто нет: иссякли,* (курсив везде наш), но зато появился легкий кашель и острая, жгучая зудь в определенном месте, которая временами доводит меня до изнеможения, отчего еще больше увеличивается боль. Не знаю, долго ли это продлится и в какую эту форму выльется,—хотя у меня уже есть, намечена форма, но боюсь, как бы не отступила от нее".

И далее: „*Утро было мучительнее,* не говоря уже о второй половине ночи; день тоже не легче, а вот и вечер наступает, но он еще ужаснее, *муж ушел куда-то.* Сижу одна, думы мрачные, тяжелые, одна за другой, так и вьются, так и проносятся картины одна *одной мрачнее.* Думы мучительные, картины печальные, тоска давящая. Сливаясь все это в одно целое, доводит меня до того, что я быстро закуриваю и начинаю ходить по комнате, ища глазами *какое-нибудь оружие, чтобы умертвить себя, чтобы только не чувствовать адской тоски*"... (может быть уже в такие моменты взор *бессознательно* наталкивался на роковой *нож*, недавно купленный, и, как на беду, остро преостро отточенный ее мужем. Сама говорила: „Господи, ведь надо же было так

отточить: если бы нож не был так остро отточен, я бы только поранила, и очнулась бы, если бы нож оказал сопротивление").

Во время таких мучительных, все нарастающих переживаний страдающая женщина, решившаяся на самоубийство, неожиданно для самой себя, отправляется к другой женщине: *матери ребенка ее мужа.* Правда, муж всегда отрицал, что этот ребенок его; утверждал, что женщина эта ему изменила, а ребенок совсем не похож на него.

Пошла с тайною мыслью посмотреть на этого ребенка и найти в нем *несходство* с мужем. Очень тонко сама передает оттенки своего визита (стыдливо добавляя: „вам, как женщине, я расскажу"). И рассказывает про недоверчивость матери ребенка: боязнь как бы посетительница не нанесла ему вреда. И *сама* же оставляет их, несмотря на то, что очень хочет побыть вблизи этого ребенка (мальчика двух лет), несмотря на то, что ее впервые здесь охватило трогательное чувство материнского умиления; ей хотелось ласкать этого ребенка, не уходить от него. А вызвало это материнское чувство обстоятельство, которое мы считаем *решающим в данном преступлении*, но которому она сама не придает значения, кроме чисто эмоционального (на эту тему говорили только раз). Ребенок, вопреки ее ожиданиям, *оказался похож на ее мужа*; и когда она в целях защитной реакции, глядя на него, сказала: „А ведь ребенок-то не похож на Т. П."— мать ребенка резко опровергла: как не похож! Смотрите, видите у него есть три родинки: одна вот на шее, другая на плече... а третья... мне стыдно Вам сказать... „Подсказываю: *„на члене"*.—Чуть слышно: „Да". И когда они тормошили, разглядывая защищавшегося мальчика, в ней проснулась теплая нежность материнского чувства к ребенку, который мог бы быть ее, но который не был ее ребенком.

Роковая ночь уже описана в анамнезе. *Прибавим лишь подробности.* Всю ночь неотступно стоял перед нею образ ребенка; она заглушала его в себе; она боялась вызвать нежеланную реакцию со стороны мужа, но ей хотелось сказать ему в то время, как она против желания отдавалась ему: „а ведь ребенок-то похож".

Муж спал всегда без рубашки („так любил он и я“— чувственный момент), и вот во время страданий и боли она бросает взгляд на него, лежащего растерзанным. Взгляд, прежде всего, ловит то впечатление, которое было решительно доминирующим последние часы. Взгляд на нож, лежащий тут же на ночном столе, совсем у того места, к которому она сползла, ловит впечатление, тоже знакомое до странности (ведь она искала оружия раньше, для самоубийства), столь знакомое, что она дажа не успевает дать себе отчета в том, на что решается. Одна мысль заполнила ее *сузившееся сознание*: *„все святое поругано и вот причина всего“. (Зрительная реакция примитивной конкретной психики). Узость сознания, эмоциональный* тон воспринятых впечатлений и, наконец, *родство* вступающих в психику впечатлений с другими, которые уж имеются в данное время,—вот что определяет установку внимания, вот что наталкивает на выбор такого впечатления, которое наиболее интимно, наиболее больно сливается в данный момент с самым сокровенным течением мыслей. То впечатление, которое раньше наиболее резко достигло до сознания, в данный момент суженное для восприятия контролирующих впечатлений, именно это впечатление прокладывает дорогу, похожим или дополняющим его содержание, оно подготовляет момент решительного действия. Такая суженная способность выбора сознания очень ясна при так называемых *„загадочных картинках“*. Сначала нельзя отыскать имеющуюся в них замаскированную фигуру, но, если удалось схватить эту фигуру первый раз, то невозможно уже не видеть ее, потому что приступаешь к картинке всегда с представлением этой фигуры.

Что психологически дело обстояло здесь именно так, об этом говорит указанная выше комплексная насыщенность, заторможенность ассоциаций нашей испытуемой. Комплексы способны существовать самостоятельно и, отколовшись от сознательного контроля личности, действовать автоматически. „Я очнулась, когда уже совершила операцию и у меня в руках нож и отрезанный член“.

Болезненное яркое выступление на первый план сознания определенных впечатлений, при их эмоциональной одно-

родности, *не может длиться долго при динамичности психических процессов*. Оно скоро теряет свою силу. На первое место выступают другие впечатления, вытесняя кошмарное сочетание впечатлений, вовлекших только что в роковую операцию. На место ревности женщины и матери выступает любовь и страх за жизнь любимого. Решительный момент может быть уяснен приводимыми нами выше ее же определениями, которые и дали нам возможность войти в интимное течение ее переживаний: „когда любовь преобладает, то есть перевес на стороне любви, тогда ради любви ревность молчит, а когда чувство любви, в силу каких-либо условий, или же под давлением других чувств (здесь женщины и матери) *притупляется, может быть, временно*... перевес взяло не чувство любви, а чувство ревности. Я этого чувства не знала и узнала его только... в ту роковую ночь, в которую случился несчастный случай".

Ан. Петрова.

Рецидивисты.

(Повторно-обвиняемые).

Повторные преступления послужили тем базисом, на основе которого в уголовном праве развивалось учение о так называемом рецидиве. Такое учение, имеющее своим отправным пунктом лишь факт повторности совершения преступного деяния, является формальным или строго юридическим. Оно совершенно игнорирует, с одной стороны, личность преступника, с другой—и явления, обусловливавшие его конфликт с социальным порядком.

Количественные величины повторных преступлений представлялись сторонникам классической школы уголовного права лучшей аргументацией для признания в данной личности *„особо упорной злой воли“*. Вследствие такого признания, как известно, были построены для борьбы с лицами, совершившими повторные преступления, самые разнообразные лестницы наказаний с многочисленными ступенями. В некоторых уголовных кодексах степень наказания повышалась прямо пропорционально увеличению числа приговоров.

Оставляя теоретические построения учения о рецидиве в стороне, остановим наше внимание на распространенности повторных преступлений в России до революции. В дореволюционное время наша уголовная статистика отмечала повторение только тех же или однородных преступлений (ст. 131 Улож. и ст. 14 Устава о наказан.), то-есть специальный рецидив, а не общий. На протяжении всего периода времени, начиная с 1906 по 1913 г., процент рецидивистов обнаруживает стремление к повышению, при том относительное повышение числа рецидивистов наблюдается как по общим судебным установлениям, так и по местным.

Годы.	Из каждых 100 осужденных общими судебными установлениями было рецидивистов:	Из каждых 100 осужденных, караемых тюремным заключением в мировых судебных установлениях, было рецидивистов:
1906	17,0%	16,5%
1907	17,2%	15,8%
1908	18,3%	15,0%
1909	19,3%	13,4%
1910	21,4%	15,0%
1911	21,9%	18,8%
1912	23,0%	19,9%
1913	22,5%	18,8%

В приведенных данных рельефно выступает повышение повторных преступлений за последние 8 лет перед войной и в особенности в 1912 году. При этом в общих судебных установлениях в колебаниях уровня рецидива по годам наблюдается некоторая цикличность, то-есть более сильное повышение происходит через каждые два года. В мировых судах повышение повторных преступлений особенно заметно в 1911—1913 г. г., в 1909 году процент рецидивистов опускается даже ниже среднего за 8 лет.

В данных мировых судов обращает внимание относительно меньшее количество рецидивистов по сравнению с общими судебными установлениями. Представляют интерес и абсолютные числа рецидивистов в общих и мировых судах, так как десятки тысяч осужденых около 20 и более лет тому назад продолжают совершать преступления и в наше время.

Так среди исследованных нами повторно-обвиняемых встречаются лица, которые начали совершать преступления еще в 1893 году и совершают до сих пор. Они между прочим являют собой неопровержимое свидетельство развращающего влияния мест лишения свободы.

Абсолютные числа рецидивистов в дореволюционное время составляют значительные величины. В период за пять лет с 1909—1913 г. в общих судах было рецидивистов 96.805 лиц обоего пола, в мировых—74.348.

В первых было мужчин—90.481, а женщин—6.324, а в мировых мужчин—63.370, а женщин—10.978. Всего же мужчин и женщин вместе в общих и местных судебных установлениях было 171.353, другими словами, количество лиц,

равное населению двух больших губернских городов Центральной России.

Уровень повторных преступлений в Московской губернии в отношении всех преступлений, совершенных в пределах ее, не был одинаков из года в год. Сравнительно с другими местностями Москва по рецидиву занимала или третье-четвертое место или первое. Развитие рецидива до войны в Московской губ. представляется в следующем виде:

Годы	1908	1909	1910	1911	1912	1913
В отношен. всех преступ. %%	35,9	38,9	47,0	44,6	51,2	48,9

По порядку уменьшения рецидива знимали места губ.:

1908 г.	1909 г.	1910 г.	1911 г.	1912 и 1913 г.
1. Ленинградская 49,7%	1. Якутская 43,7%	1. Ленинградская	1. Владимирская 48,6%	Москва занимала перв. место.
2. Ярославская 37,9%	2. Ленинградская 42,5%	2. Якутская	2. Ярославская 46,8%	
3. Читинская 36,4%	3. Ревельская 34,5%	3. Московская	3. Ленин градская 46,0%	
4. Благовещенск. 36,1%	4. Московская		4. Московская	
5. Москов.				

Переходя к исследованию повторных преступлений среди населения арестных домов Москвы, мы должны несколько оговориться по поводу того, кого мы из обследуемых отнесли в группу повторно-обвиняемых. В виду того, что повторное преступление нас интересует преимущественно с точки зрения бытовой, социологической, но не с формальной юридической, то в названную группу нами отнесены все те случаи, в которых Судом или Комиссией по делам несовершеннолетних установлен в прошлом факт совершения данным лицом какого-либо преступления или правонарушения, понятие „повторное преступление“ в нашем исследовании является более широким, чем догмататическое или законо-

дательное определение понятия рецидива, ограниченного такими признаками, как давность после отбытия наказания за предшествующее преступление, совершение нового преступления до или после отбытия наказания, вынесения приговора, виды наказаний и др. Все эти признаки для употребляемого нами понятия „повторное преступление“ не имеют никакого значения.

Чтобы судить насколько сильно развиты повторные преступления среди лиц, попадающих в арестные дома, можно видеть из следующих данных: из общего числа 1873 лиц обоего пола, подвергнутых обследованию, повторно-обвиняемых было 622 или 33,2%. Разница между нашими сведениями о повторных преступлениях и статистическими данными Московскковского Окружного Суда до военного времени заключается в том, что процент повторных преступлений в Московском Окружном Суде дореволюционного периода вычислялся в отношении общего числа только осужденных, мы же процент вычисляли в отношении общего числа задержанных, среди которых не малый % было задержанных по подозрению. Что касается распределения по полу, то из общего числа 1414 лиц мужского пола мужчин с прежней осужденностью было 475 или 33,5%; из общего числа женщин 458—было 140 или 31,8%. Другими словами, повторные преступления как мужчин, так и женщин среди лиц соответствующих полов развиты в одинаковой степени. Все это дает основание полагать, что и причины, порождающие повторные преступления у мужчин и женщин, не отличаются глубокой разницей.

Для того, чтобы этиология повторных преступлений представлялась значительно исчерпывающей и обоснованной, мы известную долю внимания уделим первичным преступлениям. Мы считаем, что наиболее глубокие причины повторных преступлений кроются, как в явлениях, обусловивших первое преступление, так и в последствиях, связанных с ним.

Не лишено интереса сравнение чисел отдельных видов повторных преступлений относительно всех преступлений данного вида. В 1922 году по г. Москве из каждых 100 лиц

соответствующего пола, привлеченных за данный вид преступления, было повторно-обвиняемых:

	Мужчин	Женщин
Кражи	41,3%	48,7%
Разбой грабежи (бандит.)	34,0%	23,5%
Убийство	25,9%	9,0%
Самогонщики	18,3%	26,6%
Мошенничество	36,1%	0,0%
Фальшивомонетчики . .	10,3%	0,0%
Прочие	16,1%	31,0%

Таким образом наибольшее число привлеченных за повторные преступления наблюдается среди лиц, совершающих воровство. При этом процент повторно-обвиняемых женщин, привлеченных за кражи, является более высоким, чем у мужчин. После воров значительный процент дают мошенники, менее—бандиты. Совсем иное распределение по повторности преступлений представляется у женщин. После женщин воровок, имевших наибольшее число прежних приговоров, идут самогонщицы. Приведенная таблица позволяет также сделать заключение и о том, что в Москве преступления совершаются в большинстве лицами, ранее не судившимися, так как так называемые рецидивисты составляют 1/3 часть всего населения арестных домов гор. Москвы.

Что же касается распространенности тех или других видов преступлений среди повторно обвиняемых, то это представлено в следующей табличке. Из каждых ста ранее осужденных было привлечено за

	Мужчин	Женщин
Кражи	67,8%	40,8%
Разбой, грабежи(бандит.)	11,7%	2,7%
Убийство	1,4%	0,7%
Самогонщину.	9,0%	51,7%
Мошенничество	6,3%	0,7%
Подделку денег . . .	0,6%	0,0%
Прочие	3,2%	3,4%
	100,0%	100,0%

Среди повторно-обвиняемых мужчин преимущественно развиты кражи—67,8%, затем значительно менее грабеж или бандитизм—11,7%, и еще менее нарушение правил о спиртных напитках (самогонка)—9,0%. Этими тремя видами, можно сказать, и исчерпывается преступность лиц мужского пола, именуемых, согласно ст. 184 Угол. Кодекса, „рецедивистами".

Из преступлений, развитых среди повторно-обвиняемых женщин, наиболее часты нарушения правил об употреблении, хранении и сбыте спиртных напитков (так называемая самогонка). Из каждых ста повторно-обвиняемых женщин—самогонщиц было 51-52 человека; после самогонщиц следуют воровки. Что же касается разбоев и грабежей (бандитизм), то их всего 2-3 женщины на каждые сто, имевших прежние приговоры.

Остальные виды преступлений среди женщин, так. наз. „рецидивисток", развиты очень мало и встречаются как единичные случаи.

Таким образом из всех преступлений среди лиц, имевших в прошлом приговоры, чаще всего встречаются—у мужчин кражи, а у женщин самогонка и кражи.

Одной из наиболее характерных особенностей повторно-обвиняемых является то, что большинство из них начало совершать первые преступления в *раннем возрасте*. Многие из них вступают в конфликты с уголовными законами еще в возрасте, когда достаточное понимание этих законов является им не под силу. Поэтому и совершение ими проступка в раннем возрасте характеризуется непродуманностью могущих возникнуть отсюда последствий. При неоднократных беседах с лицами, совершающими повторные преступления, всегда приходится слышать, что большинство из них начали совершать первые преступления в раннем возрасте (шалости, баловство, глупости). Насколько ранним было вступление на путь преступления лиц повторно-обвиняемых может быть иллюстрировано статистическими данными. Так, из каждых ста мужчин с прежней судимостью, находящихся

в момент обследования в арестных домах гор. Москвы, совершили преступления в возрасте:

До 13 л.	14—15 л.	16—17 л.	18—19 л.	20—21 г.	22—25 л.	26—30 л.	31 год и выше.	ИТОГО.
5,6%	9,4%	18,0%	14,1%	12,6%	17,3%	10,8%	12,2%	100,0%

Статистические данные приведенной таблицы служат подтверждением того, что среди так называемых „рецидивистов“ преобладают (33%) лица, совершившие первые преступления еще в период малолетства и несовершеннолетия, то-есть до 18 лет. Значительно менее (26,7%) среди повторно-обвиняемых совершивших преступление в период ранней молодости, то-есть 18—21 лет, в период же совершеннолетия от 22—25 лет первичная преступность падает до 17,3%, а в годы полной зрелости, то-есть от 26—30 лет преступность выражается 10% и немного более в период от 31 года и старше. Нам могут возразить, что незначительный процент первичных преступлений у лиц в возрасте от 20 лет об'ясняется пребыванием громадного числа их в этом возрасте на военной службе, но такое возражение парализуется сравнением возраста первого преступления и последнего.

Из исследуемых категорий повторно-обвиняемых, чаще всего совершают первые преступления в период несовершеннолетия—воры и бандиты. Об убийцах мы не можем говорить вследствие их незначительного числа. Совсем иначе обстоит дело с первичными преступлениями у самогонщиков. Из них около 40% первое преступление совершили в возрасте от 31 года и выше, в младшем же возрасте, напр., до 18 лет—15% /о

Высказанные положения подтверждаются и статистическими данными. Из числа мужчин, привлекавшихся за отдельные преступления, первое преступление совершили:

Название преступлений.	До 13 л.	14—15 л.	16—17 л.	18—19 л.	20—21 г.	22—25 л	26—30 л	31 и выше.
Кражи	21	30	59	42	39	51	24	22
Бандитизм	2	5	8	9	5	8	8	5
Самогонщики . .	—	2	1	3	3	7	7	16
Мошенничество .	—	1	3	6	4	7	2	5

Что же касается видов первичных преступлений, то у громадного большинства повторно-обвиняемых они были в виде мелких краж.

Мы полагаем, что повторные преступления не могут быть вне связи с первыми, так как явления, обусловившие первичное преступление, с отбытием наказания не исчезают, а нередко даже еще приобретают большую остроту. Поэтому, чтобы раскрыть причины повторных преступлений, обратимся к условиям, при которых совершались первые преступления. В приводимых выше таблицах мы уже отметили, что большинство повторно-обвиняемых совершили первое преступление в период малолетства и несовершеннолетия. Но, не считая возраст сам по себе фактором преступности, мы все же не отрицаем того, что одни и те же социальные условия не одинаково влияют на лиц различных возрастов. Интенсивность развития преступлений среди той или иной возрастной группы зависит не от возраста, как биологической особенности, *а прежде всего от тех условий социальной среды,* в которой живет человек. Каковы же были условия эпохи, в которую происходила борьба за существование тогда еще юнцов 16—17 лет, а теперь имеющих уже 4—7, 8 и более судебных приговоров. Их первые преступления в раннем возраете свидетельствуют, что они не выдержали борьбу за существование в рамках, предусмотренных уголовным законом. Большинство обследованных повторно-обвиняемых в настоящее время находится в возрасте от 20—24 лет. Другими словами, это лица того возрастного периода, на которых особенно неблагоприятно отразились начинания с 1914 года (война и все ее спутники).

Для того, чтобы легче представить социальные условия, под влиянием которых большинство из них начало свою преступную деятельность, выясним возраст первого преступления и возраст последнего. Распределение повторно-обвиняемых по возрасту первого и возрасту последнего преступления может быть представлено в следующем виде:

(см. прилаг. таблицу).

Таким образом, как мы и указывали, главный контингент (27,6%) исследуемых нами повторно-обвиняемых составляют лица в возрасте от 20—24 лет. При распределении же упомянутых лиц по возрасту совершения первого преступления оказывается, что 30,5 из них совершили его в возрасте до 18 лет и 54,2 в возрасте от 18 до 21 года. Если мы теперь преследим, какие события совершались в стране, и в частности в Москве, в этот период их жизни, то мы увидим (отбросив для каждого настоящего возраста, начиная от 20 до 24 лет, по три—четыре года), что все они жили в эпоху, когда население несло тяжелые и непосильные жертвы богу войны.

В каком году совершено первое преступление повторно-обвиняемыми ворами и бандитами.

	Воры.	Бандиты.		Воры.	Бандиты.
до 1900 г. .	6	—	1917 г. . .	13	3
с 1901—04 г.	10	—	1918 г. . .	19	2
1905 г. . .	4	—	1919 г. . .	27	5
1906—07 г. .	12	—	1920 г. . .	36	18
1908—09 г. .	8	—	1921 г. . .	47	9
1910—911 г.	16	—	1922 г. . .	47	6
1912—13 г. .	16	5	1923 г. . .	5	2
1914—1916 г.	26	2			

Если же взять из группы лиц до 24 лет, совершивших первое преступление до 18 лет, то несомненно, что эти преступления явились следствием понижения в их эпоху образования, нарушения правильного воспитания и присмотра за детьми, когда у оставшихся матерей едва хватало сил на добычу средств для удовлетворения потребности желудка, а не духовных запросов. Им пришлось, по случаю призыва отцов в войска, пережить распад естественной семьи. Кро-

Возраст первого преступления.

Возрает последнего преступления в 1923 г. при обследовании.		до 13 лет.	14—15.	16—17.	18—19.	20—21.	22—25.	26—30.	31 и выше.		до 13 лет.	14—15.	16—17.	18—19.	20—21.	22—25.	26—30.	31 и выше.	с/о%
14—15		1	—	—	—	—	—	—	—	1	100,0	—	—	—	—	—	—	—	100
16—17		5	7	8	—	—	—	—	—	20	25,0	35,0	40,0	—	—	—	—	—	100
18—19		5	9	27	8	—	—	—	—	49	10,2	18,4	55,1	16,3	—	—	—	—	100
20—24		6	8	22	31	33	18	—	—	118	5,1	6,8	18,6	26,3	27,9	15,3	—	—	100
25—29		6	9	6	8	7	32	19	—	87	6,9	10,4	6,9	9.2	8,0	36,8	21,8	—	100
30—39		—	6	13	12	9	20	21	28	109	—	5,5	12,0	11,0	8,3	18,3	19,3	25,6	100
40—49		1	—	1	1	4	3	5	14	29	3,4	—	3,4	3,4	14,0	10,3	17,2	48,3	100
50—59		—	—	—	—	1	1	1	8	11	—	—	—	—	9,1	9,1	9,1	72,7	100
60 и выше . . .		—	1	—	—	—	—	—	2	3	—	33,3	—	—	—	—	—	66,7	100
Итого . .		24	40	77	60	54	74	46	52	427	5,6	9,4	18,0	14,1	12,6	17,3	10,8	12,2	100

вавые события войны и революции окончательно выбивают их из домашних очагов и они, не получив достаточного воспитания в смысле усвоения моральных представлений, силой событий выталкиваются в ряды лиц, не уживающихся с нормой закона. Но поскольку для одних из них перед совершением преступления решающее значение имели военные и другие события, постольку для других сильное значение имели голодные 1920—1921 годы, заставившие путем всякого рода похищений спасти себя от верной гибели.

Выпадение наибольшего числа преступлений на годы, начиная с 1914 по 1922 г. наблюдается и по остальным возрастным периодам.

Все это позволяет сделать заключение, что первые преступления у громадного большинства так называем. „рецидивистов“ совершались под влиянием внешних событий, значительно изменивших их социальное положение.

Связь между первым и повторным преступлением у многих рецидивистов обуславливается и ранним пребыванием их в тюрьме, где им прививаются традиции и обычаи самого отрицательного свойства. И то, что повторные преступления у большинства „рецидивистов“ развиваются под влиянием тюремной обстановки для нас является несомненным. Если тюрьма не расшатывает у некоторых (хотя это бывает очень редко) окончательно нравственных или моральных принципов, то она для тысяч лиц создает невозможные условия существования по выходе из нее. Пребывающие в местах лишения свободы является как бы отверженными обществом, они не могут найти ни работы, ни приюта и лишенные всяких средств существования, они не находят другого выхода кроме совершения преступления. На ряду с этим нельзя не отметить также происходящего быстрым темпом, под влиянием таких социальных условий, социального деградирования личности. Так, например, те же 20—24 летние, совершившие впервые преступления в возрасте 16—18 лет, к 20—24 годам успевали побывать неоднократно в тюрьмах и превышать по количеству приговоров остальные возрастные периоды. Подтверждение этого можно видеть в приводимой табличке:

Возраст последнего	КОЛИЧЕСТВО. Один приговор.	2—3 приг.	4—7 приг.	8 и более.
14—15	—	1	—	—
16—17	12	6	2	—
18—19	31	12	4	2
20—24	67	37	11	3
25—29	46	23	12	6
30—39	57	25	22	5
40—49	14	9	4	2
50—59	9	1	1	—
60 и выше	—	1	1	—
Не известн.	—	1	—	—
Итого. .	246	116	57	18

Таким образом количественные величины повторных преступлений неодинаковы по возрастам. Из общего числа мужчин более всего составляют лица с одним приговором и менее лица с 8-ю и более приговорами.

Характерным признаком распределения по числу приговоров является то, что поскольку из числа лиц, имеющих по одному приговору, более всего встречается лиц в возрасте от 20—24 лет, постольку числа 4—7—8 и более приговоров преобладают среди лиц в возрасте от 25—29 лет и от 30—39 лет. Об'ясняется это безусловно более продолжительною жизнью лиц старшего возраста.

В связи с количеством приговоров нельзя не отметить, что наибольшее количество приговоров 4—7 и, в особенности, 8 и более приговоров наблюдается у тех, кто начал совершать преступления в период малолетства (т. е. до 14 лет) и в период несовершеннолетия, т. е. от 14— 17 лет. Из лиц, имевших 8 и более приговоров, почти 40% совершили первое преступление в возрасте до 14, лет и 44% совершили первое преступление в возрасте от 14—17 лет.

Наглядную картину пагубности для человека преступления в раннем возрасте и связанного с ним пагубного значения

карательной политики, допускающей заключение несовершеннолетних в тюрьмы, представляет распределение лиц по возрасту совершения первого преступления и по количеству приговоров к моменту обследования.

Возраст	По 1 преступлен.	2—3 прест.	4—7 прест.	8 и более.
до 13 лет.	4	5	8	7
14—15	13	12	11	4
16—17	41	21	11	4
18—19	29	21	10	1
20 - 21	35	15	3	1
22—25	44	22	7	1
26—30	36	6	4	—
31 и выше.	34	15	3	—

Такая тесная связь между первым преступлением в раннем возрасте и последующим увеличением количества приговоров помимо приводимых статистических данных, подтверждается результатами исследования „рецидивистов", проходящих через *„кабинет по изучению личности преступника"* (см. ниже).

Итак, можно считать установленным, что подавляющее большинство лиц повторно-обвиняемых начали совершать первые преступления в раннем, т. е. в несовершеннолетнем и отроческом возрасте, совпавшем с военным и революционным периодами.

Происходящие внутри страны события в форме ли тяжелых экономических или других кризисов всего народного хозяйства, или кризиса господствовавшей идеологии населения особенно пагубно переносятся теми членами общества, которые в период или после событий оказываются недостаточно мощными экономически и морально. В результате действия таких явлений многие члены общества невольно переходят на положение вытолкнутых из производственного процесса страны. Недостаточно мощными экономически являются: рабочие, крестьяне, чернорабочие и т. п., и поэтому среди этих групп населения и находит благоприятную почву преступность в широком смысле слова. Правда, нельзя отрицать и того, что вредное

влияние социальных явлений (напр., дурное воспитание и экономические кризисы, нарушение производства собственника) может отражаться и на представителях торгово-промышленных и интеллигентных кругов, но в меньшей мере.

События, вызывающие потрясения в общественной жизни, могут и не действовать непосредственно на данного члена общества (напр., в смысле ухудшения его экономического положения), но для того, чтобы вызвать в дальнейшем со стороны данного суб'екта, например, реакцию в виде конфликта, необходимо, чтобы явлению раздражителю сопутствовали такие явления, как неблагополучная семейная обстановка, дурное воспитание, пониженное образование, дурные жилищные условия, товарищи, заброшенность в детстве и т. д. В подтверждение высказанного приведем целый ряд моментов, характеризующих ту неблагоприятную социальную обстановку, в условиях которой вступили на путь преступлений „так называемые рецидивисты".

Прежде всего посмотрим из каких семейств являются выходцами повторно-обвиняемые.

Распределение их по социальному положению их семьи представляется в следующем виде:

Из каждых ста повторно-обвиняемых было происходивших из семейств:

	Мужчин [1])	Женщин [1])	Всего
Рабочих	154	40	194—31,9
Крестьян	192	73	265—43,2
Торгово-промышлен .	70	13	83
Интеллигентных . . .	38	12	50
Прочих	14	3	17
	468—100	141—100	609

Наибольший процент повторных преступлений при их сравнении наблюдается у лиц, вышедших из крестьянских семейств. Такое горькое первенство в преступности остается для крестьян по происхождению и при рассмотрении преступности мужчин и женщин в отдельности. Приведенная табличка приводит нас к выводу, что если социальный строй для

[1]) Неизвестных 7 мужчин и 6 женщин не приняты в подсчет.

рожденных в зажиточных семьях обеспечивает не только занятие высокого положения в обществе и пользование всевозможными завоеваниями культуры и в громадном большинстве случаев гарантирует не попасть в разряд лиц, так называемых „преступников-рецидивистов". У рожденных в крестьянских и рабочих семьях, помимо всяких экономических трудностей, отсталости в культурном отношении, остается первенство подвергнуться условной репрессии.

Такое печальное первенство сохраняется за рабочими и крестьянами и при развитии среди населения страны отдельных видов преступлений.

Далее при исследовании развития преступлений среди различных социальных групп мы наблюдаем существование некоторой связи между видом преступления и прежней семьей. Всякая семья как бы мало ни было ее влияние на детство ребенка неизбежно оставляет отпечаток на личности человека.

Связь между социальным положением семьи и видом преступления может быть иллюстрирована тем, что фальшивомонетчики преимущественно вербуются из лиц рабочих семейств, как ближе стоящих к станку, и менее из крестьян.

Мы не говорим уже о том, что самогонка, развитая преимущественно среди лиц, вышедших из крестьянских семей, помимо других экономических причин обусловливается и родом занятий, т. е. сельским хозяйством. То же может быть сказано и про мошенничества, встречающиеся у лиц, занятых торговой промышленностью, более часто. Это находит подтверждение в сравнении статистических сведений.

Мужчин.	Рабоч.	Крест.	Торгов.	Интелл.	Прочие.	ВСЕГО.
Кражи.	33,4	38,7	16,5	8,9	2,5	100
Грабежи	37,5	33,9	12,5	9,0	7,1	100
Убийства	—	71,4	14,3	14,3	—	100
Самогонка	33,3	54,8	7,1	2,4	2,4	100
Мошенничество .	23,3	50,0	16,7	10,0	—	100
Фальшивомонет. .	66,7	33,3	—	—	—	100
Прочие.	33,3	46,7	13,3	—	6,7	100

Мы уже видели, что громадное большинство лиц, неоднократно судившихся, происходят из семей рабочих и крестьян. В соответствии с происхождением они не блещут и образованием.

Так из каждых ста привлекавшихся мужчин было неграмотных 12%, с низшим образованием 79,6%, со средним 7,4% и с высшим 1%. Таким образом только в 8 случаях на сотню можно говорить об образовании. Что же касается 90%, то здесь все сводится к простой грамотности, т. е. умению только читать и писать. Пониженное образование безусловно свидетельствует и о педагогической, а отсюда и моральной запущенности лиц, совершающих повторные преступления. Отсутствие образования иногда играет роль производственного фактора преступления. Там, где человек с образованием легко может использовать свои знания и тем предупредить совершение преступления, человек без образования, оказавшийся в затруднительном положении, не находит другого выхода кроме, как совершить преступление, пуская в ход физическую силу. И чем ниже стоит в отношении образования индивид, тем труднее ему найти применение своих сил в Москве, где сосредоточились преимущественно лица с образованием и знающие ремесла.

Степень образования у различных преступников видна из следующей таблицы:

	Мужчин.				Женщин.		
	Негр.	Низш.	Сред.	Высш.	Негр.	Низш.	Сред.
Кражи	11,3	80,6	7,2	0,9	21,7	70,0	8,3
Грабежи	7,1	85,8	7,1	—	75	—	25,0
Убийства	14,3	71,4	—	14,3	—	100,0	—
Самогонка	18,6	79,1	2,3	—	54,0	44,4	1,6
Мошенничест.	6,6	66,7	23,4	3,3	—	100	—
Фальшивомон.	—	—	—	—	—	—	—
Прочие	20,0	80,0	—	—	20	80	—

Особенно высок процент неграмотных среди женщин самогонщиц, больше половины их неграмотных. Также нельзя не отметить, что среднее образование преобладает у мошенников. Для того, чтобы совершить мошенничество, необходимо быть в курсе многих вопросов, обладать известным запасом знаний. Все это человеку неграмотному должно представить большие затруднения. Такими же соображениями, нам думается, в значительной степени об'ясняется и то, что процент неграмотных среди мошенников встречается менее, чем среди других.

Тесно с образованием стоит и воспитание. По данным нашего обследования большинство лиц с прежней судимостью получили воспитание в родной семье. Но для нас синоним родная семья еще не служит показателем правильного воспитания. Мы бы сказали, что признак „родная семья" подтверждает лишь относительное благополучие ребенка по присмотру за ним в детстве в сравнении с лицами, получившими воспитание в чужой семье, и, в особенности, в сравнении с беспризорными. Пребывание в период воспитания в родной семье могло бы еще свидетельствовать о большей экомической обеспеченности таких лиц в сравнении с беспризорными и этого мы не можем утверждать, так как 70% лиц с прежней судимостью провели детство в рабочих и крестьянских семьях, в которых нищета и нужда неизбежные спутники. Все эти соображения лишний раз подтверждают, что пребывание в детстве в родной семье еще не гарантирует от преступления. Но, обращаясь от общих замечаний к анализу воспитания у отдельных категорий преступников, мы наблюдаем, что лица, бывшие в детстве беспризорными, будучи уже взрослыми чаще совершают тяжкие преступления (грабежи и т. п.). В то время как из каждых ста, привлеченных за кражи, бывшие беспризорные составляют 1, 3%, так из привлеченных за грабежи (бандитизм) беспризорных 8, 9%.

Более яркую картину заброшенности в воспитательном. отношении лиц, вступивших на путь преступлений, рисуют результаты обследований в кабинете по изучению личности преступника и преступности.

Влияние заброшенности и беспризорности лиц повторнообвиняемых еще с раннего детства наглядно выявляется при помощи таких показателей, как смерть отца, матери или обоих родителей. Нами неоднократно отмечалось, что наибольший процент правонарушений дают дети одиноких матерей. Это отметил проф. М. Н. Гернет (см. его „Мор. Статистика").

Со смертью отца происходит не только ухудшение материального положения семьи и детей, но и бремя добывания средств существования для семьи с престарелой матерью ложится на подростков. Жизнь иногда очень рано заставляет вступать ребенка на арену жизненной борьбы, не считаясь

ни с его юностью, ни с его неопытностью. Юноша 15 лет, совершивший преступление впервые еще 13 лет, и к настоящему времени уже успевший отбыть наказание по двум приговорам, так рассказывает о своем детстве. „Отец имел прачечную мастерскую, рабочих было 20 человек. Но в 1918 году он умер, и я с 10 лет начал торговать мануфактурой вместе с матерью. У матери была стоянка на Смоленском рынке, а я торговал с рук, деньги отдавал матери. На горе заболела мать, и я начал торговать один, оставляя немного денег себе, но большую часть их отдаю сестре. Так торговал до 13 лет. Потом у меня с сестрой произошла ссора из-за того, что она посылала меня торговать, а я не хотел, так как надоело стоять по целым дням ежедневно на рынке, кричать, бегать, переходить с места на место от милиции и т. д. После одной ссоры я и ушел от сестры, думая заняться чем-нибудь получше. Первые две ночи находился у дяди, но последний сказал, чтобы я у него прописался, от чего я отказался, почему не помню, и дядя меня прогнал. Я от дяди пошел на вокзал; ночи проводил то на вокзале, то в ночлежном доме. Один раз, не имея ни гроша в кармане и будучи на рынке, залез покупателю в карман". (Социологическая анкета № 30 в кабинете по изучению личности преступника и преступности).

Л. 20 лет, имеет три приговора. Первое преступление совершил 15 лет, через год после смерти своего отца. „Состав семьи, говорит он, был большой: по смерти отца осталось 9 человек—мать и 8 детей. Отец умер в 1915 г. По смерти отца мать начала торговать с рук, я пошел работать на завод,—потом завод закрылся; начал вести дружбу с товарищами и, под влиянием их, по глупости совершил кражу. Просидел в тюрьме 6 месяцев. Здесь научился плохому больше, чем на улице. По выходе из места лишения свободы жил при матери, был без средств, ходил по рынкам и через три месяца был опять арестован за кражу". (Социологическая анкета № 58 кабинета по изучению преступности).

Приведенные типичные случаи позволяют считать несомненным, что юнцы, живя в период малолетства (до 14 лет) или несовершеннолетия (от 14—18) без отцов, лишь с одной

матерью, имеют много шансов для того, чтобы пойти по скользкому пути уличной жизни, приводящей обыкновенно к неоднократным преступлениям. Обыкновенно со смертью отца в семье происходит надлом, так как, пока отец жив, ребенок в большинстве случаев чувствует его авторитет и не позволяет себе, например, бесконечных отлучек из дома и других проступков. Насколько неблагоприятны семейные условия у повторно-обвиняемых и каково их влияние на развитие преступности можно судить по связи первичного преступления с возрастом, когда лишился отца, и периодом выбытия из семьи.

Для этой цели мы воспользовались данными, собранными в кабинете по изучению преступности. Из 205 повторно-обвиняемых, прошедших в первые два месяца через кабинет по изучению преступности, к моменту обследования не было обоих родителей у 65 человек, у 89 человек был только отец, у 14 имелась мать и у 37 человек имелись оба родителя [1]).

Таким образом только 18% имеют обоих родителей, а 82% или совсем не имеют родителей или имеют одного из двух. Безусловно для лиц повторно-обвиняемых, нами исследуемых, являющихся взрослыми, отсутствие родителей уже не ощущается так остро и потому не имеет для них такого значения, как для юных правонарушителей. Однако, смерть обоих родителей или одного из них, в особенности отца, для юнца, в период его несовершеннолетия, имеет громадное отрицательное значение. И если юнец, в связи со смертью родителей уходит из родной семьи в раннем возрасте, он неизбежно совершает рано и преступление. При комбинировании трех вопросов: 1) в каком возрасте повторно-обвиняемый лишился отца, 2) в каком периоде он покинул родную семью, 3) в каком возрасте совершил первое преступление, наблюдается, что из 77 человек—59 или 72,7% лишились отца в период до 18 лет, при этом из этих 59 человек—16 чел. или 27,1% ушли из родной семьи, т. е. не стали жить с матерями еще в период малолетства (т. е. до 14 лет);

[1]) Несмотря на то, что большинство из них имеет 2—3 и больше приговоров, но по возрасту они распределяются также, как контингент повторных обвиняемых обследованных в Москве 23 г.

21 чел. или 35,6% ушли из родной семьи в период несовершеннолетия; 22 чел. или 37,2% оставались в семье после несовершеннолетия. Лишившиеся в ранней юности отца преимущественно в этот же период, вольно или невольно, покидали семью.

Ранний выход из семьи повторно-обвиняемых влечет за собой развитие у них ранней преступности. Из тех же 59 человек повторно-обвиняемых, рано лишившихся отца и рано покинувших семью, 22 чел. или 37,2% совершили первое преступление еще в возрасте не достигшем совершеннолетия.

Не менее интересной представляется зависимость между развитием преступности и неблагополучием в семейной обстановке у тех повторно-обвиняемых, которые в настоящее время не имеют в живых обоих родителей. В виду того, что у некоторых родители умирали в разное время, то, чтобы установить связь между неблагополучием в семье и первым преступлением, мы приняли такую классификацию связей: преступление совершено 1) после смерти обоих родителей, 2) до смерти обоих родителей, 3) после смерти отца, но при жизни матери, 4) после смерти матери, но при жизни отца. При комбинировании этих моментов с периодом выхода из родной семьи и возрастом первого преступления, мы наблюдаем, что абсолютное большинство из данной категории повторно-обвиняемых совершили первое преступление после смерти обоих родителей, которая, как это можно видеть из графы—выход из родной семьи, застигла их по преимуществу в период малолетства, а отсюда из общего числа 65 человек совершили первое преступление после смерти обоих родителей—37% в период несовершеннолетия, т. е. до 18 лет, далее в возрасте 18—21 года—15,3% и в возрасте старше 21 г.—47,7%.

Из общего числа 65 человек повторно-обвиняемых, совершивших первое преступление после смерти обоих родителей, покинули родную семью в период малолетства—64,6%, в период несовершеннолетия 17%, и, наконец, в период совершеннолетия 18,4%. В связи с этим, надо думать, находится и значительный процент первичных преступлений у данной категории (65) повторно-обвиняемых в ранние возрастные

периоды. Именно до 18 лет (37%), от 18—21 г. 15,3% и 21 г. и выше 47,7%. Что касается категории повторно-обвиняемых, совершивших первое преступление после смерти матери, то их из 205 челов. только 13 чел. или 6,3%. Несколько больше упомянутой категории группа повторно-обвиняемых, совершающих преступления и первые и последние, при обоих живых родителях. Их всего 37 чел. или 18%. Из этой категории 43% находятся в семье после совершеннолетия, 57% покинули семьи до достижения совершеннолетия. На основании приведенного анализа мы считаем возможным сделать (см. вкладку о нес. прав.) следующие выводы: во-первых, большинство лиц, имеющих прежнюю судимость и именуемых „рецидивистами" начали совершать преступление прежде всего под влиянием сиротства и связанного с ним распада семьи в моральном и экономическом смысле, во-вторых, суб'ект, покидая семью в период малолетства и несовершеннолетия, попадает под всевозможные дурные влияния окружающей среды, неизбежно совершает преступление. Помещая ниже таблицу отметим, что из 205 чел. повторно-обвиняемых совершили первое преступление в возрасте до 18 лет—64 чел., в возрасте 18—21—56 чел. и в возрасте 21 и старше—85 человек.

Из тех же 205 человек покинули родную семью в период малолетства 76 ч. и в период несовершеннолетия 57 чел., и в период зрелого возраста 72 ч.

Мы уже отмечали, что наличие в живых родителей может и не иметь положительного значения, как в том случае, если юнец не живет в семье, или так и когда он живет вне семьи. Некто И. 28 лет имеет 10 приговоров, начиная с 1905 г., отца он потерял в 25 лет, а мать 23 лет, но в родной семье находился только до 11 лет. Еще будучи в семье, он совершил кражу в 1905 г. О его детстве имеются такие сведения. Отец работал в качестве рабочего на заводе. Мать занималась домашним хозяйством и вела, говорит он, нехороший образ жизни, так что в конце концов умерла от белой горячки. Учиться начал 9 лет, в школе завел знакомства с товарищами, с которыми бегал по улицам, после школы проводя большую часть времени вне дома. С това-

рищами же начал таскать квасные бутылки с воза; затем попал в арестный дом. Здесь познакомился с товарищами, которые научили меня всем тонкостям по кражам. Родители, рассказывает он, принимали меры к тому, чтобы извлечь меня из этой среды, но все эти меры сводились к побоям, от которых я уходил из дома, проводя время по целым неделям в различных притонах Хитрова рынка. Один раз с товарищами решил обворовать квартиру, я влез в окно и через него подавал им с комода игрушки и др. безделушки. Это была моя первая кража. За нее суд поместил меня в Рукавишниковский приют, где пробыл с 11 до 16 лет. Из Рукавишниковского приюта вышел корзиночным мастером. По выходе из приюта поселился у родителей, но они относились ко мне очень недоброжелательно. Я опять возвратился к товарищам, с которыми был знаком с 11-летнего возраста. Таким образом неблагоприятные семейные условия в малолетстве, не только в смысле сиротства, но и в случае отсутствия присмотра за ребенком имеют последствием полное социальное деградирование личности. Можно было бы увеличить число типичных случаев, позволяющих установить тесную зависимость преступлений от дурной семейной обстановки, характерной отсутствием правильного воспитания, но и этих достаточно. Приведенные примеры служат лишь иллюстрацией след. таблицы.

По данным кабинета по изучению личности правонарушителя и преступности.		В настоящее время родителей.																
		Не имеют.				Имеют мать.					Имеют отца.							
						Отца лишились в возр.					Матери лишил. в возр.							
Возрастн. период первого преступления.	Уход из родной семьи.	После смерти отца.	После см. матери.	До см. обоих род.	После см. об. род.	До 10 лет.	От 10—14 л.	14—18 л.	18—21 г.	21 г. и выше.	До 10 лет.	От 10—14 л.	14—18 л.	18—21 г.	21 г. и выше.	Имеют в жив. обоих род.	ВСЕГО.
До 14 лет.	До 14 лет. . .	—	—	—	4	2	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	7
	От 14 до 18 л.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	Свыше 18 лет.	—	—	—	—	1	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	2
От 14 до 16 л.	До 14 лет . .	—	—	—	8	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	10
	От 14—18 л. .	—	—	—	1	1	3	1	1	—	—	—	—	—	—	4	11
	Свыше 18 л. .	—	—	—	—	—	3	—	—	—	1	—	—	—	—	2	6
От 16 до 18 л.	До 14 лет . .	1	—	—	11	2	—	—	—	—	—	—	—	1	—	4	19
	От 14—18 л. .	—	—	—	—	3	—	—	—	—	2	—	—	—	—	1	6
	Свыше 18 л. .	—	—	—	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	3
От 18 до 21 г.	До 14 лет . .	2	—	1	6	1	2	1	—	—	1	1	—	—	—	4	19
	От 14—18 л. .	—	—	—	2	2	1	3	1	2	—	1	—	—	1	2	15
	Свыше 18 л. .	—	—	—	2	2	2	5	3	2	—	—	—	—	—	6	22
От 21 г. и выше.	До 14 лет . .	—	—	1	13	2	2	1	—	—	—	—	—	—	1	1	21
	От 14—18 л. .	—	—	2	8	1	2	4	2	—	—	—	—	1	—	5	25
	Свыше 18 л .	3	2	1	10	1	4	1	1	6	—	—	1	1	1	7	39
	ВСЕГО . .	6	2	5	65	22	20	17	8	10	4	2	1	3	3	37	205

Не имеющие обоих родителей, в наст. время лишились.									
Отца.					Матери.				
До 10 лет.	От 10 до 14 л.	14—18.	18—21.	21 г. и выше.	До 10 лет.	От 10 до 14 л.	14—18.	18—21.	21 г. и выше.
26	18	6	11	17	25	19	6	6	22

Таким образом из лиц, не имеющих одного или двух родителей лишились отца в возрасте:

	До 10 л.	10—14	14—18	18—21	21 и выш	Имеют обоих род.
Отца.	48	38	23	19	27	
Матери.	4	2	1	3	3	
	52	40	24	22	30	37

Другими словами. из 205 повторно-обвиняемых больше половины лишились одного из родителей в период малолетства 44,8 пр. и юношества 11,7 пр.,—отрочества 10,7 пр., в период полного совершеннолетия—14.6 пр. и совершенно не лишилось родит. 18,2 проц.

Итак, повторные преступления преимущественно развиты среди тех лиц, которые в период малолетства и несовершеннолетия лишились отца или матери, со смертью которых начинается распад семьи и дети растут заброшенными.

Социальная запущенность в зрелом возрасте, выражающаяся в неоднократных преступлениях, несомненно имеет связь с неоднократными правонарушениями в детском возрасте. Последние же, как известно,—неизбежное следствие заброшенности ребенка.

Ввиду того, что при нашем обследовании несовершеннолетние составляли весьма незначительный процент, мы в целях полноты освещения вопроса о повторно-обвиняемых позволяем несколько слов сказать о повторных правонарушениях несовершеннолетних г. Москвы, прошедших через комиссии в 1922 г., сведения о которых не опубликованы.

Из общего числа 3318 мальчиков было привлеченных впервые 2683 или 80,9% и повторных 635 или 19,1%; из 485 девочек привлечены впервые 437 девоч. или 90,1% и повторно дев. или 9,9%.

Таким образом, повторные правонарушители среди совершеннолетних, проходящих через Московские Комиссии в 1922 г. по делам нес-их, составляли около 18%.

Повозрастно они распределялись таким образом. Из каждых ста несовер-их обоего пола соответствующего возраста, прошедших через Московские Комиссии было:

	Привлечен. впервые.	Привлечен. повторно.	В % % привлеч. вперв	Привлечен. повторно. в%
До 10 л:	76	4	95,0	5,0
10 л:	79	9	89,8	10,2
11 л:	135	16	89,4	10,6
12 л:	273	52	84,0	16,0
13 л:	325	67	83,0	17,0
14 л:	496	122	80,3	19,7
15 л:	660	120	84,7	15,3
16 л:	545	168	76,5	23,5
17 л:	531	127	80,9	19,1

По полу и по возрастным периодам несовершеннолетних:

	Мальчиков.		Девочек.	
	Впервые.	Повторно.	Впервые.	Повторно.
До 14 л.	790-84, 9%	140-15, 5%	98-94, 2%	6- 5, 8%
От 14—16	1012-31, 5%	230-18, 5%	145-92, 4%	12- 7, 6%
От 16—18	881-79, 7%	225-20, 3%	195-86, 7%	30-13, 3%

Среди повторно-обвиняемых юнцов, преобладают воришки, и они составляют 82, 6%, и девочки воровки 79, 1%

Такое развитие повторных правонарушений среди несовершеннолетних безусловно находится в тесной связи с их неблагоприятными семейными условиями. В одной нашей работе мы отмечали, что около 70% по Р. С. Ф. С. Р., среди юных повторных правонарушителей были сиротами и полусиротами. В Москве в 1922 г., также из повторно-привлекаемых мальчиков—27% из них имели родителей, 73% были сироты или полусироты. Немного выше мы указывали, что большинство взрослых „рецидивистов" преступников первые преступления совершили вскоре после смерти отца или обоих родителей. Точно также и из юнцов, неоднократно привлекаемых в Комиссии, большинство составляют несовершеннолетние, имеющие только мать. Фактическое подтверждение того, что причина широкого развития повторных правонарушений среди несовершеннолетних будущих взрослых так называемых „рецидивистов" кроется в их ранней осиротелости, с последующей ранней самостоятельностью и т. д., мы находим в распределении юных правонарушителей по возрасту и семейному положению.

	Мальчиков.			Девочек.			Мальчиков в%.		
	До 14 л.	От 14-16	От 16-18	До 14 л.	От 14-16	От 16-18	До 14	От 14-16	От 16-18
Им. об. род. .	28	58	79	2	6	5	20,0	25,2	29,8
Им. только отца	11	21	15	—	1	3	7,9	9,1	5,7
„ мать	35	69	114	2	2	9	25,0	30,0	43,0
Сироты . . .	66	82	57	2	3	13	47,1	35,7	21,5
Итого .	140	230	265	6	12	30	100	100	100

Факторы первичного преступления настолько долго сохраняют свое значение, что никакие сроки лишения свободы, имеющие своей целью простое изолирование суб'екта, не в состоянии парализовать их пагубного влияния.

Простое или строгое изолирование преступников в разные места заключения без воздействия на ту социальную среду, которая порождает преступления, представляется по

меньшей мере не нужной тратой времени и средств. Мы считаем, что нет пользы в том, что социально запущенный суб'ект просидит в месте лишения свободы, допустим, от 1—5 лет и затем возратится в ту же среду и при том без средств, зачастую не имея возможности поступить на работу. И едва ли есть гарантия, что при таких условиях он не совершит повторного преступления по выходе из тюрьмы. Отсюда становится ясным и то, что место лишения свободы, имеющее для новичка быть может значение „пугала", для лица, уже побывшего в нем, не вызывает даже страха.

Проанализированные неблагоприятные социальные явления, как, например, семейные условия, отстутствие воспитания, сиротство, приобретают особенную остроту еще и потому, что экономическая обеспеченность у лиц повторно-обвиняемых в большинстве случаев была весьма недостаточна. Показателями экономической необеспеченности повторно-обвиняемых может служить их профессия или занятия, а также и положение их профессии. Из общего числа повторно-обвиняемых большинство, как мужчин, так и женщин, до октябрьской революции по своему социальному положению были рабочими: мужчин—38,$^0/_0$4, женщин 30,8$^0/_0$.

При сравнении социального состава повторно-обвиняемых до октябрьской революции по отдельным преступлениям, обращает внимание на то, что среди воров первое место занимают лица, бывшие до октябрьской революции рабочими, второе—служащими рабочего труда (11,2$^0/_0$), третье—военно-служащие рядовые; среди же бандитов рабочие, служащие так же составляют большинство. Далее нельзя не отметить и того, что среди бандитов сравнительно большой процент составляют лица, бывшие в период до октябрьской революции учащимися. Что же касается самогонщиков, то среди них рабочие составляют—51,2$^0/_0$. Среди самогонщиков мы не встречаем учащихся. Вот социальное положение исследуемых лиц в эпоху до октябрьской революции. При такой социальной обстановке: с отрицательным воспитанием и ранней самостоятельностью, широкий размах преступлений среди рабочих представляет собой как бы логическое завершение.

Но будучи таким следствием в эпоху царизма, преступность и в наше время продолжает быть исторической памяткой экономического неравенства в борьбе за существование. Несмотря на ураган событий, пронесшийся по широким равнинам России и рассеявший многое негодное, не уничтожились причины преступности, и она попрежнему питается всем прежним худосочием нищеты, нужды и безработицы.

Социальное положение повторно-обвиняемых после революции осталось почти без изменения.

В после революционный период среди них уменьшился процент рабочих, так как подавляющее большинство из них заняли в обществе положение безработных. Громадный процент безработных (35,8%) среди повторно-обвиняемых служит веским аргументом в пользу того, что причины преступности вообще, а повторной в особенности кроются в условиях социального порядка. Быть может, нам заметят биологи или антропологи, что почему же одни безработные совершают преступления, а другие их не совершают. Ясный ответ на последний вопрос, мы считаем, найдет всякий, кто хотя бы поверхностно познакомится с тем недалеким прошлым большинства лиц повторно-обвиняемых, характерной особенностью которого были: отсутствие руководства в воспитании в период детства, раннее познание всех отрицательных сторон городской жизни; полная заброшенность, а в связи с этим и полуживотная жизнь и т. д. Никого не должно поражать, что среди лиц повторно-обвиняемых встречаются лица, на которых культура и цивилизация не оставили и малейшего следа. Мы имеем ввиду здесь лиц, попавших в графу деклассированных, и которые на вопрос, чем Вы занимаетесь, с достоинством отвечали—„кражами".

При исследовании их психо-физической конституции нередко оказывалось, что она представляет лишь незначительные уклонения нормы. При том уклонения не унаследованные, а приобретенные, благодаря дурным социальным условиям.

Представленные вниманию читателя, таблицы распределения по социальному составу повторно-обвиняемых, после того, как мы коснулись явлений, обусловливающих повтор-

ные преступления, будет только лишней иллюстрацией той печальной действительности, которая все еще богата социально-слабыми. Различий в социальном составе лиц, совершающих отдельные преступления, почти не наблюдается, за исключением мошенников, среди которых преобладают хозяева.

Некоторую особенность представляет социальный состав самогонщиц, среди которых сравнительно много домашних хозяек.

Так из каждых ста мужчин и женщин повторно-обвиняемых:

Название преступлений.	Пол.	Сельск. хоз. Хозяева.	Сельск. хоз. Рабочие.	Хозяева.	Рабочие.	Служащие.	Интеллигенция.	Военно-служащ. Комсостав.	Военно-служащ. Рядовые.	Учащиеся.	Домашн. хоз.	Деклассир.	Безработн., сост. в профоюзе.	Безработные.	Без опред. зан.	Всего.
Воры.	М.	2,5	—	14,7	11,3	3,1	0,6	0,0	0,9	0,3	0,0	13,2	6,9	29,8	16,6	100
	Ж.	4,9	—	9,8	1,6	11,5	1,3	0,0	—	0,0	1,6	23,0	4,9	26,2	14,8	100
Бандиты.	М.	1,8	—	12,5	8,9	10,7	—	1,8	—	—	—	7,1	3,6	41,1	12,5	100
	Ж.	—	—	50,0	—	—	—	—	—	—	—	—	—	50,0	—	100
Убийцы.	М.	—	—	—	20,0	40,0	—	—	—	—	—	—	20,0	—	20,0	100
	Ж.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Самогонщики.	М.	—	—	20,9	27,9	4,7	2,3	—	2,3	—	—	4,7	11,6	20,9	4,7	100
	Ж.	—	—	13,3	22,7	2,6	—	—	—	—	14,7	2,7	6,7	25,3	12,0	100
Мошенники.	М.	6,9	—	34,5	3,4	10,5	3,4	—	6,9	—	—	—	6,9	13,8	13,7	100
	Ж.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Фальшивомон.	М.	—	—	33,3	33,3	—	—	—	—	—	—	—	—	33,4	—	100
	Ж.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Прочие.	М.	—	—	12,5	37,5	—	—	—	—	—	—	6,3	—	37,4	6,3	100
	Ж.	—	—	—	—	25,0	—	—	—	—	—	—	—	—	75,0	100
Всего.	М.	2,4	—	16,1	13,1	4,9	0,8	0,2	1,3	0,2	—	10,5	6,8	29,3	14,4	100
	Ж.	2,1	—	12,0	12,7	7,0	0,7	—	—	—	8,5	11,3	5,6	25,3	14,8	100
Обоего пола	—	2,3	—	15,2	13,0	5,4	0,8	0,2	1,0	0,2	1,9	10,6	6,5	28,4	14.5	100

Приведенная табличка таким образом с большой силой вскрывает вместе с социальным положением и экономическую необеспеченность лиц повторно-обвиняемых.

Влияние социальной обстановки у лиц повторно-обвиняемых проявляется не только в целом ряде их анти-социальных поступков, но и в таких явлениях, как брачное состояние. Брачное состояние безусловно находится в зависимости от экономической мощности человека и его положения в обществе. Мы уже отмечали, что наибольшим количеством приговоров отличаются воры и, следовательно, им более, чем кому-либо, приходится проводить большую часть своей жизни в местах лишения свободы. В соответствии с этим среди них, более, чем среди других, встречается холостых и менее женатых. Меньшая брачность среди воров, так называемых рецидивистов, об'ясняется и тем, что среди них большинство лиц без определенных занятий с самого раннего возраста, а если к тому прибавить, что воры бывают на свободе не более 3—6 месяцев, то, конечно, ни о каком браке нельзя и говорить.

Если много холостяков встречается среди воров и сравнительно менее среди бандитов, то среди самогонщиков мы наблюдаем противоположную картину: среди последних преобладают женатые—86,0% (и 14% холостых).

Распространенность брака среди самогонщнков служит подтверждением того, что повторно-обвиняемые данной категории в смысле социальной запущенности не могут стоять на одном уровне с ворами и бандитами.

Что касается повторно-обвиняемых женщин, привлеченных за кражи, было не состоявших в браке 51,7%, состоявших же в браке 33,3%, а остальные вдовы или разведенные. Совершенную противоположность женщинам-воровкам представляют женщины-самогонщицы, из которых не состоят и не состояли в браке 13,2%, состоящих—38,1%, вдовых—42,1% и разведенных 6,6%. Для большей наглядности брачного состояния лиц повторно-обвиняемых представим следующие статистические данные:

Из каждых ста мужчин и женщин повторно-обвиняемых:

		Холост.	Женат.	Вдовых.	Разведенных.	Всего.
Воры.	М.	71,4	27,3	1,3	—	100
	Ж.	51,7	33,3	11,7	3,3	100
Бандиты.	М.	41,9	50,9	3,6	3,6	100
	Ж.	50,0	50,0	—	—	100
Убийцы.	М.	71,4	14,3	—	14,3	100
	Ж.	100,0	—	—	—	100
Самогонщики.	М.	14,3	85,7	—	—	100
	Ж.	13,2	38,1	42,1	6,6	100
Мошенники.	М.	36,7	56,7	3,3	3,3	100
	Ж.	—	—	100	—	100
Фальшивомон.	М.	—	100	—	—	100
	Ж.	—	100	—	—	100
Прочие.	М.	28,6	71,4	—	—	100
	Ж.	20,0	40,0	20,0	20,0	100

В распределении повторно-обвиняемых по брачному состоянию мы особенно должны обратить внимание на значительный процент вдовых женщин, которые, рано лишившись мужа, должны были все бремя семьи нести на своих плечах. Широкое развитие преступлений-самогонки среди вдовых женщин несомненно обусловливается тем трудным положением женщины, в которое она поставлена событиями последних войн (европейской и гражданской), отнявших у нее мужа.

В соответствии с брачным состоянием так называемых „рецидивистов“ находится наличие у них детей. Так среди воров, холостых—71,4% и женатых 27,3%, дети имеются только у 21,5%, а у остальных не имеется. Среди же самогонщиков большинство женатых—85,7%, а меньшинство 14,3 холостых, детей также имеет большинство 56%, а не имеет меньшинство.

Таким образом между брачным состоянием повторно-обвиняемых и наличностью у них детей, как и следовало ожидать, существует прямая зависимость. Но наличность детей для нас имеет и другое значение. Мы считаем, что не будет большой ошибки, если мы скажем, что наличность

детей при неблагоприятном экономическом положении семьи может влиять на развитие преступлений. Нужно ли приво-

дить жуткие рассказы о том, как мать или отец семьи совершают преступления только для того, чтобы не дать уме-

реть с голоду своим детям. И трудно сказать, отчего больший вред обществу, от того ли, что тот или иной отец или мать похитят чужую собственность и тем спасут от голодной смерти детей „граждан будущего“, или от того, что будет сохранена невинность Фемиды и тем самым принесены будут в жертву ей молодые существа.

Мы не сторонники того, чтобы первое положение возводить в культ, но мы ратуем за то, чтобы при преступлениях, совершаемых лицами, обремененными детьми, судья, вскрывая мотивы преступления, особенно памятовал о детях. Так как лишний день, проведенный в месте лишения свободы матерью вдовой, вдали от своих детей, оставленных таким образом на произвол судьбы, принесет больше вреда, чем продажа ею самогонки или вина без надлежащего на то разрешения.

Если пониженная наличность детей у воров не может служить ярким показателем того, что воры совершали повторные преступления под влиянием обремененности детьми, то этого нельзя сказать про повторно-обвиняемых женщин-самогонщиц, из которых 31% не имели детей, а остальные 69% их имели. При этом из каждых ста имеющих детей более 42% имели 2-х или 3-х.

Наличность детей может быть иллюстрирована следующими данными (см. диаграм.):

		Абсолютн. числа.					В процентах.				
		Имели 1-го ребенка.	Имели 2—3 детей	Имели 4 и больше.	Не имели детей.	Всего.	Имели 1-го ребенка.	Имели 2—3 детей.	Имели 4 и больше.	Не имели детей.	Всего.
Воры.	М.	36	45	10	230	321	11,2	14,0	3,1	71,6	100
	Ж.	11	3	1	45	60	18,3	5,0	1,6	75,1	100
Бандиты.	М.	11	7	1	37	56	19,6	12,5	1,8	66,1	100
	Ж.	—	—	—	4	4	—	—	—	100	100
Убийцы.	М.	1	—	—	6	7	14,3	—	—	85,7	100
	Ж.	—	—	—	1	1	—	—	—	100	100
Самогонщ.	М.	8	7	9	19	43	18,6	16,2	20,9	44,3	100
	Ж.	16	22	14	24	76	21,1	28,9	18,2	31,8	100

		Имели 1-го ребенка.	Имели 2—3 детей.	Имели 4 и больше.	Не имели детей.	Всего.	Имели 1-го ребенка.	Имели 2—3 детей.	Имели 4 и больше.	Не имели детей.	Всего.
Мошенник.	М.	6	4	3	17	30	20,0	13,3	10,0	56,7	100
	Ж.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Фальшиво-монетчики.	М.	2	—	—	1	3	66,7	—	—	33,3	100
	Ж.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Прочие.	М.	2	5	—	8	15	—	—	—	—	—
	Ж.	1	—	—	4	5	—	—	—	—	—
Всего.	М.	66	68	23	318	475	—	—	—	—	—
	Ж.	28	25	15	78	146	—	—	—	—	—
Об. пола.		94	93	38	396	621	—	—	—	—	—

Теоретиками уголовного права и в особенности практиками, факт повторности преступления обыкновенно считается одним из верных признаков, характеризующих социальную опасность суб'екта.

Но неправильность отожествления с повторными преступлениями опасного состояния всплывает при поверхностном знакомстве с теми наказаниями, к которым они были приговорены за первое преступление. Едва ли можно возражать против того, что степень наказания, понесенного в прошлом, в значительной мере соответствовала и тяжести преступления.

Большинство же повторно-обвиняемых, т.-е. 72 человека из каждых ста, понесли наказание в виде лишения свободы. На несерьезность первого преступления указывают и сроки лишения свободы, на которые они были осуждены. Так 40—50% из общего числа имевших в прошлом судимость были приговорены к 6 месяцам. Краткость срока лишения свободы дает полную возможность утверждать, что делать заключение об опасном состоянии суб'екта, на основании прошлой судимости, лишено почвы. Но лица, пробывшие в месте заключения до 6 месяцев, все же успевают усвоить в нем все необходимое для того, чтобы совершить повторное преступление.

И в дальнейшем преступность среди повторно-обвиняемых развивается в значительной степени от времени пребывания в месте лишения свободы. Косвенное подтверждение этого мы находим в том, что от 41 до 47% отбывших наказание лишением свободы в 6 месяцев, впоследствии совершают кражи. Лица же, пробывшие в месте заключения более 6 мес., чаще совершают грабежи или разбои (бандитизм).

Показательной в этом отношении может быть следующая табличка. Из каждых ста повторно-обвиняемых в прошлом были приговорены к наказаниям:

Наказание

Название преступления.	Пол.	Лишение свободы.						Принуд. работы.		Условно-осужд.	Штраф.	Всего.
		6 мес.	1 год.	От 1–3 л.	От 3—6 л.	От 6—8 л.	10 лет и выше	Без лишен. свободы.	С лишением свободы.			
Кражи.	М.	41,9	14,6	17,7	6,5	0,4	0,4	10,5	—	8,0	—	100
	Ж.	47,9	18,8	18,7	2,1	0,0	0,0	6,3	—	6,2	—	100
Грабежи.	М.	29,3	26,8	9,8	4,9	0,0	2,4	4,8	—	22.0	—	100
	Ж.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Убийства.	М.	66,7	—	33,3	—	—	—	—	—	—	—	100
	Ж.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Самогонка.	М.	38,2	2,9	14,7	—	—	—	17,7	—	8,8	17,7	100
	Ж.	16,7	5,0	1,7	1,7	—	—	33,3	—	18,3	23,3	100
Мошенничество.	М.	57,5	14,3	7,1	—	—	3,6	3,6	7,2	7,1	0,0	100
	Ж.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Фальшивомонет.	М.	—	—	—	—	—	—	—	—	100	—	100
	Ж.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Прочие.	М.	50,6	8,3	8,3	—	—	—	25,0	—	—	8,4	100
	Ж.	50,0	50,0	—	—	—	—	—	—	—	—	100

Отрицательные значения наказания лишением свободы, без последующей заботы об осужденном, очевидны. Это, между прочим, видно и из того, как скоро попадают обратно в тюрьму лица, только что из нее освобожденные.

Принудительное удаление человека из общества, хотя бы на краткий 6-ти месячный срок, является губительным, и впоследствии требуется много усилий для того, чтобы бывший тюремный обитатель по выходе из места закл
мог найти применение своему труду. В литературе неодно-

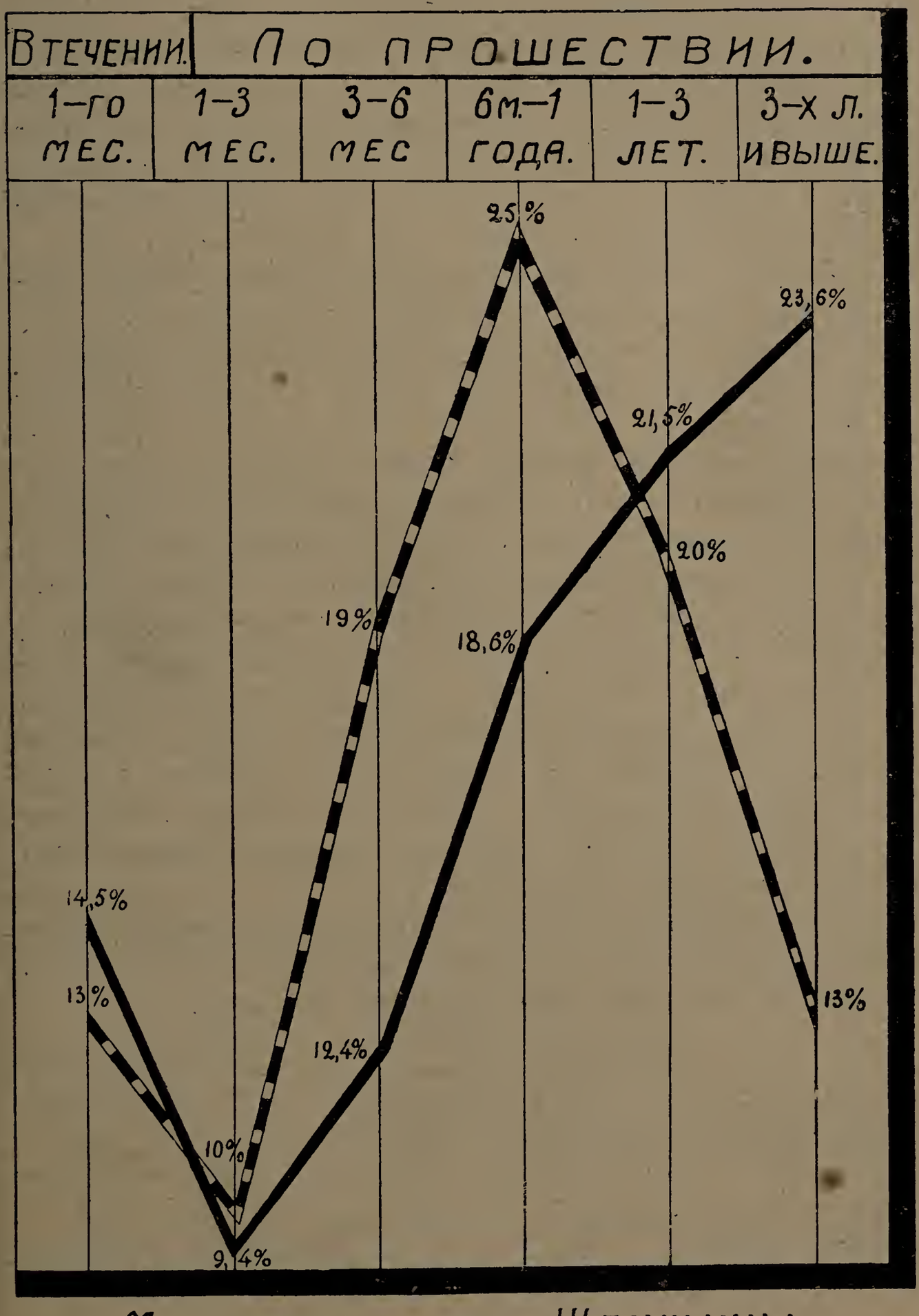
кратно отмечалась настоятельная необходимость оказывать материальную и нравственную поддержку лицам, выходящим из мест заключения. При обследовании лиц, неоднократно судившихся, приходится слышать сплошь и рядом, что „при выходе из тюрьмы ничего не имеешь, кроме справки об отбытии наказания".

„Такая справка", говорит один обследуемый, „дает лишь привиллегию на скорое возвращение в тюрьму". Правдивость этих слов едва ли можно оспаривать. Если большинство исследователей сходятся на том, что преступления, напр., имущественного характера, вызываются большей частью тяжелым экономическим положением и неблагоприятными социальными условиями, то вряд ли можно отрицать то, что с выходом из места заключения эти причины не только не устраняются, а наоборот—приобретают еще большую остроту. Их остроту не парализуют и те знания в области какого-либо ремесла, которые заключенный получает в тюрьме. Они становятся совершенно не нужными, так как применить их на практике не представляется возможным по той простой причине, что со справкой от уголовно-розыскн. и судебных органов, отягченной 2—3 судимостями и многократными приводами, никуда не принимают. Такое отношение к отбывшим наказание естественно создает группы лиц, которым ничего не остается, кроме выбора своей профессией воровства и других родов преступных деяний.

Яркой иллюстрацией безвыходного положения таких лиц, могут служить сведения о промежутках времени между отбытием наказания за прошлое преступление и совершением нового преступления, так из каждых ста отбывших наказание совершают преступления (см. диаграмм.):

	В течение первого месяца.	ПО ПРОШЕСТВИИ.					
		От 1—3-х мес.	От 3—6-ти мес.	От 6-1-го года.	От 1—3-х лет.	От 3-х л. и свыше.	Итого.
Мужчин	54	35	45	69	80	88	372
%	14,5%	9,4	12,4	18,6	21,5	23,6	100%
Женщин	13	10	19	25	20	13	100
%	13,0	10,0	19,0	25,0	20,0	13,0	100%

Преступление вновь совершено.



Можно констатировать, что сравнительное большинство (55%) мужчин совершают новые преступления в течение первого года по выходе из тюрьмы.

Женщины же в 67 случаях совершают повторные преступления ранее года и в 33 случаях после года.

Из отдельных категорий преступников чаще совершают преступления в течение первых трех месяцев и первого года бандиты и воры. Так из каждых ста бандитов в течение первых трех месяцев по отбытии наказания совершило 27,2%, в течение 1-го года—34,2%. Воры—27,6% и в течение 1-го года—30,3%.

Что же касается самогонщиков, то они в течение первых трех месяцев—13,4 и в течение 1-го года 33,4%.

Мошенники совершают новые преступления чаще (63,6%) по истечении года и свыше и только в 36 случаях в течение первого года.

Частость совершения новых преступлений в течение кратчайших сроков по отбытии наказания бандитами и ворами находится в полном соответствии с той экономической необеспеченностью и нездоровой социальной средой, в которой они находились до совершения первого преступления (см. об этом выше) и в соответствии с теми дурными социальными условиями, в каких они вынуждены находиться по выходе из места заключения.

Частость совершения преступлений вскоре по выходе из тюрьмы отмечается и в Германии. По данным с анкет лиц, отбывших наказание, большая половина совершили преступление в течение первых трех месяцев и первого года по выходе из места заключения.

Для сравнения сроков автор приводит сведения об осужденных за имущественные преступления в течение 1886 и 1887 г.г.

В Германии были осуждены в течение

Имущественные преступления.	1886 ГОДА		1887 ГОДА	
	Первых 3-х месяцев.	Первого года.	Первых 3-х месяцев.	Первого года.
Кражи	15,8	42,4	16,0	42,6
Разбой и грабежи	21,3	50,0	17,9	49,9
Обман и поджог	17,5	44,4	18,4	45,0

Что касается прочих деликтов, то они совершали в течение первых трех месяцев от 11—12%, в течение 1-го года от 33—36%.

На ряду с экономической необеспеченностью большое значение в развитии повторных преступлений среди воров и др. имеет и частость совершения преступлений в сообществе, которое в значительной мере определяется и характером преступления. Соучастие распространено, главным образом, среди бандитов, в их среде редко можно встретить лиц, действующих единолично.

Мы уже отметили, что грабежи совершают преимущественно лица, впервые судившиеся в раннем возрасте и, следовательно, рано столкнувшиеся в тюрьме с товарищами „по несчастью". С этими же товарищами по тюрьме они выступают и в повторных преступлениях. По степени развития соучастия в преступлениях, совершаемых повторно-обвиняемыми, после грабежей следуют мошенничества и самогонка.

Особенно характерным для сообщества является и то, что среди соучастников такого преступления часто одни являются руководителями, а другие подчиненными.

На каждые сто повторно-обвиняемых было совершивших преступление.

	Воры.	Бандиты.	Убийцы.	Самогонщики.	Мошенники.	Фальшивомон.	Проч.
Единолично М. . .	51,9	17,5	20,0	45,7	42,3	—	83,3
В сообществе М. .	48,1	82,5	80,0	54,3	57,7	100,0	16,7
	100	100	100	100	100	100	100
Единолично Ж. . .	59,1	—	—	71,4	—	—	33,3
В сообществе Ж. .	40,9	100,0	100,0	28,6	—	—	66,7
	100	100	100	100	—	—	100

Исследованные нами лица не только имеют неоднократную судимость но среди них глубоко пустил свои корни

и алкоголь и наркомания. Причины широкого развития среди них упомянутых явлений берут свое начало в той же нездоровой социальной среде, на почве которой процветает и преступность. Мы считаем, что среди лиц, у которых родители или деды сильно пили, злоупотребление алкоголем усиливается особенно под влиянием социальных условий. Насколько были неблагоприятны социальные условия у повторно-обвиняемых мужчин по сравнению с лицами, обвиняемыми впервые, мы уже видели выше, и это же сказывается в количестве пьющих и непьющих среди тех и других. Так—непьющих среди первых—около 8%, а среди последних 40%. Большая разница в распространенности алкоголя среди наших обвиняемых наблюдается и при сравнении злоупотребляющих и не злоупотребляющих спиртными напитками.

Из „рецидивистов“ злоупотребляют—57,1%, а не „рецидивистов“—40%; пьющих, но не злоупотребляющих среди „рецидивистов“ 34,9% и среди не рецидивистов—20%.

Что же касается совершения преступлений в состоянии опьянения, то чаще всего это наблюдается у бандитов. Но и такие случаи очень редки. Обыкновенно план ограбления созревает задолго до момента действия. При этом происходит подробное ознакомление с окружающей местностью и обстановкой предполагаемого преступления. Алкоголь употребляется здесь, как говорится, „для храбрости“. Вообще интенсивность употребления алкоголя лицами, вступившими на путь преступлений, находится в большой зависимости от характера преступлений. Так, например, грабежи, как более связанные с риском и требующие большого возбуждения—с одной стороны, и крупные добычи при грабежах, с другой стороны, вызывают большее употребление алкоголя, чем простые кражи. Соответственно этому и наблюдается, что среди повторно-обвиняемых бандитов алкоголь развит больше, чем среди воров, а также бандиты злоупотребляют им более, чем воры. Но употребление и злоупотребление алкоголем может быть и не связано с риском, как при грабежах, а находиться в зависимости от способов совершения преступления.

Так мошенники, чтобы похитить вещь путем обмана, очень часто прибегают к устройству выпивок, кроме этого, мошенники обычно совершают преступления более прибыльные, чем кражи. Но сильнее всех развит алкоголь в форме запоя среди самогонщиков; здесь не может быть сомнений, что у самогонщиков это находится в их связи с характером самого преступления.

Развитие употребления алкоголя среди повторно-обвиняемых также начинается с раннего возраста. Неблагополучие в семье, застигая большинство из повторно-обвиняемых в раннем возрасте, вызывает у них пристрастие к алкоголю, роль которого в этиологии преступности громадна.

Вопрос об алкоголизме более подробно освещает доктор А. М. Терешкович, но для большего выяснения нашей темы, мы приведем статистические данные об алкоголизме среди повторно-обвиняемых.

		Не пьющих.	Пьющих.		ВСЕГО.
			Злоупотр.	Не злоупотр.	
Воры	М.	12,4%	69,7%	17,9%	100
	Ж.	42,9 „	42,9 „	14,2 „	100
Бандиты	М.	4,8 „	76,2 „	19,0 „	100
	Ж.	50,0 „	—	50,0 „	100
Убийцы	М.	25,0 „	50,0 „	25,0 „	100
	Ж.	100 „	—	—	100
Самогон.	М.	—	100 „	—	100
	Ж.	50,0 „	—	50,0 „	100
Мошенники	М.	—	70,0 „	30,0 „	100
	Ж.	—	—	—	—
Прочие	М.	20,0 „	40,0 „	40,0 „	100
	Ж.	25,0 „	75,0 „	—	100

		НАЧАЛИ ПИТЬ В ВОЗРАСТЕ.					
		Злоупотребляющие.			Не злоупотребляющие.		
		До 18 л.	После 18 л.	Всего.	До 18 л.	После 18 л.	Всего.
Воры	М.	65,6	34,4	100	60,0	40,0	100
	Ж.	83,4	16,6	100	50,0	50,0	100
Бандиты	М.	75,0	25,0	100	—	100,0	100
	Ж.	—	—	—	—	—	—
Убийцы	М.	50,0	50,0	100	—	100,0	100
	Ж.	—	—	—	—	—	—
Самогонщ.	М.	—	100,0	100	—	—	—
	Ж.	—	—	—	—	100,0	100
Мошенники	М.	85,7	14,3	100	33,3	66,7	100
	Ж.	—	—	—	—	—	—
Прочие	М.	50,0	50,0	100	—	100,0	100
	Ж.	66,7	33,3	100	—	—	—

В жизни алкоголь у громадного большинства служит тем средством, при помощи которого люди развлекают себя в трудной и однообразной пустой жизни, под влиянием которой развивается не только преступность, но и алкоголизм. Надо думать, что вредное значение такой социальной обстановки сохраняется по всей линии деградирования социальной личности.

В заключение исследования о повторно-обвиняемых мы приходим к выводу, что в их преступлениях, как в призме преломляются отрицательные явления окружающей среды. Такому воздействию они подвергаются с самого раннего периода малолетства и несовершеннолетия. В эти периоды, когда им более всего необходимы присмотр, привитие социальных навыков и традиций социальной личности и руководство в приспособлении к жизненным условиям, они прежде всего вынуждены испытать влияние распада семьи. Последний происходит по самым разнообразным поводам: смерть родителей, развод и материальная необеспеченность супругов и т. д. Вследствие распада семьи им в несовершеннолетнем возрасте приходится покинуть семью. И они, будучи еще

юными, самостоятельно, без всякого жизненного опыта, вступают на арену жизненной борьбы.

Рука об руку с неблагоприятными семейными условиями идет неприспособленность их в трудовом отношении. Предоставленные самим себе, они не в состоянии изучить какого-либо ремесла, которое дало бы им возможность найти заработок. Выброшенные из родной семьи, они оказались не нужными и обществу, которое, не взяв их под свою защиту, не обучило их даже простой грамотности.

Таким образом оставшиеся юными вне семьи, неграмотные или полуграмотные, не знающие ремесла, они под влиянием кризисов в разных отраслях промышленности (в эпоху, начиная с 1914 года), оказались не занятыми в производственном процессе страны. Отторгнутые от регулярного труда, они попадают в среду рынков, ночлежных домов и разных притонов и, наконец, в тюрьму.

Такая социальная обстановка при ранней самостоятельности в эпоху конкуренции спроса и предложения без поддержки со стороны государства и общества приводит их к преступности.

Если явления социального порядка приводят их к первому преступлению, как бы замаскированным путем, то ко второму, третьему преступному деянию они толкаются открыто. И в этом отношении первенство остается за тюрьмой, со всеми ее безжизненно-отсталыми системами „исправления".

Тюрьма заканчивает деградацию социальной личности и это несомненно, подтверждением этого может служить громадный процент лиц, совершающих повторное преступление в течение первых трех месяцев по выходе из тюрьмы. Нельзя не отметить и того, что такая деградация социальной личности косвенно поддерживается практикуемыми справками о судимости, служащими одним из оснований для отказа в приеме на службу или работу лиц, имеющих прежнюю судимость.

Помимо социальных условий не меньшее значение в этиологии повторных преступлений принадлежит и условиям *экономическим*. Отсутствию квалификации в труде сопутствует экономическая необеспеченность, которая рельефно

проявляется при знакомстве с их профессией, занятиями и положением, занимаемых в них. Отсюда безработица, нищета и т. п. Все эти моменты, получившие фактическое подтверждение в целом ряде статистических данных, позволяют утверждать, что причины повторных преступлений глубоко заложены в условиях социальной среды.

Итак, ранний выход из родной семьи, преждевременная самостоятельность в жизненной борьбе за существование, пониженное образование или умственная отсталось, неквалифицированный труд, безработица, развращающее влияние тюрьмы, практикуемая система справок о судимости при приеме на службу и отсутствие патроната и патронажа и проч. при выходе из мест лишения свободы—вот господствующие факторы, предопределяющие развитие повторной преступности, и мы считаем, что в целях уменьшения и предупреждения повторных преступлений необходимо вести борьбу не столько с так называемой „социальной опасностью“, сколько с социальной запущенностью и факторами, ее вызывающими.

В. Куфаев.

Воры.

Кражи составляют обычно наиболее распространенное преступление в городах и тем более в столицах.

В городах, где сосредоточиваются преступники, где они *легче могут укрыться*, равно как и *совершить преступление*, где громадный слой населения составляют люди *материально необеспеченные*, органам общественной безопасности приходится иметь дело наиболее часто с кражей. Это и свидетельствуют цифры задержанных за кражи: их более чем за другие преступления.

Если обстановка города благоприятна для воровства, то город является даже „питомником“, „фабрикой“ производства воров профессионалов. Многие *из городских детей, будущих рецидивистов, жили в преступной среде, а часто и родились от преступников*. На вопрос о времени первой кражи один из задержанных 19-тилетний вор отвечал, что он родился и воспитывался на Хитровом рынке, не помнит когда в первый раз украл, так как он всегда воровал, поскольку помнит себя. „Пишите с 3-х лет“ просто предложил он следователю.

Статистические исследования малолетних преступников указывают, что среди них громадный % именно воров [1]).

Сопоставляя возрастные группы задержанных за воровство с соответствующими числами населения г. Москвы, получаем:

Из 100 человек были в возрасте [2]):

---

[1]) См., например, нашу статью в „Бюллетене ЦСУ“ № 79.

[2]) По переписи 1923 г. группы ниже 14 лет и неизвестные исключены.

Мужчины:

	14—15	16—17	18—19	20—24	25—29	30—39	40—49	50 и выше.
Все население . . .		12,5		34,2		24,4	16,4	12,5
Задержанные за воровство . . .	0,3	24,3 10,2	13,8	53,8 33,6	20,2	16,5	4,2	1,7

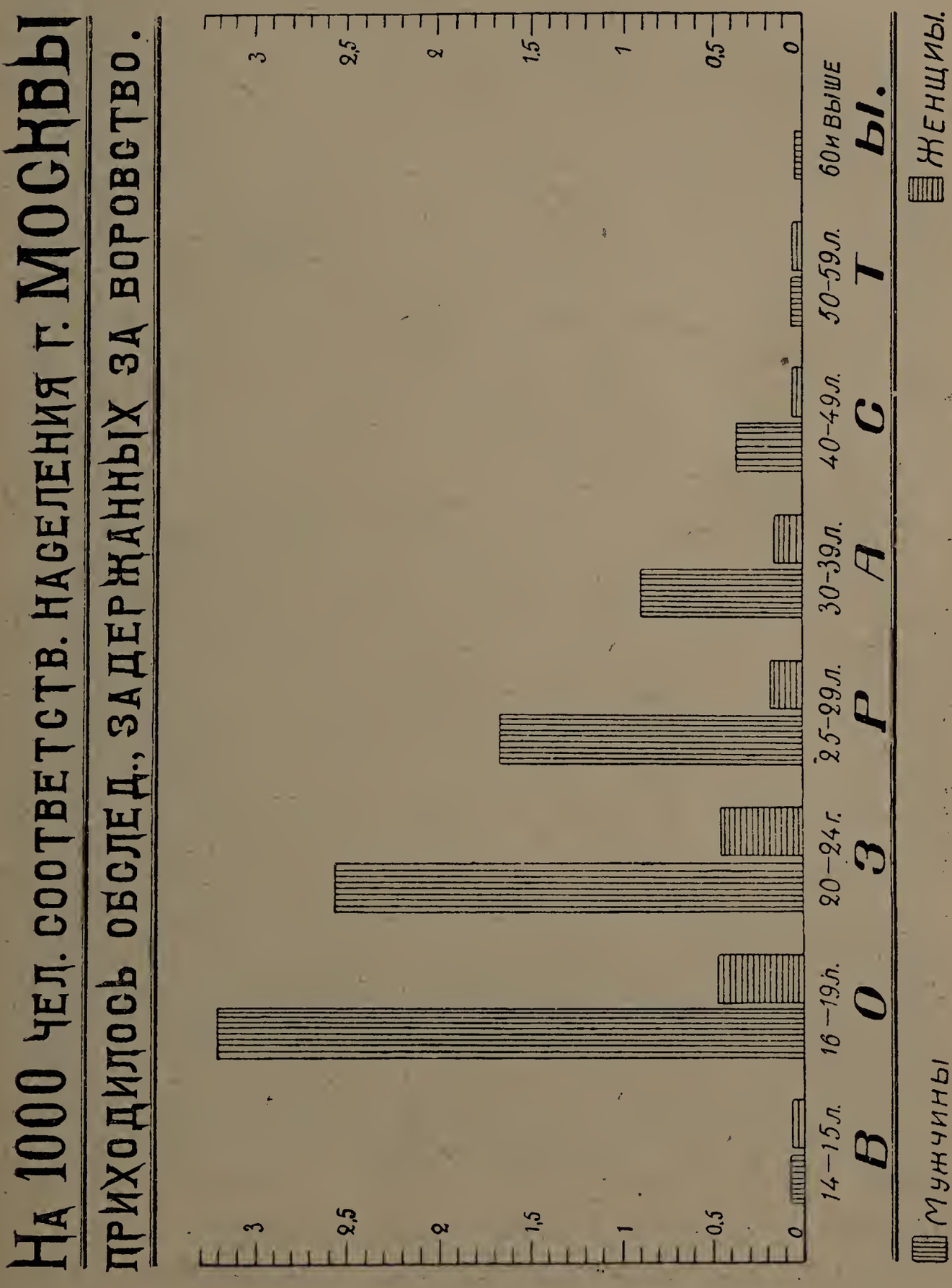
Женщины:

Все население. . . .		12,6		34,6		21,2	14,1	17,5
Задержанные за воровство . . .	1,7	25,7 11,6	12,4	52,8 38,8	14,0	15,7	3,3	2,5

Принимая во внимание, что возраст до 14 лет освобождает от судимости, мы видим как быстро растет % молодых воров по сравнению с населением, начиная с младшего возраста к 30 годам %% сравниваются, а далее группы воров падают по сравнению с населением (см. диаграм.). Таким образом контингент воров составляется из молодежи. До старших возрастов они или не доживают, или перестают заниматься воровством, переходя к другим преступлениям. Среди городских воров тип профессионалов, начавших рано свою деятельность, весьма развит. Это одинаково относится как к мужчинам, так и к женщинам. С детских лет живут они в преступной среде, сжились с преступной деятельностью, в воровстве уже не находят чего-либо дурного и своим положением довольны. Так один 19-тилетний вор говорит, что он привык к преступлению, не стыдится и не скрывает (когда нет необходимости) своей деятельности, любит опасность—риск и широкую жизнь. Эта психология удальства, видимо, иногда играет видную роль, толкая на преступный путь. Один из рецидивистов, уже заматерелый в воровстве, 40 лет, происходит из богатой купеческой семьи. „Начал воровать“, об‘ясняет он, „из-за

удальства и молодечества". Постоянное занятие воровством создает своеобразную психологию.

Указывая на отсутствие у воров рецидивистов принци-



пов социальной солидарности со всем обществом, аморальность их, конечно, нельзя забывать, что факторами, бросившими

их на преступную дорогу, обычно были плохие материальные условия детства, или более позднего возраста.

Один из них 27 лет говорил обследователю: „Все уголовники идут на преступление из-за условий жизни".

Мальчик 18 лет рассказывал, что украл для улучшения материального положения семьи. „Если оно не улучшится, буду воровать и впредь", заявляет он обследователю.

Влияние бедности и нужды настолько очевидно в громадном большинстве случаев, что говорить о нем можно бы очень много. Дальше мы приведем еще ряд данных, освещающих этот кардинальный вопрос. Правда, если взять психологию уже сформировавшегося вора рецидивиста, мы находим, что он доволен своей участью и т. п., но тем не менее обследование показывает, что у своих истоков, в начале воровской жизни, она формировалась и направлялась суровой экономикой.

Возвратимся, однако, к психологии этих людей.

Легкий заработок, возможность беспечно жить впоследствии делают привлекательной для таких людей жизнь вора. 29-летний вор говорит, что считает свою профессию самым нормальным и легким заработком. Ему живется легко и беспечно. Неудивительно, если такова психология пожившего вора, но оказывается и малыши могут рассуждать также. Мальчик 16 лет гордится преступным своим ремеслом. „Красть хорошо—работать не нужно", об'ясняет он обследователю.

Все эти ответы о любви к веселой жизни получают своеобразную окраску, если вспомнить, что воровская деятельность начинается обычно у этих привычных преступников в раннем возрасте, и к 40 годам вор сходит со сцены. Среди них царствует разврат, алкоголь, кокаин, сифилис.

Одна из воровок 16 лет по кличке „Огольчик", проститутка с 13 лет, имеет уже 3 приговора. Так она отзывается о своей жизни: „Когда есть деньги— люблю понюхать, покурить... Нравится такая жизнь... Никогда ей не изменю".

Почти все женщины рецидивистки-кокаинистки, с тяжелой алкогольной наследственностью. *Влияние дурной семьи в большинстве случаев обследованных воровок огромно.* Одна

из них 26 лет по кличке „Сонька-Золотая Ручка“ рассказала, что ее приучили в семье „ходить по трамваям“.

Воровские инструменты.

Вор 23 лет указывает, что имел *пьющих родителей*, у которых было 9 человек детей (правда в живых остались 3).

Воспитывался он *без присмотра, в крайней нужде и с ранних лет стал сам себе воровством добывать средства.* „А сбившись с дороги невозможно жизнь менять", констатирует он.

Если плохая семья является хорошей школой преступности, то *отсутствие ее, беспризорность и дурные товарищи* еще вернее направляют на преступную дорогу.

Один рецидивист 25 лет рассказывает, что случайно попал в общество бандитов. Далее тюрьма, а по выходе из тюрьмы отсутствие средств и закрытая дорога к честному труду.

Рецидивист 26 лет рассказывает, что 13 лет ушел он из семьи из-за жестокости отца, нуждался и совершил первую кражу. Потом сблизился с товарищами по тюрьмам и стал профессионалом.

Не безинтересно отметить, что крестьянская семья дала сравнительно малое число будущих рецидивистов.

Из 100 воров выросли в семье:

		Рабочей.	Крестьянской.	Торгов.-пром.
Рецидивисты	Мужчины . .	33,4	38,7	16,5
	Женщины . .	33,3	36,7	16,7
Задержан. за воровство в первый раз.	Мужчин . .	31,0	52,5	8,1
	Женщин. .	29,5	45,9	11,5

Это вполне гармонирует с прочностью крестьянской семьи, сравнительной обеспеченностью, а главное *с отсутствием развращающей окружающей обстановки,* в которой живет ребенок городского бедняка.

С ранних лет жизнь рецидивиста связана с алкоголем.

Тогда как из впервые задержанных лишь 13% начали пить до 18 лет, воры с прежней судимостью имеют таковых 50%.

Но и дальше жизнь вора рецидивиста такова, что он алкоголем злоупотребляет в высокой степени. Среди задержанных за воровство впервые, совершенно не пьющих 70%, среди ранее судившихся—43%.

Жизнь вора рецидивиста *не такова, чтобы иметь семью*—вот почему среди них обследование нашло больший процент холостых, чем среди задержанных впервые. В особенности это заметно среди женщин. Среди впервые задержанных встретилось 23% вдов, тогда как среди рецидивисток воровок лишь 12%.

Прочная семейная жизнь вора рецидивиста не может быть и потому, что с ранних лет он связан с судом и тюрьмой. Среди рецидивистов воров ранняя преступность и судимость развиты в сильной степени. Оказывается, что из общего числа обследованных задержанных за воровство, имевшие 1 приговор, впервые осужденные в возрасте до 13 лет, составляют 0,4 %, тогда как рецидивисты с 2—3 приговорами имеют таковых 1,0 %, с 4—7 приговорами—0,8 %, 8 и более приговоров—0,8%. Напротив впервые осужденные, совершившие первое воровство в возрасте 31 и более лет из общего числа обследованных составляют 2,0%, имевшие 2—3 приговора—1,1%, имевшие по 4 и более приговоров не имеют ни одного человека совершившего первое преступление в возрасте выше 31 года.

Выше было указано, как тюрьма служила местом знакомства с опытными товарищами и таким образом была школой воровства для будущих рецидивистов. На людей без твердой воли обстановка тюрьмы производит гнетущее, а отнюдь не исправляющее влияние. Одна рецидивистка воровка так и заявляет: „Когда выпустят — стану бандиткой". Рецидивист 27 лет говорит: „тюрьма подталкивала пойти на преступление, в тюрьме хорошее преподавание".

Для того, чтобы покончить с этой категорией воров—рецидивистами, профессионалами, привычными ворами, коснемся несколько их моральных представлений в дополнение и развитие тому, что было уже приведено выше.

Трудно судить, когда говорили обследуемые правду и где их искреннее мнение. Иногда они сознаются, что их деятельность не хороша, но указывают, что такова судьба, иногда, как мы видели, они рисуются и гордятся своей деятельностью. На вопрос о том, можно ли красть, рецидивистка 32 лет насмешливо и вызывающе отвечает обследова-

телю: „Нужно украсть, значит можно“, а на вопрос о том, все ли таковы в семье ее родителей — отвечает, что только она такою „уродилась“.

Другая 16 лет на первый вопрос отвечает каламбуром: „Можно взять, что попадется не сорвется“. Они имеют своеобразную мораль, честь и гордость. Один из них рецидивист 23 лет заявляет, что „у жулика своя совесть“ и что он себя плохо чувствует в тюрьме вследствие неладов с товарищами. Вор рецидивист 21 года называет себя „членом преступного мира, который он считает своим долгом защищать и не выдавать товарищей“. Другой 30 лет указывает, что с 17 лет он ворует и только у обеспеченных лиц. Он считает невозможным обокрасть бедняка.

Рецидивист-вор 24 лет с гордостью отвечает обследователю: „Я не карманник. Ворую на вокзале“.

Попадаются среди них и такие, которые и не думают о том, можно ли воровать.

Один 19 лет заявляет: „Берут все, почему мне не взять“.

Нельзя не отметить и остатков человеческого чувства, часто лежащего в душах этих людей.

Рецидивистка 20 лет рассказала, что помогает своей больной матери.

Один по характеристике обследователя „отчаянный рецидивист“ с 19 кражами говорит о начале своей деятельности, как о несчастьи: „Приехал из деревни — тут у меня тетка, заработать деньги нужно было, за пахоту земли платить, своей лошади нет—и вот случилось такое несчастье“. Мы видели выше, что другие воры рассказывали о начале своей карьеры: случайное воровство, за него тюрьма, закрытая дорога к честному труду, а с другой стороны опытные товарищи и перспектива легкого заработка и веселой жизни.

Эти люди способны к привязанности, верности. Воровка обычно не является проституткой, а имеет своего возлюбленного, для которого готова на самопожертвование.

Весьма подозрительные к постороннему человеку в начале, затем они раскрываются и охотно рассказывают о

Воровской притон.

себе. Часто, сумев расположить к себе одного из воров-рецидивистов, с его помощью обследователь мог и от других ранее заключенных добиться искренней беседы. Одна рецидивистка 23 лет, кокаинистка, пьяница, больная сифилисом, говорит своей замкнутой подруге: „Говори правду, люди учатся".

В отношении женщин воровок необходимо отметить, что люди и привязанность часто являлись причиной вовлечения их в преступность. Часто следовали они за мужьями и возлюбленными—преступниками.

Таковы воры-рецидивисты. Обследование зарегистрировало воров с прежней судимостью 381 чел., из которых 321 мужчина и 60 женщин.

Заключенных за первую кражу насчитывалось больше: 461 мужчина и 63 женщины, т. е. число не рецидивистов выше. Это указывает, что кражи совершаются не только профессионалами-ворами. На этом частном примере города Москвы мы видим, что кадр современных преступников в сильной степени рекрутируется в настоящее время из свежих элементов (что подтверждается между прочим во всероссийском масштабе данными Управления Уголовного Розыска относительно лиц, задержанных органами этого учреждения на местах.

Выше уже указывалось, что эти воры резко отличаются от профессионалов рецидивистов.

Непосредственное влияние экономического фактора нужды на этих преступниках выявлено необыкновенно ярко. Крестьянин 36 лет обвиняется в краже двух возов дров (хворосту—говорит он), которые он украл, „чтобы семья не умерла с холода".

Следует заметить, что тяжелое положение семьи часто встречается в об'яснениях мотивов кражи не рецидивистов. Один так говорит: „Если бы мог прокормить семью без этого, не воровал бы... Нужда..."

Фабричный рабочий 23 лет, указывая, что находился в безвыходном положении, так как должен был содержать не только себя, но и беременную жену, оправдывает себя: „Украл на фабрике, а не у бедного".

Среди воров по первой краже большой % детей и несовершеннолетних.

На 17 человек среди них с первой судимостью встречает лишь 9 с 2—3 приговорами.

Один из детей 13 лет (по замечанию обследователя) на редкость умственно одаренный, рассказывает, что по случаю смерти матери и сестры находится в тяжелом, не только материальном, но и моральном положении. Нашлась добрая соседка посоветовала украсть.

Другой мальчик 16 лет, также ранее не воровавший, указывает, что он только что приехал из деревни, был без средств и попал в компанию воров.

Есть ряд указаний на голод 1921 года, как причину преступности.

Один (ныне рецидивист) говорит, что голод 1921 г. разрушил благосостояние семьи. По смерти отца он остался один, и первое воровство было необходимостью. Крестьянин 25 лет так рассказывает: „Питался в 21 году кошками и собаками; кое-как засеял землю, оставил дома жену, сам приехал подзаработать". При безработице кража явилась выходом. Один вор 23 лет говорит, что „крал, как все в 1921 году". Правда, среди этих воров впервые, нередко встретить людей без всяких нравственных понятий. Один 22 лет на вопрос о том, почему нельзя красть в свою очередь спрашивает: „Если есть желание, то почему же нет".

Иногда здесь встречаются больные или не развитые люди. Один чернорабочий 34 лет говорит обследователю: „Вся жизнь моя несчастная, как родился".

Иногда, напротив, воры впервые нимало не смущаются тем, что они совершили преступление и находят оправдывающие идеологические мотивы: один задержанный 37 лет для установления имущественного равенства считает кражу нуждающихся бедняков у буржуев правильной.

Другой задержанный 30 лет (по замечанию обследователя человек твердый, решительный и неглупый) смотрит на свое преступление, как на средство, оправдываемое целью (к сожалению, неизвестно какою).

Хотя воры с первой судимостью составляют большинство, обследователи уделили им меньшее внимание, находя обстановку и причины этой преступности обычными и понятными. Вследствие этого заключения обследователей в отношении этих воров не так богаты, как относительно воров рецидивистов.

Кроме выше приведенных обследование дает ряд цифр, характеризующих задержанных за кражи, из которых коснемся наиболее ярких.

Относительно времени проживания в г. Москве имеем, что с одной стороны несовершеннолетние, а с другой пожилые люди являются в большей степени здесь более давними жителями чем воры в возрасте от 18—40 лет.

Среди последних меньший % живущих в Москве свыше 10 лет. Самая численная группа воров в значительной степени состоит из лиц, прибывших в Москву за годы войны и революции.

Цифры, характеризующие обремененность семьей—наличность детей, указывают, что из общего числа воров 22% имели при себе детей, при чем *17% были обременены детьми возраста до 13 лет*, а 5% более старшего возраста.

Это также указывает *на то, что у совершивших кражу впервые обремененность семьей нередко была причиной преступления.*

Последний вопрос, на котором мы остановимся—слои населения.

Перепись 15 марта 1923 г. дает возможность сравнить данные о занятиях лиц, задержанных за воровство, с соответствующими цифрами населения г. Москвы (см. Бюллетень ЦСУ № 77). Обследование задержанных производилось в конце апреля—начале мая 1923 г., время же задержания их, а тем более время совершения преступления происходили значительно раньше в феврале—марте.

Поэтому для сравнения мы имеем вполне соответствующие данные.

Вот эти числа:

Социальные группы.	Абсолютные числа.				На 1000 населен. было задержанных за воровство.	
	Мужчин.		Женщин.			
	Все население.	Воры.	Все население.	Воры.	Мужчин.	Женщин.
Рабочие . .	155200	119	63859	10	0,77	0,16
Служащие . .	148554	70	77332	9	0,47	0,12
Хозяева . .	60183	143	21887	15	2,38	0,69
Деклассир . .	487	48	1144	18	98,56	15,73
Безработные .	49280	293	94953	32	5,95	0,34

По всем группам интенсивность преступности женщин ниже чем мужчин данной группы.

Колоссальная преступность декласированных элементов вполне понятна, и лишь по отношению к декласированным женщинам следует иметь в виду, что они добывают средства существования иначе, чем мужчины.

Среди них много проституток и нищих (это подтверждается и данными переписи), тогда как деклассированный мужчина преступление имеет обычным источником существования.

Думается, что и громадная разница между преступностью беработных мужчин и женщин в значительной мере об'ясняется тем, что среди последних находится много лиц со скрываемым положением: хозяйки, живущие на чьи-либо средства, и т. п. лица, имеющие какой-либо источник существования.

Повышенная преступность хозяев по сравнению с рабочими и служащими об'ясняется тем, что среди них много мелких хозяйчиков и лиц, занимающих самостоятельное положение, но имеющих совсем непрочную материальную базу. Как мы увидим, в громадной массе это бывшие служащие, рабочие и т. п. лица, ранее самостоятельного в промысле положения не имевшие.

Заслуживает, наконец, внимания, что из 2-х групп наемного труда—служащих и рабочих, последние дают повышен-

ную преступность; кражи, в отличие, например, от мошенничеств, всегда были в большей мере свойственны более неграмотным пролетарским слоям населения.

Мы можем разрешить и другой вопрос о том, как изменялась профессия современных воров за последние годы, определить поскольку воровство связано с деклассацией групп населения. Относительно 786 мужчин и 123 женщин, заключенных за кражи, имеются сведения об их профессии до Октябрьской революции с одной стороны, и во время преступления—с другой.

По занятиям они распределялись следующим образом:

Пол и период.		Сельское хозяйство.				Др. отрасли народного хозяйства (промыш., транспорт и т. д.														
		Хозяева.	Рабочие.	Неизвестно.	Итого.	Хозяева.	Рабочие.	Служащие.	Интелл. проф	Воен. служ. Кожсостав.	Воен. служ. Рядовые.	Воен. служ. Неизвест.	Воен. служ. Итого.	Учащиеся.	Домаш. хоз.	Деклас. элем.	Без опр. зан.	Безраб. Сост. в пр союзе.	Безраб. Несостоящ. в пр. союзе.	Всего.
Мужчин.	До Октябр. революции . .	92	9	10	111	45	267	95	4	1	62	35	98	72	—	20	73	—	1	786
	Во время преступл. . . .	30	—	6	36	113	119	70	3	—	12	4	16	3	—	48	85	57	236	786
Женщин.	До Октябр. революции. . .	9	—	5	14	9	31	16	—	—	—	—	—	7	9	8	29	—	—	123
	Во время преступл. . . .	4	—	—	4	11	10	9	—	—	—	—	—	1	7	18	31	7	25	123

Здесь ясно какая перемена произошла за это время с современными ворами. Многие из них занимались ранее сельским хозяйством были рабочими, военно-служащими, учились. Эти группы особенно уменьшились. За то ко времени преступления многие из них были без работы, без определенных занятий и попали в деклассированные элементы, эти группы возросли. Небезинтересно отметить, что часть из современных воров сделалась ко времени преступления самостоятельными хозяевыми не в сельских промыслах.

Мы видим небольшой кадр издавна общественно-опасных людей: 28 человек еще до Октябрьской Революции были в числе деклассированных элементов (воры, сутенеры, проститутки, а 102 человека и тогда не имели определенных занятий).

Комбинационые таблицы дают возможность далее определить из каких бывших профессий образовались столь значительные группы воров безработных, воров-хозяев, воров из деклассированных элементов. И, напротив, можно определить какова была участь бывших сельских хозяев (проще говоря—крестьян), бывших до Октябрьской революции рабочих и состоящих к этому времени на военной службе (возьмем только более заметно изменившиеся группы).

Группы занятий, уменьшившиеся со времени Октябрьской революции ко времени совершения преступления:

Занятие до Октябрьской революции. / Их же занятие во время прест.	Мужчины.				Женщины.
	Хозяева в сельск. хоз.	Рабочие не сел. занят.	Воен. служ.	Учащиеся.	Рабочие.
Хозяева не в сел. хозяйств. .	6	32	18	6	2
Рабочие „ „ „ .	18	63	10	9	8
Служащие	8	12	8	11	1
Военно-служащие	5	2	6	2	—
Безработн., состоящ. в проф. союзе	1	36	3	4	1
Безработ., не состоящ в проф. союзе	24	87	32	26	10
Деклассированн. элементы. .	1	13	3	4	2
Без определенн. занятий . .	7	17	13	7	7
Другие и неизвестные . . .	22	5	5	1	—
Всего до Октябрьской революции	92	267	98	72	31

Здесь мы видим как изменилось социальное положение тех, кто теперь совершает кражу. Лишь небольшая часть

(от 1/4 до 1/10) продолжали заниматься своей прежней профессией, в остальных же случаях они имели во время преступления новое социальное положение. Здесь мы видим, как громадная часть из этих людей, ранее занятых общественно производительным трудом, ко времени преступления перешла в разряд безработных, или неимеющих определенных занятий, а часть в деклассированные элементы.

Обратно мы можем проследить из каких социальных слоев до Октябрьского периода образовались значительные группы воров.

Группы занятий, возросшие со времени Октябрьской революции ко времени совершения преступления.

	Занятия во время Октябрьской революции. / Их же занятия во время соверш. прест.	Занятие в сельском хозяйстве.	Другие отрасли народного хозяйства.							
			Хозяева	Рабочие.	Служащие.	Военно-сл.	Без опред. занятий.	Деклас. элемент.	Др. и неизв.	Всего ко времени совер. прест.
Мужчин.	Хозяева не в сел. хоз. . .	9	24	32	16	18	7	—	7	113
	Деклас. элем.	2	1	13	5	3	4	16	4	48
	Безраб., сост. в профсоюзе. .	1	-	36	9	3	2	—	6	57
	Безр., не сост. в профсоюзе .	32	9	87	24	32	23	3	26	236
	Без определ. занятий . . .	8	5	17	10	13	25	—	7	85
Женщин.	Хозяйки не в сел.-хоз. . .	—	3	2	3	—	2	—	1	11
	Деклас. элем.	—	1	2	2	—	2	8	3	18
	Безр., не сост. в профсоюзе .	3	—	10	4	—	7	—	1	25
	Без определ. занятий . . .	5	4	7	4	—	8	—	3	31

Здесь мы видим, что группа современных „хозяев“, давших большое число воров, образовалась из крестьян, рабочих, служащих и военно-служащих, то-есть из групп в значительной массе, ко времени Октябрьской революции, занятых не самостоятельным трудом. Таким образом это новые с неустойчивым положением „хозяйчики“, образовавшиеся в результате социальных изменений.

Во всех других группах, не занятых ко времени преступления общественно-производительным трудом и давших столь значительную часть воров (деклассированные элементы, безработные, без определенных занятий), наблюдаем, что ранее они были в группах производительного труда.

Таким образом, современные воры в подавляющей массе изменили свою профессию за последние годы, вышли из бывшего своего класса и в этом смысле могут быть названы „деклассированными“ элементами в широком смысле слова.

Заканчивая рассмотрение материала о ворах, можем констатировать *громадное влияние экономических факторов* на эту категорию преступников. Оно несомненно среди осужденных впервые, так как самое преступление было направлено на имущественные блага. С другой стороны и среди рецидивистов обследование констатировало неблагоприятную экономическую обстановку, которой были они окружены зачастую с детских лет. Правда, в некоторых случаях возможно было отметить иные обстоятельства индивидуального характера, но это наблюдалось очень редко. Громадное влияние окружающей среды также констатировано обследованием. Материальная необеспеченность так часто сочеталась с *влиянием плохой семьи и дурных товарищей.*

Нельзя не отметить, наконец, того разлагающего тлетворного влияния, которое оказывает жизнь и преступная среда на вора-рецидивиста; алкоголизм, венерические болезни, кокаинизм—обычные спутники его.

Велико влияние и тюрьмы. Часто неопытные несовершеннолетние здесь получали подготовку для будущей преступной деятельности и выходили оттуда для составления кадра рецидивистов, привычных преступников.

Д. Родин.

Мошенники.

При условиях капиталистического строя было бы немыслимо требовать в отношениях между людьми неизменной и постоянной правдивости. Такое требование, если бы оно и было бы наивно пред'явлено законодателем к членам современного общества, осталось бы, конечно, неисполненным. Не может быть взята под охрану уголовного закона „правда", „истина" там, где общепризнанной аксиомой и правилом житейской мудрости, освещенным веками, является известная всем временам и народам поговорка: „не надуешь—не продашь". Вот почему нет ничего удивительного, что искажение истины или тем более умолчание об истине интересует уголовного законодателя лишь в немногих редких случаях, а именно тогда, когда в его глазах обман становится средством совершения деяния, признаваемого опасным при данных социальных условиях. Таковы случаи лживых показаний на суде, представления лживых сведений властям, и особенно ложь, как средство приобретения имущества или выгоды по имуществу. Нас в настоящей статье интересует последний из указанных случаев—преступление мошенничество. Зависимость его от конкретных условий общественной среды, в которой оно проявляется, бросается в глаза ярче, чем относительно многих других преступных деяний. Характерным в этом отношении является признание сторонника уголовно-антропологической школы, Морселли, который говорил: „если необходимо считаться с индивидуальным предрасположением в этиологии этого вида преступности, оно все же подчинено условиям социальной среды".

В криминологической литературе имеется очень полное и интересное исследование мошенников, принадлежащее стороннику уголовно-антропологической школы—Ляски. Этот

автор определяет процент мошенников лишь цифрой 6 человек на 100. Число признаков вырождения у убийц определяется им же в 223 на сто, у воров—202, у мошенников—152 и у честных людей—129. Отсюда видно, что мошенники, по учению антропологов, оказываются значительно ближе к „честным“ людям, чем к преступникам. „Напряжение умственной энергии, необходимое для выполнения мошенничества, может не отличаться от усилия, потраченного на совершение действия вполне правильного с моральной точки зрения“, замечает Морселли. Тем не менее, знакомясь с контингентом лиц, обвиняемых в мошенничестве, можно отметить некоторые черты, характеризующие эту группу преступников. Ляски указывает, что они приходят к преступлению обычно в позднем возрасте, и это понятно, т. к. обман требует рассудительности и лукавства“. В подтверждение этой мысли он приводит данные французской статистики более чем за пол века, из коих видно, что распределение осужденных за мошенничество по возрастным группам было следующее: моложе 21 года—5%, в возрасте от 21—30 лет—23%, от 30 до 40 лет—34% и от 40 до 50 лет—23%. Мы, со своей стороны, для сравнения современных данных, взяли сведения об осужденных за мошенничества в общих и мировых судах за 1883, 1903 и 1913 годы.

Из 100 осужденных за мошенничество было в возрасте:

	До 18 лет.	От 18 до 30 лет.	От 30 до 40 лет.	Старше 40 лет.
1883	4,0	37,3	31,3	27,4
1903	3,4	39,8	30,8	26,0
1913	1,7	45,1	31,1	21,2
1923	3,4	56,3	21,9	18,4

За 1923 год сведения об обвиняемых.

Оказывается, что и русские данные за 1883 и 1903 годы подтверждают высказанное мнение. Более половины мошенников были старше 30 лет. И все же эта таблица по-

казывает нам, что процент мошенников в возрасте старше 30 лет сокращается, а в возрасте моложе 30 лет растет, что особенно резко сказалось в последнем десятилетии. В противоположность убийству, разбою и грабежу, требующих от совершителей их физической силы и дерзости, для мошенничества нужен жизненный опыт, а накопление этого последнего зависит от возраста, с которого начинается самостоятельная жизнедеятельность, от интенсивности темпа жизни, от степени суровости борьбы за существование, требующей напряжения всех сил и способностей человека. Все эти условия резко изменились за последнее десятилетие. Война и революция, унесшие много жизней, заставили молодое поколение самостоятельно добывать себе кусок хлеба с значительно более раннего возраста, тем самым понизили тот возраст, при котором жизненный опыт оказывается достаточным для совершения мошенничества. Ляски отметил факт, что в 37 случаях из 100, лица, осужденные за мошенничество, оказывались зачатыми родителями уже в преклонном возрасте. В нашем обследовании имелись данные о возрасте родителей во время рождения обследованных относительно 17 человек, при чем оказалось, что 30 лет и старше были родители у семи опрошенных, что составляет около 41%— цифра близкая к приводимой Ляски, но не заслуживающая безусловного доверия в силу малого общего числа обследованных.

Любопытные соображения о влиянии воспитания на выработку склонности к мошенничеству приводит Вульфен. В раннем детском возрасте притворство и обман инстинктивно проявляются у детей в невинной форме симуляции боли, плача, крика, когда они хотят обратить на себя внимание и добиться чего-либо желаемого. В дальнейшем нередко начинается систематическое приучение детей к обману. Ребенка пугают „букой", „бабой-ягой" и т. п. Подрастающим детям приходится слышать как родители велят говорить приходящим, что их нет дома, когда они в действительности дома, как они в присутствии детей дурно отзываются о своих знакомых, которым они в глаза льстят. Все это вырабатывает представление о дозволенности лжи и обмана.

Для совершения мошенничества требуется некоторое развитие и образование. Ляски отмечал, что мошенники „редко бывают малообразованы". Посмотрим же, как обстоит дело с „образовательным цензом" мошенников, по нашим данным.

Из 100 мошенников получили образование.

	1883	1903	1913	1923	
				Первичное преступл.	Рецидив.
Высшее . . .	—	—	0,4	7,5	3,3
Среднее . . .	0,9	0,3	1,6	28,3	23,4
Низшее и грам.	45,0	63,0	71,6	58,5	66,7
Неграм. . . .	54,1	36,5	26,2	5,7	6,6

Процент грамотных мошенников в до-революционные годы несравненно выше общего процента грамотного населения России в то время. За 30 лет с 1883 до 1913 года процент неграмотных упал вдвое. Замечается общая тенденция повышения образовательного уровня мошенников. Причину этого нужно видеть, с одной стороны, в общем постепенном повышении грамотности и вообще образования среди населения, с другой же стороны, в том, что развивавшийся торговый оборот, усложнявший экономические и бытовые отношения, требовал для совершения мошенничества все более развитого и приспособленного к условиям среды интеллекта, в силу чего неграмотным мошенничать стало трудно. Что же касается того, что в 1923 году оказываются совсем несоизмеримые с десятилетним прошлым проценты мошенников, получивших среднее и высшее образование, то это должно быть об'яснено в первую очередь тем, что из совершивших в Москве мошенничество лишь около 24% жило в ней менее года; следовательно, значительное большинство их—городские и при том столичные жители, почему высокий процент грамотных и образованных среди них является вполне естественным. Однако, число лиц с высшим и средним образованием среди профессиональных преступников меньше, чем среди осужденных впервые.

Переходя к социальному составу мошенников рассмотрим его прежде всего по тем же годам, как мы сделали это относительно возраста и образования.

ЗАНЯТИЯ.	1883	1903	1913	1923	
				До рев.	Пос. рев.
Сельск. хозяйств. .	34,4	37,3	29,3	6,2	5,8
Друг. виды занятий	—	—	—	—	—
Хозяева	17,1	3,3	7,0	16,1	26,4
Служащие	6,7	6,4	12,1	27,6	26,4
Рабочие	29,8	31,9	26,6	16,1	5,8
Интелиг. проф. . .	1,1	1,2	5,9	2,3	2,3
Безработные . . .	2,8	2,6	1,2	—	19,6
Прочие	8,1	17,3	17,9	31,7	13,7

Относительно обследованных преступников 1923 года показаны их дореволюционные занятия, а под рубрикой „после рев.“—занятия их во время совершения преступления

С точки зрения их профессий мошенники выходят обычно „из рядов собственников и мелких торговцев“, говорит Ляски; в дореволюционных данных мы находим частичное подтверждение этого тезиса. Как и в предыдущих таблицах мы видим относительно очень слабые изменения социального состава мошенников в 1903 году сравнительно с 1883 г. В следующем десятилетии сократилось число крестьян и довольно значительно возросло число служащих и лиц интеллигентных профессий; сопоставляя это с указанным выше повышением процента грамотных и лиц, получивших среднее и высшее образование, можно отметить, что эти данные довольно хорошо согласуются между собой, и об‘яснить изменение социальных группировок теми же факторами, которыми мы об‘яснили изменения степени образования: ростом торговой и промышленной жизни, связанной с обострением борьбы за существование, особенно в городах, где, очевидно, по преимуществу и находились „служащие“ и „лица интеллигентных профессий“.

Что касается преступников 1923 года, отметим прежде всего в дополнение к вышесказанному, что около половины их жило в Москве до совершения преступления 5 и более лет, следовательно, это исконное городское население и поэтому понятен малый процент занимавшихся сельским хозяйством до и после революции. Бывшие „хозяевами“ во время

совершенія преступления большей частью были таковыми и до революции (из 14 осталось 11). Служащие остались почти в той же численности и проценте; однако внутренний состав их изменился: из 23 „служащих“ во время совершения преступления были таковыми до революции лишь 9, остальные оказались теперь частью безработными, частью в иных группах; пополнилась же группа „служащих“, бывшими до революции рабочими—3, военнослужащими - 6, учащимися—4. „Рабочие“ были до революции „рабочими“ и „служащими“; значительная же часть дореволюционных рабочих оказалась ныне „хозяевами“ и „служащими“. Бывшие в момент преступления „безработными“ принадлежали до революции к служащим. Среди дореволюционных „прочих“ 14,9% военнослужащих и 13,8% учащихся; среди „прочих“ во время совершения преступления военнослужащих—4,6%, учащихся—3,4% (по всему числу обследованных).

Социальные и правно-политические факторы выступают здесь необычайно резко. Рабочий класс, став у власти, понизил свою преступность в рассматриваемой области против довоенной в 4½ раза. К тому же рассматриваемые преступники совершали свои преступления в Москве, а 26,6% рабочих в 1913 году относится ко всей России, следовательно, понижение надо считать много сильнее. „Хозяева“ остались верными себе: они почти не перешли в другие группы, пополнились новым элементом и вместе со служащими составляют более 50% всех современных мошенников. Очевидно, это—группа социально-опасных, неужившихся с новым строем элементов, мошенничающих не из крайней нужды, но для приобретения некоторого достатка. Процент лиц интеллигентных профессий оказался в Москве в 2½ раза ниже, чем в 1913 году по всей России. Это об‘ясняется, очевидно, тем, что под этой рубрикой в 1913 году разумевались свободные профессии: адвокаты, врачи и пр., а этих последних, как таковых в настоящее время немного—все они попали на службу и должны бы числиться в графе „служащих“, чего однако нет: среди современных служащих только один бывший „интеллигент“. Видимо, явление это об‘ясняется или неполнотой обследования или действительным понижением

этого вида преступности среди данной социальной категории.

Где мотивы, толкнувшие этих людей на путь преступления, и каково их отношение к своему поступку? Необходимо отметить прежде всего, что около половины всех опрошенных отрицают приписываемое им преступление. Среди другой половины наблюдается некоторое различие между первичными преступниками и рецидивистами. В первой группе около половины мотивируют свое преступление нуждой; половина их раскаивается в совершенном, меньшинство оправдывается, остальные относятся безразлично. Это, повидимому, довольно серая обывательская масса, о большей части которой обследователи затрудняются дать заключение и лишь о некоторых отмечают—„случайный элемент в арестном доме“, „считаю совершенное преступление случайным“. Другая половина сознающихся мотивирует совершенные ими преступления весьма разнообразно: здесь есть и заявления о сделанном „с целью наживы“, „для поступления на службу“, „по семейным обстоятельствам“, „по легкомыслию“, „эгоистический“ (?) и т. д. В этой группе оказывается уже только треть живших во время совершения преступления бедно, остальные средне или богато (один). Из четырнадцати человек этой категории пять раскаивающихся, остальные оправдываются, относятся безразлично, один гордится. О большинстве из них тоже нет отзыва обследователей, двое вызвали у последних сомнение в правдивости и искренности своих ответов, об одном прямо отрицательный отзыв. В обоих этих группах почти нет торговцев и преимущественный состав их – служащие, безработные, рабочие, учащиеся.

Вторая половина первичных преступников отрицает совершенное ими. В то время как среди сознавшихся в среднем две трети жило бедно, среди отрицающих—бедных треть; остальные жили средне или богато. В этой группе торговцы составляют около 25%, учащихся и рабочих нет вовсе.

Обращаясь к рецидивистам, видим, что также, как среди первичных преступников, отрицавших свою виновность, две трети их жило богато или средне. Девять из тридцати человек мотивируют свое преступление нуждой; мотивы про-

чих—„по привычке“, „с целью обогащения“ и т. д. Немногие из них раскаиваются. В то время, как о первичных преступниках отзывы имеются менее, чем об одной четверти—о рецидивистах есть мнение обследователя в 50 процентах всех опрошенных. Из 15 отзывов тринадцать отрицательных: „впечатления бывалого человека, очень неприятно, прошедшего огонь и воду“, „впечатление самое отталкивающее“, „впечатление профессионального мошенника“, „ловкий жулик, чувствуется, что подобные преступления совершал неоднократно“, „впечатление человека, побывавшего во всех переплетах жизни, но духом не упавшего“, и т. д. Неизвестно, конечно, насколько в этих отзывах играло роль личное предубеждение обследователя, знавшего, что имеет дело с рецидивистом, однако, видимо, „профессиональный отпечаток“ все же на лицо.

В общем сравнительно лишь небольшая часть мошенников стала таковыми из нужды, по крайней мере острой.

В прошлом большинство из них (около 90%) выросло в родных семьях, и в настоящем, хотя около половины их женато, лишь одна треть имеет детей, что также подчеркивает, что мы имеем дело не с преступностью из крайней нужды.

Вульфен, отыскивая в психологии мошенника „общие черты человеческого образа, а не только выделяющие их особенности“, устанавливает в деятельности мошенников проявление притворства, частицу которого мы все имеем и обнаруживали в повседневной жизни. Многие люди и, может быть, большинство имеют потребность и склонность казаться людям иными чем они есть в действительности. Тут, вероятно, кроется определенная необходимость. Если бы каждый человек являлся каждому таким, каков он есть на самом деле, то, обнаруживая свои инстинкты, он мог бы легко потерпеть ущерб, упустить удобный случай, т. е. он медленно двигался бы вперед по жизненному пути. Как бы отзвук этого взгляда мы находим в следующем отзыве обследователя о некоем мошеннике „без определенных занятий“: „производит впечатление человека в высшей степени осторожного, боится проронить лишнее слово, внешне выглядит

полуинтеллигентом, хотя при опросе не обнаруживает ни малейшего развития".

Рядом с притворством большую роль среди факторов мошенничества играет, по мнению Вульфена, фантазия. Первоначальный источник ее—то же стремление казаться лучшим, привлечь к себе интерес, внимание и одобрение, преувеличивая и раскрашивая совершенное и виденное, подобно охотникам, туристам и т. д. Постепенно человек сам начинает верить в то, что он рассказывает и передает, в его голове создается сказочный, фантастический мир, стоящий в противоположности с той прозаической действительностью, которая его окружает; шаг вперед—и он стремится реализовать этот мир, претворить мечту в бытие и зачастую незаконным путем. Деятельность мошенника оказывается близкой к деятельности актера; последний черпает материал для игры из текста роли; первый из собственной фантазии. Внешними проявлениями этого являются: „трогательная доброжелательная мимика, открытый честный взор, обольстительная любезность, приятная речь, ловкие движения, вся манера держаться со своей убедительной самоуверенностью". В таких же, приблизительно, выражениях описывает мошенника и Ляски, указывая, что все эти качества „доставляют им симпатии и доверие, в котором они часто нуждаются". Среди кратких заметок наших обследователей, мы, однако, находим кое-что близкое к вышесказанному: „производит впечатление искреннее, но он артист и много позирует так, что трудно выяснить правдив ли он или нет, свободен и развязен", „пытается войти в доверие, несколько шокирован разговором о своей честности". В добавление к этому можно отметить, что среди ответов на вопрос о влечениях заключенных, страсть к театру отмечается приблизительно у 13 из 30, от коих имеются ответы на этот вопрос. Эта цифра много превышает другие влечения, как, например, страсть к картам (вопреки утверждения Ляски о 45 процентах игроков среди мошенников), нарядам, трактирам и т. д. С другой стороны около 6% заключенных составляют настоящие или бывшие актеры или вообще люди, работа которых протекала в непосредственном соприкосновении со сценой или ареной. Таким образом блед-

ные черты родового типа проступают и в довольно серой и аморфной массе подвергшихся обследованию.

Мотивы притворства, игры, и фантазии ярче всего проявляются в тех случаях, когда мошенник выступает в роли фиктивного лица, в качестве представителя профессии, наиболее подходящей для совершения своего преступления. „Игра" дополняется здесь такими атрибутами и аксессуарами как военный мундир, фрак дипломата, ряса священника, форменный костюм чиновника и т. д., на помощь приходит визитная карточка с громким титулом или высокой должностью, подложные документы и т. д., и т. д. В литературе описаны случаи, когда такие лже-врачи, дипломаты, офицеры и т. п. морочили публику довольно долго и извлекали из своего занятия порядочную выгоду. Нам не встретилось столь выдающихся дел среди совершенных обследованными заключенными, но впрочем два небольших намека на мошенническую деятельность подобного порядка можно отметить: один „написал себе подложное удостоверение на имя Кругеля из „Игроков" Гоголя", другой обвинялся в присвоении власти должностного лица, не будучи таковым в действительности. Замечательно, что оба заключенные—актеры.

После вышесказанного становится ясно, что к отзывам о „внушающих к себе доверие мошенниках и производящих впечатление честных и искренних людей", приходится отнестись с некоторым недоверием.

Поскольку завоевание доверия и симпатии своих жертв является вопросом успешности работы мошенника немудренно, что большинство из них являются общительными, живыми, разговорчивыми людьми, энергичными в своих действиях, решительными в своих поступках. Это отмечают и анкетные данные и литература: „Настоящий мошенник сангвиник, его психомоторные нервы постоянно продолжают свою игру и нуждаются в возбужденной, повышенной деятельности. Таким образом часть вымышленного представления выливается в эту огромную потребность деятельности органов речи. В заметках обследователей также неоднократно встречаются указания на словоохотливость обследованных.

Ляски, ссылаясь на Ферри, сообщает, что 12% мошенников смеются над своими преступлениями. Вульфен говорит, что „с древних времен мир стремится быть обманутым. Мошенник обманывает мир и этим наказывает его за его собственную слабость". С другой же стороны то, что придает нам необычайную окраску, редкое, удивительное, поразительное, сенсационное, причудливое, действует убедительно и пробуждает интерес. В анкетах мы видим, в чем выражается деятельность современного повседневного мелкого мошенника. К сожалению, сведения о существе мошенничества имеются только в 49 анкетах. Документы все житейские, обыденные, имеющие своим назначением дать своему обладателю возможность проехать по железной дороге, поступить на службу, есть среди них и как бы анахронизм: подложная карточка на хлеб, такая же учетная карточка на лошадь.

Второй по численности группой преступления является подделка всевозможных товаров. Из них на первом месте стоят папиросы; непомерно разросшаяся торговля ими, неисчислимое количество сортов и марок их, создают благоприятную почву для фальсификации их, что и представляло, видимо, легкий заработок. За папиросами идут „куклы", штуки ткани, где материя лишь снаружи, свертки бумаг вместо денег, продажа стекла вместо бриллиантов, меди за золото и т. д.; плоды усиленной рыночной жизни, стремления „заработать" на чем бы то ни было, и прежде всего на неопытности, доверчивости и растерянности покупателя.

„Могли ли бы Вы мне сказать, где начинается и где кончается коммерческая честность? Лихорадка наживы, которая толкала нас обманывать, толкала наши жертвы быть обманутыми", цитирует Ляски слова одного мошенника на суде. Немудренно, что рынок сферы применения принципа „не обманешь—не продашь" становится и ареной мошенничества.

Л. Скляр.

Самогонщики.

За последние годы едва ли не первенствующее значение среди привлекаемых и осужденных стали занимать, наряду с ворами, лица, осужденные по 140 ст. Уголовного Кодекса, так называемые самогонщики.

„Самогонщики“ и „самогонка“—термины сравнительно недавнего происхождения.

В связи с запрещением продажи спиртных напитков, последовавшем по об'явлении войны с Германией и Австрией в 1914 году, появились лица, занявшиеся очисткой спиртосодержащих веществ (лак, политура, денатурат), но тогда они назывались „ханжисты“, ибо очищенный от примесей напиток, получил название „ханжи“.

Революция и гражданская война с уничтожением правильного товарооборота и переход к натуральному хозяйству на время задержала тайное винокурение. Но улучшение положения крестьян, избыток хлеба, который вследствие блокады нельзя было реализовать на внешнем рынке, а внутренний—не давал соответствующего эквивалента, обратили излишек хлеба на выгонку из него спирта, и самогонку стали выгонять в каждой деревне России.

Правительство не могло остаться безучастным зрителем, как спаивается крестьянское население. С самогонкой начинается борьба. Правда, Уголовный Кодекс уже в первой его редакции имеет 140 ст., карающую за тайное винокурение.

Но карательная санкция этой статьи пока мягкая—только *принудительные работы* на срок *не* свыше года с конфискацией *части* имущества.

Таким образом, при составлении Уголовного Кодекса не угадывалось возможное развитие тайного винокурения, получившее впоследствии такое развитие в виде выгонки спирта

из хлеба и из сахара (в городах). Но уже через два месяца после введения Кодекса в действие, специальным циркуляром Наркомюста № 77 предписывается относиться к самогонщикам решительно и сурово, применять наряду с наказанием по 140 ст. Уголовного Кодекса еще денежное взыскание, согласно ст. 50 Уголовного Кодекса, а также высылку согласно ст. 49 Уголовного Кодекса.

Президиум Московского Совнарсуда в заседании 19 сентября 1922 г. постановил „для целей единой и твердой карательной политики" организовать особые камеры по делам об изготовлении или продаже самогона, причем признал необходимым применять к самогонщикам, уличенным в сбыте, кроме ст. 140 Уголовного Кодекса, еще и ст. 139 того же кодекса, карающую уже не принудительными работами, а лишением свободы на срок не ниже 6 месяцев.

Кроме того, Президиум Совнарсуда возбудил вопрос перед Наркомюстом об увеличении карательной санкции по ст. 140 Уголовного Кодекса до одного года лишения свободы.

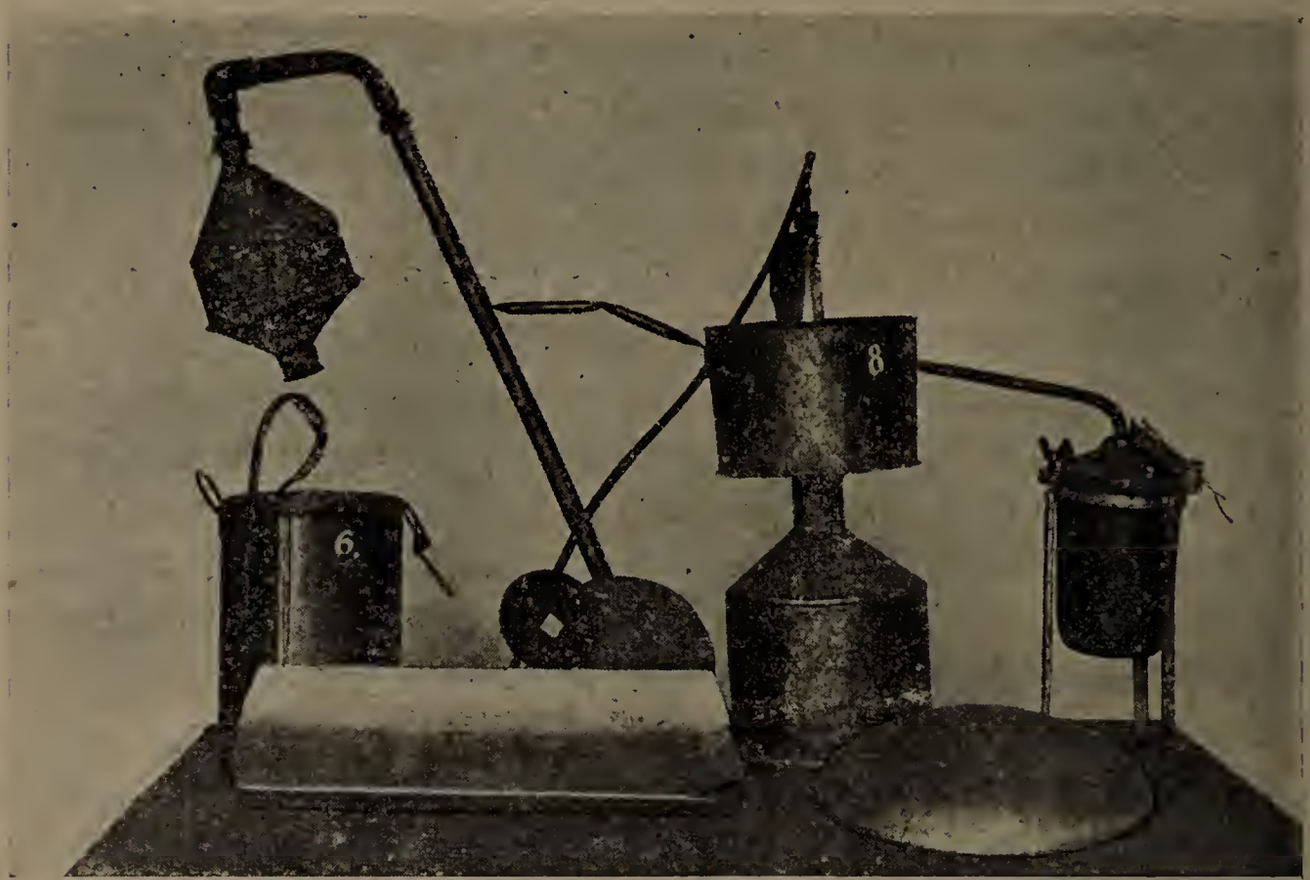
Это после того, как выгонка самогонки стала настолько значительным явлением, что стала заметна невооруженным глазом, т. е. даже без статистических выводов, что количество торгующих и изготовляющих самогонку буквально стало расти не по дням, а по часам.

И действительно, по данным милицейской статистики в Москве в 1921 году было 1352 заявления об изготовлении самогона и продаже спиртных напитков, а в 1922 году таких заявлений поступило 15406, т. е. увеличилось на *тысячу сорок* процентов [1]).

Для успешной борьбы с самогонкой решено было усилить репрессию. Наркомюст внес в IV сессию ВЦИК IX созыва соответствующий проект и последней была принята новая редакция 140 ст., согласно которой наказание определялось уже не принудительными работами, а лишением свободы на срок *не ниже* одного года с конфискацией части имущества; в отношении же рецидивистов наказание определялось новой

[1]) Е. Ковалев; „Преступления по Москве в 1922 г." „Известия Отдела Управления Моссовета" № 23/166 от 2-го марта 1923 года.

ст. 140-а Уголовного Кодекса со сроком лишения свободы не ниже 3-х лет с конфискацией всего имущества.



Аппарат для тайного винокурения.

Аппарат для тайного винокурения.

Об'явленная до изменения редакции 140 ст. Уголовного Кодекса амнистия к V годовщине Октябрьской Революции не коснулась осужденных за изготовление с целью сбыта и за самый сбыт самогонки, и поэтому все ранее осужденные должны были отбыть свой срок.

И, несмотря на огромное количество женщин, осужденных за это преступление, и переполнение ими мест заключения, даже специальная „женская" амнистия ко дню работниц 5 марта 1923 года обошлаэту группу осужденных, ибо инструкцией Главного Управления местами заключения прямо было предусмотрено в п. 5, что к категории *безусловно не* подлежащих освобождению относятся те, „освобождение коих *определенно* связано с опасностью для *государственного строя и порядка*—в частности, приговоренные за самогон".

Поэтому вполне понятным станет, что арестные дома были переполнены этими преступниками, тем более, что организованные специальные камеры по делам о самогонщиках действовали быстро и решительно.

Так за первых два месяца их существования, в камеры поступило 1735 дел, по которым осуждено 1168 человек [1]), из них 569 к лишению свободы [1]).

Это при применении старой редакции 140 ст. Уголовного Кодекса, а с применением новой „борьба с самогоном примет еще более решительный характер", пишет автор статьи, откуда взяты приведенные выше цифры [1]).

Кто же эти преступники, угрожающие государственному строю и порядку, с которыми ведется решительная борьба?

Уже первое впечатление, в особенности от заключенных женщин, показало при обследовании арестных домов, что в данном случае мы имеем дело не с обычным типом преступника... На опрос являлись женщины бедно, но аккуратно одетые, с налетом домовитости на всем облике. Изможденные лица и впавшие глаза говорили о нерадостной и трудной жизни. При опросе, в противоположность некоторым другим категориям преступников, держались спокойно, не бахвалясь отвечали на вопросы, и только вопросы о семейном положении

[1]) Д. Князев. „Два месяца работы особых камер народного суда по делам о самогонках в Москве" „Пролетарский Суд" № 2—3 за 1922 г.

или о причинах, побудивших к преступлению, волновали и вызывали слезы.

Сразу чувствовалось, что эти заключенные не из числа попавших из притонов, ночлежек и т. п., а те, кто чаще всего встречается в рабочих районах Москвы, составляя его основное население. Так из числа самогонщиков, до совершения преступления проживало:

	мужч. к общему числу в %%.	женщ. к общему числу в %%.
До 6 месяцев	16,7	7,4
От 6 мес. до года	6,0	3,2
От 1 года до 5 лет	18,5	13,8
От 5 лет до 10 лет	13,3	18,0
Свыше 10 лет	42,9	55,5
Неизвестно	2,6	2,1

Из этой таблицы видно, что 56% мужчин, а женщин 73%, т. е. свыше 1/2 всех обследуемых проживали до совершения преступления свыше 5 лет в Москве.

Особенно выявляется, что самогонщики принадлежат к коренному населению из сравнения с другими группами преступников, обследованных в то же время:

Группы	прож. до 6 мес. в %% к общ. числу.	прож. свыше 5 лет в %% к общ. числу
Воры	23,9	46,2
Грабители и бандиты	26,8	44,92
Самогонщики	11,6	65,7
Мошенники	16,8	37,3

Таким образом мы видим, что действительно самогонщики в подавляющем своем большинстве составляют коренное население, в отличие от других групп преступников.

И если мы знаем из литературы и по личным наблюдениям, что социальный тип вора—лицо, не имеющее не только определенных занятий, но и определенного места жительства, то тем больший интерес должна возбудить та группа преступников, которая принадлежит к оседлому населению, и которая, как показывают данные обследования, чуть ли не в целом представляет людей, впервые впавших в преступление.

Так лица, впервые осужденные, составляли в группе

воров. . . . . 58,5% общего числа
грабителей. . . . . 67,8% „ „
самогонщиков . . . . . 78,5% „ „

Но, если и попадаются лица судившиеся и ранее, то очень интересным является то обстоятельство, что если среди воров 22,5% общего числа составляют уже имеющие 1 судимость, среди грабителей 17,5% то у самогонщиков лишь 15,1%. И еще резче это различие подчеркивается тем, что имеющих по 2—3 приговора в группе:

воров оказывается 10,3%
грабителей 12,1%
и самогонщиков. 5,8%

И уже совсем незначительный процент самогонщиков в группе лиц, имеющих от 4—7 судимостей:

воров. 6,7%
грабителей 1,6%
самогонщиков. 0,6%

Но большего количества прежней судимости уже группа самогонщиков не знает, в то время как лиц, имеющих 8 и более прежней судимости, имеется в группе воров 2%, а среди грабителей 1%.

Таким образом мы видим, что в массе это не преступный элемент, впервые попадающий на скамью подсудимых.

Интересным поэтому является выяснить, в каком возрасте совершается первое знакомство этой категории со скамьей подсудимых.

На это дает ответ следующая таблица:

возраст	мужч.	%% к общ. числу	женщ.	%% к общ. числу.
14—15	1	0,4	1	0,4
16—17	1	0,4	5	1,7
18—19	15	6,4	9	3,2
20—24	21	9,0	26	9,2
25—29	51	21,9	42	14,8
30—39	32	35,2	72	25,4
40—49	40	17,2	77	27,2
50—59	17	7,3	30	13,8
60 и выше	3	1,3	9	3,3

Эта таблица подчеркивает, что свыше половины „самогонщиков“ в возрасте старше 30 лет и буквально единицы молодых, в особенности несовершеннолетних. Конечно, отчасти это об'ясняется свойствами самого характера преступления: ведь для занятия торговлей или изготовлением самогонки, особенно в последнем случае, нужно иметь место для изготовления и хранения, а это возможно при скученности населения только для лиц, занимающих самостоятельные квартиры, хотя бы из одной комнаты или во всяком случае являющихся владельцами изолированного помещения. Ясно, что это может иметь только глава семьи, а те несовершеннолетние, которые попали в число обследуемых, являются не самостоятельными в этом промысле, а действующими по указке взрослых.

Поэтому, если несовершеннолетние в группе воров составляют 10,9%, а в группе бандитов и грабителей 7,7%, то у самогонщиков только 1,5% и, наоборот, если лица в возрасте свыше 40 лет составляют в группе воров и бандитов почти одинаковый процент 6,1 и 6,6, то эта возрастная группа самогонщиков составляет 35,9%.

Наше время молодежи, когда она оказалась в состоянии идти в ногу с нашими новыми условиями жизни. Более пожилым трудно было от равномерного, заранее определенного уклада, перейти к быстрому темпу жизни, когда занятия или профессия меняются чуть-ли не каждый месяц. Вот почему наиболее спокойное и доходное занятие — торговля самогонкой. Затем необходимо отметить, что здесь играют роль также известные этические взгляды. Изготовление или продажа самогонки не преступление с точки зрения широких обывательских масс. Это ведь не воровство: „сама деньги за сахар платила“.

И характерно, что большинство осужденных за самогонку так и смотрит на свое преступление. Это один из видов торговли, нелегальный только в такой же степени, как торговля яблоками или другими предметами в разнос без выборки соответствующего разрешения.

„Была бы служба, этим бы не занимались“ — общий голос самогонщиков.

И это не спекуляция на доверии, но факты обследования подтверждают об'ективную правоту их.

Поэтому необходимо ознакомиться с социальными чертами самогонщиков.

Большинство самогонщиков, 92% мужчин и 82,1% женщин, получили воспитание в родной семье.

По социальному положению эти семьи принадлежат в подавляющем большинстве к крестьянам, что видно из следующей таблицы:

	Получило воспитание.		
Социальное положение семьи:	мужч. в %	женщ. в %	обоего пола.
рабочая	27,1	20,7	23,9
крестьянская	62,0	69,2	65,6
торгово-промышленная	4.7	3,3	4,0
интеллигентная	2,6	2,4	2,5
неизвестно	3,6	4,4	4,0

Главным образом, самогонщики по присхождению крестьяне и рабочие, совсем незначительный процент тех, чьи родители были торговцами, а интеллигентов совсем мало. А между тем, среди убийц, по данным обследования, установлено, что 20% женщин и 10,5% мужчин получили воспитание в интеллигентной семье.

Также любопытно, что если средний процент для самогонщиков, получивших воспитание в торгово-промышленной семье, то у воров и бандитов этот процент вдвое выше: у воров в среднем 8,5%, у бандитов 9,8%.

После этого крайне интересным является выяснение вопроса, какое образование получили самогонщики.

На это дает ответ следующая таблица:

какое получили образование:	мужчины в %	женщины в %	обоего пола:
неграмотны	9,4	55	33,2
низшее образование	80,7	42,6	60,8
среднее	8,3	2,4	5,2
высшее	1,6	—	0,8

Таким образом мы видим, что среди мужчин самогонщиков свыше 80% получивших только низшее образование,

а более половины женщин самогонщиц просто неграмотны. Лиц же с высшим образованием среди самогонщиц вообще нет, а среди мужчин—незначительный %—1,6, понижающийся по отношению к общему числу самогонщиков до 0,8%.

Между тем среди убийц лиц с высшим образованием мужчин 15%, а к общему числу 10%.

Вообще самогонщики получили наименьшее образование по сравнению с остальными группами преступников.

Так неграмотных было среди

	мужч.	женщ.	обоего пола
воров	13,8	34,9	16,4
бандитов	9,6	15,4	10,3
убийц	30	40	33,3
самогонщиков	9,4	55	33,2

С низшим образованием:

	мужч.	женщ.	обоего пола
воров	75,5	55,6	73,0
бандитов	89,3	69,2	86,2
убийц	25	50	40
самогонщиков	80,7	42,6	60,8

и со средним:

	мужч.	женщ.	обоего пола
воров	10,5	9,5	10,4
бандитов	—	15,4	1,9
убийц	20	10	16,7
самогонщиков	8,3	2,4	5,2

Из этих таблиц мы видим, что значителен процент неграмотных среди женщин самогонщиц. А это обстоятельство является весьма существенным, если принять во внимание то, что среди лиц, привлекаемых за самогонку, подавляющее число составляют женщины. Если вообще взять женские группы, то всюду самогонщицы будут на последнем месте.

Таким образом мы устанавливаем, что, во 1-ых, подавляющее большинство самогонщиков по происхождению вышли из класса крестьян и рабочих и, следовательно, не являются классовыми врагами пролетарской республики, и второе, что по полученному образованию они вряд ли могли от этого класса оторваться.

Правильность последнего утверждения выявляется в нижеследующих таблицах, в которых мы проследим социальное положение самогонщиков до Октябрьской революции и во время совершения преступления.

До Октябрьской революции были:

	мужч. в %	женщ. в%
самост. хозяевами в сельском хозяйстве . .	4,3	5,3
хозяевами в других видах занятий (в том числе в отношении женщин домашн. хоз).	8,2	8,8
на военной службе в комсоставе . . .	2,1	
без определенных занятий	3,0	6,4
Итого .	17,6	20,5

	мужч.	женщ.
Рабочих было . .	9,5	40,9
Служащих. . . .	18,5	23,0
Рядовых в армии .	14,6	—
Итого . .	42,6	63,9

Учащихся было мужчин 5,2 и женщих 3,9%, а лиц интеллигентных профессий, как среди мужчин, так и женщин, всего 0,4%.

Таким образом мы видим, что не только по происхождению, но и по работе и профессии до Октябрьской революции, самогонщики в массе принадлежат к трудящимся. Таковыми же они остались ко времени совершения преступления.

	мужч.	женщ.
Хозяев было:		
В сельск. хозяйстве.	4,7	2,8
В других видах хозяйства.	16,7	9,2
Комсостав. . . .	0,4	—
Без определенных занятий.	7,3	16,6
Итого . .	29,1	28,6.

Увеличение процента группы хозяев после революции об'ясняется сильным увеличением числа лиц без определенных занятий, ибо у них самогонка и стала определенным занятием. Особенно это показательно, если посмотреть на % женщин этой категории.

Но не следует смешивать эту группировку с деклассированными элементами. Такие тоже оказались в результате социальных бурь и гражданской войны.

Среди мужчин они составляют 1,3%, а среди женщин 0,7%. Трудящихся же, попавших на скамью подсудимых за самогон, оказалось:

	Мужч.	Женщ.
рабочих	23,6	20,5
служащих.	9,9	4,2
красноармейцев.	1,3	—
Итого . . .	34,8	24,7

Если к этому числу прибавить безработных, которых составляют:

	Мужч.	Женщ.
состоящие в профсоюзе . . .	11,9	8,5
не состоящие в профсоюзе . .	22,3	23,7
Итого	34,2%	32,2%

то получим, что действительно трудящихся во время совершения преступления было—мужчин 69%, а женщин 56,9%. Меньший процент трудящихся у женщин сравнительно с мужчинами об'ясняется тем, что женщины, занимающиеся домашним хозяйством, зачислены в группу хозяев.

Таким образом, мы видим, что подавляющее большинство самогонщиков происходит из трудового населения, было им до Революции и осталось им во время совершения преступления.

Спрашивается, что же толкало эту массу на преступление? Самогонщики отвечают: тяжелые жизненные условия, необходимость улучшить материальное положение, невозможность иными путями выбиться из нужды, это, по их мнению не преступление, а на преступление идти не хотели.

Вот отдельные выдержки из рассказов, как они „дошли до жизни такой“:

„жили до последнего времени ничего, мужа сократили и пришлось“... „была портнихой в Москвошвее—мастерскую закрыли, частной работы нет, биржа не помогает, ребенок и муж-инвалид“... „пока были пайки, перебивались, но жили... а теперь, деньги выдают неаккуратно, все дорожает, нет другого выхода...“

Так ли в действительности обстоит дело? На этот вопрос дают ответ цифры.

Уже из последней таблицы видно, что безработных среди мужчин было 34,2, среди женщин было 32,2. Т.-е. ровно *треть* среди самогонщиков безработные, этот фактор уже сам по себе показателен. Но особенно он ясно выявляется, если указать, что среди мужчин самогонщиков, знающих ремесло оказалось 57,5%, а среди женщин только 33%, т. е. половина мужчин, и *две трети* женщин *не знают* никакого ремесла.

Теперь становится понятным, как трудно этим людям добывать средства к жизни; понятным становится, что отсутствие специальности понижает их заработок, и, следовательно, даже служба не может дать им достаточных средств к жизни, а малейшая неаккуратность в выплате заработной платы, при безудержном падении ценности совзнаков, создавала катастрофу.

Еще хуже, следовательно, положение такого лица, когда оно, по сокращении штатов, особенно жестоко проведенное после НЭП'а, остается и без этой работы и, не имея специальности, должно очень долгое время числиться безработным.

И очень характерным является, что в общей массе самогонщиков группа безработных, не знающих ремесла, составляет среди мужчин 36,6%, а среди женщин 32,9%, в то время как знающих ремесло мужчин 31,6%, женщин 34,8%.

Если теперь к этой технической неподготовленности к жизненной борьбе прибавить семейные условия, то мы увидим, что щупальцы экономической безисходности пробираются все глубже и глубже... Для этого мы возьмем те же социальные группировки, которые мы брали раньше, т. е. хозяев, рабочих, служащих, безработных и домашних хозяек.

Что же оказывается? Что самую многочисленную группу, как среди холостых, так и среди женатых, разведенных и

вдовых составляют безработные. У мужчин безработные составляют 37,7% группы холостых, 33,1% группы женатых, 33,7% вдовых и 28,5% разведенных, по существу тех же вдовых, лишенных хозяек, могущих присмотреть за детьми.

Среди женщин та же картина. Безработные составляют среди девиц—32,5%, замужних—31,6%, вдов—28,5% и разведенных—33,7%. Ровно треть каждой группы составляют безработные, а необходимо вспомнить, что знающих ремесло женщин всего только треть, и поэтому понятным становится полный трагической иронии ответ одной опрашиваемой, которая на вопрос, почему она стала гнать самогонку и неужели она, будучи одинокой, не нашла другого выхода, ответила: „хотела избавиться от улицы, от легкого заработка проституцией, ан докатилась до тюрьмы".

И действительно, при незнании ремесла, отсутствии, следовательно, специальности, что могут делать, в силу прежнего уклада, экономически более слабые и без навыков к жизненной борьбе женщины—или заниматься проституцией или идти на заработок, легальный с точки зрения широких масс населения. „Сама за сахар деньги платила"... недоуменное замечание большинства на вопрос, почему они не считают выгонку и торговлю самогонкой преступлением. Это то же, что и торговля яблоками и папиросами. Нажива здесь понимается как заработная плата за труды, понесенные при изготовлении самого напитка.

И если одинокая женщина спасается от проституции, занимаясь самогонкой, то замужние и вдовы вынуждены это делать в силу своего семейного положения—обремененности семьей.

В самом деле. Только 32,9%, т. е. треть среди замужних не имеет детей, но четверть 22,4% имеет 2—3 ребят, 17,1% имеют 4—5 и более детей. Понятно, что прокормить такую семью, да еще при наличии инвалида или безработного, задача большой трудности.

И очень характерно, что если мужчина идет на это преступление, то только из-за семейного положения. Ибо из числа женатых, осужденных за самогон, только 13,7% не

имеют детей, зато 30,2% имеющих одного ребенка и 30,9% имеющих 2—3 ребят.

К этому необходимо добавить, что женатые составляют 73% всех мужчин, привлеченных впервые за самогон, и 85,7% рецидивистов. Но наиболее яркую картину влияния экономических условий, создавшихся вследствии семейного положения, дают вдовы. Они составляют 37,8% всех женщин, привлекаемых впервые и 42,1% привлекаемых вторично. Уже само увеличение процента вдов среди рецидивисток-самогонщиц, доходящее почти до половины всего состава, показывает, что это наименее стойкая группа.

Анализ семейного положения этой группы показывает ясно причины ее нестойкости. Только 18,8% не имеют детей, но 35% их имеет от 2—3 ребят и 17,5% имеют 4 – 5 и более ребят.

Таким образом, мы видим сильную обремененность семьей, при отсутствии мужской поддержки. Затем надо отметить, что наибольшую возрастную группу составляют среди вдов лица в возрасте от 40—50 лет, которых—37,5%; 20% от 50—60 лет и 10% старше 60 лет и незначительный процент молодых: от 20—24 лет 1,3% и от 25—30 лет 8,7%, т. е. 90% всех вдов старше 30 лет. Попутно можно отметить, что 50% вдовцов в возрасте от 40—50 лет и 50% в возрасте свыше 60 лет, т. е. в таком, когда они уже дряхлы.

Теперь становится убедительным об'яснение самогонщиков, что только нужда, а не желание легкой наживы или желание пороскошествовать, толкнули их на это преступление. Ведь, действительно, если взять к примеру вдов, вспомнить, что одна треть их не знает ремесла, что свыше половины их в возрасте от 40—60 лет, что больше половины имеют одного ребенка, то невольно приходишь к выводу, что действительно другого пути у них нет, ибо на торговлю у них капиталов нет и не могут они кроме того, оставлять дома ребят. „И выгонка самогонки легкое—для нашей сестры дело", говорят самогонщицы, „заквасила, а там она сама течет, только и смотри, чтобы воду переменить, да примус не погас".

Точно также понятным становится отмеченное в одной из первых таблиц, что свыше половины самогонщиков, в воз-

расте свыше 30 лет. Более молодые не имеют семьи и даже холосты, они могут пробиться, а вот пожилым, семейным и незнающим ремесла и безработным некуда ткнуться в поисках заработка.

Для полноты очерка необходимо отметить, что самогонщики в целом не страдали душевными болезнями и не имеют наследственного предрасположения к ним. Что же касается употребления алкоголя, то среди мужчин 50% злоупотребляющих, а женщин всего 22,2%, но он ниже чем в других группах. Так у бандитов злоупотребляющих алкоголем—76,2%, у воров—69,7% и у убийц—50%.

Таким образом и с этой стороны нет особых отклонений от нормальных не преступных людей. Но если процент злоупотребляющих выше, чем у не преступного элемента, то это об'ясняется, конечно, и тем, что при работе по изготовлению самогона, его, конечно, самогонщики пьют чаще и легче, чем лица вынужденные специально покупать напиток.

Закончим мы указанием еще на один момент. Это—совершено ли преступление единолично или в соучастии.

Среди лиц, привлеченных в первый раз за самогонку, 52,4% мужчин и 58,6% женщин совершили преступление единолично и 45,7% мужчин и 71,4% женщин рецидивисток совершали преступление единолично. Тут обращает на себя внимание увеличение % при рецидиве и это вполне понятно. В первый раз они неопытны и учатся совершая преступление совместно. А затем вынужденные вновь к нему прибегнуть, уже знают, как надо выгонять самогонку, а также, что это занятие нужно по возможности скрывать и совершают его поэтому единолично.

Совершенно иное получается у других преступников. Там, наоборот, при рецидиве увеличивается процент соучастия, ибо в тюрьме знакомятся, заводят связи и, кроме того, совершение бандитских нападений или убийство само по себе требует соучастия.

Так, если процент совершенных убийств мужчинами в соучастии выражается при бандитизме 64,3%, то при рецидиве этот процент повышается до 80%, а для женщин еще

более характерно, при первом случае—22,2%, а при рецидиве все 100% в соучастии.

К каким же мы выводам приходим в результате ознакомления с данными обследования?

Прежде всего, что масса самогонщиков не классовые враги нашей Республики. Что они плоть от плоти и кровь от крови тех же крестьян-рабочих, которые стоят у власти. Что же их толкает на преступление? Неподготовленность к жизненной борьбе.

Они давно живут в Москве, но пока жизнь шла своим нормальным ходом, без потрясений, они, имея службу, могли сводить концы с концами.

Революция и гражданская война, обесценение бумажных знаков и отсутствие продукта, переход к натуральному обмену и поездки для получения продуктов на места—все это понемногу выкачивало из скудного имущества одну вещь за другой.

В результате с НЭП'ом этот слой пролетариата оказался наиболее имущественно подкошенным.

Как поправить дела, как накормить семью, при том, что жалованье недостаточно, выдается неаккуратно, а деньги дешевеют с каждым часом? Ремесла они не знают, значит труден побочный заработок, другой работы, в силу своей неразвитости, они найти не могут. Ведь не надо забывать, что свыше половины женщин безграмотны, а 80% мужчин только с низшим образованием, т. е. умеют подписать фамилию.

А, между тем, жить надо. Почти у каждого на руках семья, а у одиноких вдовцов другое обстоятельство—старость и дряхлость, когда на службу не берут, а таких среди вдовцов 50%. Ведь женатых среди самогонщиков 73%, а среди рецидивистов 85,7%, т. е. семья гонит и толкает, добывай средства как хочешь, но только добывай. А способы добывания средств ограничены, только служба, ну, а она дает недостаточно.

Есть еще торговля. Но для занятия ею нужно уменье и сноровка, а главное, капитал. А его-то и нет. Чем же заняться в таком случае? в особенности, когда при массовом

сокращении штатов начинают выгонять женщин, затем неквалифицированных полуграмотных мужчин? Куда деться? На преступление итти? На это рабочая масса, честная в своей основе, конечно, идти не может. И идет по линии наименьшего сопротивления. Их слабое интеллектуальное развитие не делает различия между торговлей самогоном и торговлей разрешенными к продаже продуктами. Понятие вредности самогона у них отсутствует. Оно имеется только в такой степени, как понятие, что курить не хорошо.

И поэтому поскольку этим промыслом, как указывают сами осужденные, „ума не требуется, поставил на примус и гони", то к этому легкому заработку, не отрывающему от ухода за детьми, и дающему возможность вести домашнее хозяйство—пошли те, кто считал, что иным путем он не выбьется из цепких лап нужды.

Поэтому-то количество осужденных, несмотря на жестокую репрессию, не уменьшалось.

Взгляд на занятие этим промыслом, как на занятие допустимое, „не преступное", способствовал привлечению большего числа.

По мнению среды, из которой вышли самогонщики, это занятие равносильно изготовлению и продаже необандероленных папирос. И поскольку последнее, по мнению массы, только нарушение закона, а не уголовное преступление, постольку в отношении изготовления самогонки и ее продажи установился такой же взгляд.

Поэтому и репрессия не помогла делу, а, наоборот, явилась сама фактором преступности, ибо, при конфискации имущества, нарушала благосостояние семьи и так уже нарушенное и в результате родила пауперизм, а высылка из Москвы создавала из малолетних членов семьи лишние кадры беспризорных и новых кандидатов в преступники.

И правильным и целесообразным явилось специальное постановление ВЦИК от 18 июля 1923 г. о досрочном освобождении самогонщиков по отбытии 2-х месяцев заключения осужденных по ст. 140 и 4-х месяцев—осужденных по ст. 140а.

Это постановление было принято в результате работ особой комиссией, созданной по инициативе Центральной Контрольной Комиссии и Московского Совета для производства обследования и разгрузки московских мест заключения. Комиссия работала под председательством председателя Судебной Комиссии Верховного Суда, т. Сольца.

В вводной части постановления ВЦИК указывает, что преступления эти совершены вследствии вековой темноты и невежества.

Если бы был своевременно изучен состав преступников, то к этому выводу власть пришла бы ранее. Этим подчеркивается важность научного изучения преступности. Это не прихоть и не баловство, а необходимость. Только та карательная уголовная политика хороша, которая основана на изучении происхождения преступности и состава преступников.

Если бы был своевременно освещен вопрос о самогонщиках, если бы не было наскока в этом деле, то не пришлось бы столь авторитетному председателю этой комиссии подчеркивать в своей статье, посвященной итогам деятельности комиссии („Правда“ № 187 от 22 августа 23 г. „Наша карательная политика“), „что те преступления, которые охватывают широкие массы трудящихся, которые вызываются бытовыми условиями, острой экономической нуждой... не должны влечь за собой слишком суровых наказаний“ [1]).

Александр Аронович.

Сентябрь 1923 года.

---

[1]) 9-го янв. 1924 г. новая редакция ст. 140 и сл. учитывает фактор нужды при самогонке.

Криминальные психопаты современности и борьба с ними.

Мировая война потрясла не только социально-экономические основы, но и нервно-психическое здоровье народов. В ней сплелись в один порочный круг, расшатывая нервно-психическое здоровье народов, факторы различных порядков. И не последнее место среди них принадлежит душевному потрясению, психической травле в самом широком смысле слова, как причине душевных и нервных расстройств войны (фактор психогенетический). Во всяком случае ей принадлежит роль фактора, формующего болезнь в (ее) внешнем проявлении (патопластический фактор) и тем самым определяющего специфические черты психопатической физиономии современности. В психике каждого участника войны, оторванного от своего очага, бродящего с места на место, ради сохранения собственной жизни лишающего жизни другого, разоряющего и предающего пожару жилище и имущество неприятеля, живущего в постоянных опасностях, защищающегося не только оружием, но и хитростью, ложью, обманом, словом в психике каждого воина, перенесенного таким образом из современных культурных условий в условия изменчивой и необеспеченной жизни дикаря, должны естественно пробуждаться первобытные инстинкты, первобытные психизмы этого последнего. В мирной обстановке эти первобытные психизмы, как старые и глубокие пласты души, прикрыты слоем новых культурных отложений. Как раз эти примитивные слои психики привлекаются в последнее время к об'яснению многих психопатологических феноменов и, в частности, к трактовке психопатических личностей с их примитивными и истерическими реакциями. Это—учение Крепелина о частичных задержках

психического развития, о так называемых частичных инфантилизмах, положенное в основу толкования психопатических личностей, и учение Кречмера о гипонойе и гипобулии [1]) как преимущественных истерических механизмах.

В свете этих учений совершенно понятно, почему война, вызывая к жизни первобытные слои психики, оказала наибольшее действие на психопатические личности, уже от природы изуродованные в том же направлении, война активировала некоторые виды психопатий, она сделала их особенно яркими, она их размножила, ибо она прорвала хотя бы и тонкий культурный слой некоторых психопатов, но все-таки позволявший им приспособляться к общественному порядку мирной жизни; война, как родная для этих личностей стихия, вынесла их неприкрашенными во множестве на поверхность общества. И эта больная накипь войны настолько велика во всех странах, что вопрос о психопатах стал актуальнейшим вопросом современности. В задачи настоящей работы не входит обсуждение всех общих спорных вопросов, касающихся учения о психопатах, но мне невольно, хотя и на короткое время, приходится остановиться на некоторых выводах психиатрической науки, поскольку они связаны с основной темой об антисоциальных психопатах.

„Психопатическая конституция, наследственное отягощение и вырождение"—говорит Бумке—„вот три слова для одного и того же понятия и нечего говорить, что количество слов может быть умножено". Я бы сказал, что именно эти три слова наилучшим образом определяют изучаемое явление, и, главным образом, потому, что они далеко неравнозначны.

В отношении слова „вырождение" над нашей мыслью до сих пор еще тяготеет определение, данное отцом учения о дегенерации Морелем, как о роковом наследственном процессе постепенного, из поколения в поколение, упадка человеческого рода до глубоких ступеней идиотизма и форме-

[1]) Гипонойя и гипобулия - слова греческого происхождения; ими Кречмер обозначает те механизмы мышления и воли, которые сохранились у нас как остатки типа мышления и воли первобытного человека; гипонойальные механизмы обнаруживаются в образном конкретном характере наших мыслей во время сна (сновидения), гипноза и т. п.; гипобулические—выявляются в т. наз. автоматических инстинктивных действиях при сильных аффектах (напр. паническое бегство),

ного вымирания. Современное же учение о наследственности все меньше и меньше дает права допускать такого рода закономерность, напротив, скорее утверждать, что все признаки вырождения, как обусловленные факторами социального порядка, нищетой, дурной пищей, плохим воспитанием, вредными профессиями, алкоголизмом, сифилисом, туберкулезом и т. д., словом, „условиями, по выражению *Дриля*, жизни пролетариата", должны исчезнуть уже в ближайшем поколении с устранением всех этих условий. На основании результатов изучения вырождения несколько лет тому назад английской комиссией большинство авторов приходит к заключению, метко формулированному Геркнером: „вопрос вырождения это вопрос питания и жилища". „Что же касается законов наследственности, то это законы возрождения здоровья и законы регенерации, а не дегенерации"—(Бумке). Таким образом вырождение в новом научном понимании утратило свой прежний характер безнадежного фатума, а борьба с вырождением переносится в плоскость социальной борьбы за благополучие народа.

К кругу явлений, которые охватывает понятие о наследственном отягощении, относится и повреждение зачатка теми или иными ядами материнской организации (алкоголь, сифилис, туберкулез и т. п.) и наследственное предрасположение к той или иной болезни, вовсе еще не обозначающее самого болезненного состояния.

Наконец, что мы называем психопатической конституцией или психопатической личностью? Это—такое состояние психической личности, которое не может быть названо ни здоровьем, ни психической болезнью, это—состояние пограничное. Вот это отсутствие точного положительного определения психопатической конституции делает то, что сюда разными авторами относятся как различные по своему происхождению, так и просто различной психопатической квалификации аномалии. Так, Циген различает врожденные и приобретенные психопатические конституции. Да и фактически мы далеко не всегда умеем отличать исходные состояния некоторых болезней-процессов от врожденных психопатов.

Наконец, некоторые психиатры, как напр. Груле, относят врожденно-слабоумных (олигофренов) тоже к психопатическим личностям и не без основания. Всем известно, что очень многим психопатам и особенно так называемым врагам общества, антисоциальным психопатам, часто присуща некоторая степень интеллектуальной отсталости. Таким образом клинические рамки для психопатических личностей безгранично широки.

Итак, слова „вырождение, наследственное отягощение и психопатическая конституция" вовсе не обозначают тождественных понятий, но представляют собой треххвостную формулу, выражающую троеликость занимающего нас явления, вырождение—по преимуществу его социальное лицо, наследственное отягощение—его биологическое и психопатическая конституция—его клиническое лицо. Все три сливаются в одно больное, тревожащее нас лицо современности и определяют как прогноз этого явления, так и практический подход к нему, всю ширину задачи лечения и призрения психопатических личностей.

„Криминальная физиономия современности", говорит тюремный врач в Бриге Гиксен, „получает, благодаря многочисленным психопатическим личностям среди преступников, свою характерную печать". Далее Гиксен утверждает, что около 30% всех преступников современной Германии составляют психопатические личности. Я полагаю, что и у нас последние составляют не меньший, если не больший процент всех преступников. На это, по крайней мере, указывают результаты анкетного обследования арестных домов г. Москвы весною 1923 года, в котором мне выпало на долю принять деятельное участие. Психиатрически было обследовано около 644 арестованных и тут ясно сказалось различие между представителями так называемых преступных профессий, ворами, грабителями, бандитами, мошенниками, с одной сто-

[illegible] „честными преступниками", рядовыми гражданами, совершавшими преступление в силу тяжелого материального положения, самогонщиками, с другой. Если у первых наследственное отягощение встречается в среднем в 80%, травма головы—в 28,7%, алкоголизм и злоупотребление наркоти-

ками—36,3% и душевные болезни и припадки—в 18,5%, то у вторых, самогонщиц, все эти психопатологические тесты колеблются в пределах от 1 до 4%. (Табл. 1). Что за тип психопатов пополняет кадры современной армии преступников и не существует ли специального типа преступных психопатов? Среди психиатров, сколько мне известно, теперь не существует правоверных приверженцев учения Ламброзо о врожденном преступнике. Однако, один тип психопатов, как будто, современная психиатрическая мысль склонна рассматривать как тип врожденного преступника—это так называемого „врага общества" Крепелина или „эретика" Груле. Это душевно-тупые, лишенные каких-либо социальных чувств и вместе с тем активные в своих преступных склонностях психопаты. Но как раз этот тип психопатов очень редко встречается в рядах криминальных психопатов. Преступность одна из постоянных социальных реакций большинства психопатов, ибо основным свойством психопатической личности является ее социальная неприспособленность, ибо „вырождение порождает преступность, или как говорит Бирнбаум, вырождение само по себе криминогенно". О криминальных психопатах можно говорить не как о специальном типе врожденного преступника, но как о психопатах в силу некоторых черт своего психопатического склада особенно склонных к антисоциальному поведению. По степени склонности к антисоциальным действиям можно, пожалуй, было бы представить целую скалу известных нам психопатических типов, начиная от наиболее криминогенного характера врага общества через эпилептоида, импульсивного, врожденного плута, инстабля до невинного, подчас чрезмерно честного, психостеника.

Кого же мы психиатры называем антисоциальными психопатами? Курт Шнейдер говорит: „к врачу попадают только люди конфликта (Konfliktspersönlichkeiten), только такие психопаты, которые или сами страдают от своей аномалии или, благодаря ей, вредят обществу". Вот последние и являются антисоциальными психопатами. Как я уже говорил, во все наши группы психопатов входят больные личности различного этиологического происхождения: тут, повидимому, стойкие изменения личности, приобретенные вследствие

болезненных агентов, как-то травматики и постэнцефалитики (перенесшие воспаление мозга), тут и аномальные характеры, вызванные эндогенными [1]) психическими болезнями-процессами, как эпилептики и шизофреники и, наконец, врожденные, как мы их называем, конституциональные аномалии характера. Но все они в своем уклонении от психической нормы не переходят границ т. наз. „пограничников“, т. е. не душевнобольных в тесном смысле слова, но уродливых характеров, причем переход к нормальным характерам постепенен. Наши психопаты без резких границ сливаются с тем, что принято называть душевной нормой, с одной стороны, а с другой—с душевной болезнью. Невозможность установить этиологическую классификацию психопатов делает то, что принятые группировки их являются чисто характерологическими. Но мало того, благодаря этому мы не можем провести резкой границы между отдельными характерологическими типами психопатов совершенно так же, как между психопатией и нормой. Мы выделяем отдельные типы психопатических личностей только по преимущественному значению отдельных и основных черт характера их. Мы различаем инстаблей главным образом по слабости воли, нестойкости всей интеллектуальной и эмоциональной жизни; это люди беспечные, веселые, живущие сегодняшним днем и даже минутой, ни к какой выдержке в своей деятельности неспособные, склонные к фантазии, неактивные, из которых жизнь лепит, что ей вздумается, это „люди среды“. К ним подходят, с одной стороны по жизнерадостному темпераменту и легкомыслию гипертимики, а с другой, легкие степени врожденной умственной отсталости—дебилики, которые, благодаря своей интеллектуальной слабости, также внушаемы и податливы к внешним влияниям. Но такими же свойствами обладают и патологические лгуны и плуты, они также безвольны, но над всей психикой господствует и определяет их жизнь чрезмерная ничем неконтролируемая и несдерживаемая фантазия и склонность к маскараду в жизни. По существу, безвольные и импульсивные, но если поведение инстабля определяется

[1]) Эндогенные болезни—это болезни вследствие самоотравления организма.

окружающей обстановкой, то поведение импульсивного определяют мощные примитивные влечения: это, так сказать, бродяги, запойные, картежники по призванию. С ними в близком родстве эпилептоиды, но тут на всей психике, кроме власти влечений, еще печать беспричинных расстройств настроений, переходящих тоскливо-злобных эмоций, наступающих без внешних поводов, склонности к реакции на внешние впечатления тяжкими аффектами гнева и отчаяния, готовыми в любой момент затемнить их сознание, и, наконец, общая тяжесть, вязкость психических процессов, глубокий эгоизм, моральная тупость и т. д.

Совершенно естественно своей моральной тупостью и чисто животными интересами в жизни они сливаются с врагами общества и некоторыми шизоидными психопатами. Но о шизоидных и циклоидных психопатах следует сказать несколько слов специально. В недавнее время Тюбингенский психиатр Кречмер, исходя из клиники двух больших психопатических кругов, циркулярного психоза и шизофрении, сделал попытку классифицировать характеры нормальных людей. От ярких психотиков через пограничные психопатические состояния он переходит к нормальным типам людей, причем он оговаривается, что он вовсе не желает смотреть через обычные психиатрические очки на нормальных людей; в клинике—карикатуры на нормальные конституции, отражение этой нормы как бы в кривом зеркале; но это та изуродованность изображения позволяет легче отделить существенное от несущественного и правильно понять и воспроизвести нормальный, сложный, гармонично построенный характер человека. Попытка должна быть признана удачной, и цюрихский психиатр Блейлер расширяет рамки Кречмеровского учения о шизотимической и циклотимической конституции, утверждая, что шизоидия и синтония это общечеловеческие реакции. Вот какие типы рисует Кречмер: шизотимики—нормальные люди, по темпераменту отвечающие типу психотического шизофреника,—это люди полярных чувств, мыслей и действий, люди с душевной тупостью или чрезмерной чувствительностью, люди крайних установок в жизни, волевые или пассивные, холодного разума, расчета, или под-

чиняющие себе окружающее или уходящие от него, замыкающиеся в себя, люди порывистого психического темпа, всяких парадоксов, пафоса, или полного равнодушия, люди формы и т. д. Наоборот, цикломитики—люди теплого душевного чувства, которое колеблется от тоскливого до солнечно-веселого радостного настроения, люди открытые, принимающие жизнь так, как она есть, люди общества, люди мягких переходов гармонического волнообразного психического темпа, и т. д.

Но мало того, Кречмеру удалось установить постоянную связь этих двух основных темпераментов с определенной телесной конституцией. Так, шизотимики большей частью в своем телесном строении астеники (преобладание во всем строении тела длины над шириной, тонкокостные, худые, с удлиненными и острыми чертами лица), циклотимики же—в огромном большинстве случаев пикнического строения (мягкие, гармонические лица, гармоническое закругленное тело, старые пикники—приятного вида уютные толстяки). Кречмер различает еще несколько типов сложения: это, с одной стороны, атлетический (тут самое название говорит за себя) и с другой—диспалистики [1]), куда входят различные аномальные типы телосложения, как то евнухоидный, инфантильный (детский) и т. д. Оба и атлетические и диспластики, по Кречмеру, также иногда встречаются среди шизоидов.

Я вовсе не склонен рассматривать каждого преступника как психопата, но считаю себя в праве утверждать вместе с Риксэном, Ашаффенбургом и др., что основное ядро „блатного мира“ психопатично, и наши психопаты задают тон современной преступности. На это, кроме уже отмеченного у преступников высокого процента цифры наследственного отягощения алкоголизма и т. д., более непосредственно указывает высокий процент дегенеративных стигм детского возраста преступников, как-то: ночных страхов, лунатизма, ночного недержания мочи и т. д.; причем повторно-судившиеся дают более высокий процент этих стигм, чем однократно судив-

[1]) Диспластики—люди аномального телосложения, в то время как астенический, пикнический и атлетический типы являются типами нормального телосложения.

шиеся. Вот в каких цифрах по нашему анкетному обследованию выражается частота этих аномалий детского возраста у

	Воров	Бандитов	Убийц	Мошенников.
С одной судимостью.	38,6%	58,1%	33,3%	23,0
С повторной судимостью.	67,0%	66,6%	100%	55,5%

Таким образом, совершенно естественно, следуя Кречмеру, строить и характеры нормальных преступников по типам клинически изученных криминальных психопатов, однако, памятуя, что последние отражают норму в уродливом искаженном виде. Четырехлетнее знакомство с „блатным миром“ и анкетное обследование Московских ардомов убеждает, что, как и всякая честная человеческая профессия по мало еще известным нам биосоциальным законам привлекает людей соответствующих психических конституций, так же и различные преступные профессии предпочитают соответственные им типы психопатов и соответствующие им нормальные характеры. Так, бандиты, эти корыстные насильники-преступники, в большинстве эпилептоиды или родственные им импульсивные: воры, простые карманники, „домушники“ и другие, „по тихой“, беспечные, веселые, трусливые,—инстабли или гипертимики, но, как только для вора требуется больше дерзости, насилия, напр., для вора-взломщика, так и тип меняется, тут больше эпилептоидов; конспиративному характеру укрывательства отвечает обычно шизоидный тип самого укрывателя; несложная задача „стоящего на стреме“ (караульщика) выполняется торпидным (вялым) дебиликом; в мошенничестве помимо вооруженных плутов участвуют циклоиды и шизоиды, как более сложные психопатические типы, ибо и само мошенничество по своим механизмам да и на основании криминальной статистики — преступление более культурного общества; наконец, для убийства нужен враг общества с его душевной тупостью или родственный с ним в этом отношении шизоид (таб. II и III).

Попутно, при анкетном обследовании удалось отметить некоторые преимущественные связи между типом ха-

рактера и типом телосложения по Кречмеру. Циклоиды действительно по преимуществу, пикнического сложения, в то время, как шизоиды—астеники. Новым явился тот факт, что эпилептоиды и импульсивные большей частью атлетики, а инстабли—диспластики. Таким образом бандиты в большинстве случаев являются атлетически сложенными людьми, а воры — недоразвитыми, инфантильными или дегенеративно сложенными, евнохоидами и т. д. (табл.IV).

Таким образом, подводя итог анкетному обследованию, можно так характеризовать преимущественный психофизический облик представителей основных преступных профессий современности:

Преступная профессия	Психологический тип	Телесный тип по Кречмеру.
Воры	Безвольные: инстабли и дебилики гипертимики.	диспластики, пикники
Бандиты	Аффективно-инстинктивные: эпилептоиды и импульсивные	атлетики
Убийцы	Душевно-тупые: шизоиды и враги общества	астеники, атлетики и диспластики
Мошенники	Врожденные плуты, шизоидные плуты и циклоидные плуты	астеники, диспластики, пикники.

Анкетное обследование вскрывало также, как я уже говорил, часто понижение интеллектуального уровня моральных представлений у огромного количества обследованных арестованных. Таким образом, процент дебиликов разных темпераментов, может быть, несколько выше, чем помечен в таблицах; но при исследовании интеллектуальных способностей у преступников никогда нельзя исключить элемента аггравации (преувеличение симптомов болезни) и

даже симуляции, укладывающихся в картину так называемой псевдодеменции [1]). Да, наконец, как я уже указывал, провести границу между олигофренами и психопатами тоже невозможно. Рисунок психопатической физиономии московской преступности сделан грубыми масками, схематизирующими действительность и не претендует на нозологическую точность. Если полагать, что у нас психопатические преступники составляют не меньший процент, чем в Германии, т. е. около 30% по Риксэну, а на это указывает анкетное обследование, то уже для одной Москвы получается огромная цифра, во всяком случае, не меньше 1500—1000; по крайней мере, около 1000—1500 арестантов за год обращается к нам врачам психиатрам мест заключения за помощью в амбулаториях последних.

Что же с ними делать? Практически вопрос тесно связан с вопросом вменяемости криминальных психопатов. Конечно, „змея не виновата, что она ядовита". Но для нас психиатров, как детерминистов, вообще приемлема только формула Амона, что „моральной ответственности не существует, все люди невменяемы, что социальная ответственность—это социальная реактивность".

Однако, практически мы постоянно должны решать перед следователем, прокурором и судом вопрос о вменяемости, и признание данного преступника невменяемым в большинстве случаев обозначает, что мы принимаем его под свое психиатрическое крыло, применяя к нему все виды психиатрического воздействия, гарантируя общество от опасности с его стороны всем имеющимся в нашем распоряжении психиатрическим аппаратом. Можем ли мы признать невменяемыми всех психопатов? Подавляющее большинство психиатров отвечает на этот вопрос отрицательно. Большинство психопатов мы признаем уменьшенно вменяемыми, и это вполне отвечает тому, что психопатия является пограничным состоянием между нормой и болезнью. Только очень

---

[1]) Псевдодеменция—ложное слабоумие, отличающееся от деменции (слабоумия) своим преходящим, излечимым и целевым характером.

небольшую часть психопатов, психическое уродство которых так глубоко и резко расстраивает их психическую деятельность, что они мало чем отличаются от душевно-больных в тесном смысле слова, мы признаем невменяемыми, следовательно, принимаем в больницы. Остается огромная масса психопатических личностей более поверхностно изуродованных психически, но преступных часто в силу своей психической дефективности. Это те психопаты, про которых Поллиц говорит, что они „слишком здоровы для больницы и слишком больны для тюрьмы". Вот для этих психопатов совершенно естественно возникает мысль о постройке специального учреждения, возглавляемого психиатром. В этом учреждении, как верно говорит Шульце, „должен быть более бдительным надзор, большим выбор полезных занятий (ремесл и земледелия), более строго принуждение к труду, чем это практикуется и допустимо в обыкновенных психиатрических больницах, и, наконец, вся постройка со всеми приспособлениями должна отвечать своеобразию ее обитателей. Далее Шульце замечает: „С теоретической точки зрения вряд ли можно сделать какие-либо возражения против требования такого рода учреждения. Но тотчас же поднимается практическое соображение, располагает ли государство достаточными средствами для постройки такого промежуточного между тюрьмой и больницей учреждения". И на последний вопрос для Германии он отвечает отрицательно. Я думаю, что и мы вряд ли располагаем достаточными средствами в настоящее время.

И Ашаффенбург говорит о таком промежуточном учреждении для психопатов, у которых не болезнь, а опасность для общества стоит на первом плане. Для таких психопатов не может быть построено психиатрическое учреждение, но оно должно приближаться к типу тюрьмы. Для большинства этого рода психопатов вполне пригодны, по мнению Ашаффенбурга, сельско-хозяйственные поселения, при которых должно быть маленькое отделение для возможного состояния сильного возбуждения некоторых поселенцев. Он протестует против краткосрочных заключений в работные дома и тюрьмы, и стоит за, без определенного срока, дли-

тельное поселение антисоциальных психопатов в этих сельско-хозяйственных поселках, ибо опыт учит, что большинство их становится даже в работных домах очень прилежными рабочими и в труде вовсе уж не так трудно переносят ограничение своей свободы. Во всяком случае это лучше, чем после короткого срока наказания выбрасывать этих людей на еще более короткий срок на улицу, откуда они, вновь совершая преступление, попадают в тюрьму. Но для всякого правонарушителя, по мнению Ашаффенбурга, от душевно-больного до здорового преступника имеет силу одна и та же формула: приспособление защиты общества от правонарушителя к индивидуальности его".

Но прежде чем индивидуализировать средства общественной защиты нужно изучить индивидуальный облик правонарушителя. С этой стороны подходят американцы и решают в последнее время вопрос чисто практически. Они организуют психологические лаборатории при судах, тюрьмах, и лабораторный диагноз состояния осужденного рассматривается, как необходимое условие индивидуализации наказания и успешности его действия" (Люблинский, журнал „Право и Жизнь" № 5—6, стр. 121). Мало того, они организовали тюрьму-приемник, в которой имеется ряд медицинских клиник, психопатологическая лаборатория, штат для психотехнического анализа и штат социальных обследователей. Ведает этим приемником врач-психиатр. Из тюрьмы-приемника, результатами наблюдения которой пользуются суды при вынесении приговоров, осужденные направляются в учреждения, приспособленные к психическому облику осужденного. Словом, американцы реформируют свои тюрьмы, внедряя в них медицинско-психиатрическое влияние.

Я думаю, что это тот путь, которым сможем итти и мы. Если мы против тюремных навыков в психиатрической больнице, то, я думаю, мы все будем за психиатрические навыки в тюрьме. Прогрессивный характер советской пенитенциарной системы, с ее рядом различных пенитенциарных учреждений—от тюрьмы изоляторного типа—через переходные исправительные трудовые дома с их трудовым режимом, внутренней свободой и отпуском на волю до трудовых сель-

ско-хозяйственных, ремесленных и фабричных колоний, а также стремление опекать преступника вне тюрьмы: этот характер во многом совпадает с нашими пожеланиями. Все эти тенденции могут быть использованы для устройства наших психопатов. И от нашего психиатрического внедрения в тюрьмы может быть выиграют и т. наз. здоровые преступники. Наша задача организовать психопатологические кабинеты при тюрьмах, организовать криминальные клиники, которые, изучая преступника, вырабатывали бы и меры защиты общества от него и меры индивидуального исправительного воздействия на самого правонарушителя, пользуясь всем гибким аппаратом нашей теперешней пенитенциарной системы и внося в него наши психиатрические навыки.

Однако, конечная цель всякой медицинской работы—это профилактика, предупреждение болезни. И на горизонте борьбы с антисоциальными формами психопатий, может быть, самая важная и самая благодарная задача—это предупреждение развитий психопатий, это медико-педагогическая борьба с детскими и юношескими психопатиями. Вехи этой работы достаточно широко и определенно уже поставлены у нас в Советской России.

В заключение не могу не сказать несколько слов о прогнозе занимавшего нас в этой статье явления. Мне кажется, что психопатическая волна, поднятая войной и захлестывающая страну, сама по себе должна значительно улечься. В мирных культурных условиях и психопаты найдут себе место не только в антисоциальном, но и полезном для общества действовании. Преступления—это в большинстве случаев примитивные человеческие действия, для них имеются в культурном обществе соответственные эквиваленты социального поведения, на которые способны и наши психопаты. Как будто Ашаффенбург разделяет эту мысль, когда говорит про увеличение преступности после войны: „мы живем в больное время, в исключительном состоянии, и огромное распространение и обострение преступных склонностей должно расцениваться как симптом этого времени, который, надо надеяться, скоро исчезнет".

Е. К. Краснушкин.

Прилож. к статье Е. К. Краснушкина.

Таблица I.

	Воры.		Грабители.		Самогонщ.		Убийцы.		Мошен.	
	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.
Военная служба	68	--	78%	—	Самогонщики—мужчины исключены из таблицы, так как из них обследованы специально патологические типы.	—	84,5%	—	69,5%	—
Травма	37,5%	3,8%	47,5%	14%		0,3%	14%	12%	47,9%	—
Наследственное отягощение.	84,5%	70,5%	88,5%	100%		4%	28%	100%	56,5%	—
Наркомания (алкоголизм, кокаинизм).	44,5%	30%	47,5%	14%		1%	14%	—	43,5%	—
Душевные болезни и припадки	20,5%	20%	27%	21%		1%	—	—	4,4%	--
Общее число обследованных.	187	62	124	14		212	14	8	23	—

Повторно судившихся.

Таблица II.

	Воры.		Бандиты.		Убийцы.		Мошенники.	
	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.
Эпилептоиды . . .	12,0%[1]	29,6%[1]	35,5%	50,0%	50%[2]	—	—	--
Импульсивные . .	12,0%	0,0%	51,6%	50,0%	—	—	—	—
Инстабли	50,7%	57,0%	12,9%	--	—	—	—	—
Дебильные	9,3%	3,7%	—	—	—	—	—	—
Гипертимики . . .	4,0%	7,4%	—	—	—	—	—	—
Шизоиды	12,0%	22,2%	--	—	50%	—	44,5%	—
Циклоиды	—	—	—	—	—	—	55,5%	—

[1]) Главным образом воры-взломщики.

[2]) Корыстные убийцы—тип врагов общества.

Однократно судившихся. *Таблица III.*

Типы.	Воры.		Бандиты		Убийцы.		Мошенники.	
	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.
Эпилептоиды . . .	9,3% [1]	16,0%	41,3%	11,1%	50% [3]	—	—	—
Импульсивные . .	1,3%	4,0%	39,7%	—	—	—	—	—
Инстабли	53,9%	52,0%	3,2%	—	—	—	11,7% [5]	—
Дебильные	14,5%	0,0%	7,9%	—	—	—	—	—
Гипертимики . . .	7,9%	4,0%	1,6%	11,1%	—	—	—	—
Шизоиды . . .	10,0%	12,0%	6,3%	66,7 [2]	50% [4]	100% [4]	35,2%	—
Циклоиды	2,6%	4,0%	—	—	—	—	53,1%	—

[1]) В этой группе главным образом воры взломщики.
[2]) В этой группе женщины—укрывательницы бандитов и их жены.
[3]) В этой группе у нас корыстные убийцы, убийцы и убийцы аффективные.
[4]) Типы, частью приближающиеся к врагам общества.
[5]) Инстабли, больше типа лгунов и плутов.

Типы телосложения по Кречмеру. *Таблица IV.*

	Астенический.	Пикнический.	Атлетический.	Диспластическ.	СМЕШАННЫЙ. С преимущест. характ. атлетич.	СМЕШАННЫЙ. С преимущест. характ. астенич.
Эпилептоиды .	13,1%	—	68,4%	7,8%	10,72	—
Импульсивные.	18,1%	—	66,6%	3%	12,3%	—
Инстабли . . .	32,5%	4%	9,5%	50,8%	—	3,2%
Дебильные . .	8,4%	—	33,3%	58,3%	—	—
Гипертимики .	16,72	83,3%	—	—	—	—
Шизоиды . . .	33,3%	6,7%	33,3%	20%	—	6,7%
Циклоиды . . .	43,4%	66,6%	—	—	—	—

Е. Краснушкин.

„Дети преступники“ в исправительно-трудовом доме.

Вопрос о „детской преступности“ уже давно приковывает к себе внимание широких советских кругов. Лозунг *„дети цветы будущего“*—популярнейший в советской России. Однако, все больше и больше начинают беспокоиться, что в „будущее“ может войти большое количество отравленных и изуродованных „цветов“.

Лишний раз напомнить об этой опасности, лишний раз бросить, хотя бы и слабый, клич обществу на борьбу с этим злом—задача настоящей работы.

Перед нами прошла, как в калейдоскопе, картина преступной Москвы — от случайных самогонщиков до убийц-профессионалов включительно. Но все это уже сформировавшаяся публика, впитавшая в себя всю прелесть буржуазного строя и „культуры“, „цветы“ которой они и представляют.

На детях-преступниках мы покажем, сколь опасно наследие прошлого для грядущего будущего.

В общем наступательном движении детской преступности рост числа несовершеннолетних правонарушителей в Москве особенно бросается в глаза. Центр всей политической и хозяйственно-производственной жизни страны, Москва, одновременно сосредоточивает в себе и ,как в фокусе, концентрирует и все отрицательные стороны реальной действительности, все ее болезни и недуги. Столица всегда и везде является барометром состояния общества, таковым она служит и в данной проблеме.

Итак, каков облик подростающего поколения преступной Москвы? Но предварительно несколько замечаний о нашем материале.

Вовсе не задаваясь целью дать исчерпывающий обзор статики и динамики детской преступности, а лишь наиболее выпуклую сторону проблемы, ее, так сказать, наиболее зияющую рану, мы сознательно суживаем наш горизонт той частью несовершеннолетних правонарушителей, которые признаются неподдающимися медико-педагогическому воздействию.

Такие правонарушители, приговоренные к лишению свободы, в Москве, как правило, еще с начала 1921 г. попадают для соответствующего исправительно-трудового на них воздействия в специальное место заключения—Трудовой Дом для несовершеннолетних правонарушителей. Здесь, таким образом, мы имеем как бы цвет „преступной“ детворы всей Москвы и, пожалуй, всей Республики.

О количественном весе этой части Московского тюремного населения (без арестных домов и концентр. лагерей) и изменениях его можно судить по следующей таблице:

Числилось на 1-е каждого месяца в местах заключения г. Москвы несовершеннолетних правонарушителей.

НАЗВАНИЕ МЕС.	1919 г.	1920 г.	1921 г.	1922 г.	1923 г.
Январь	св. нет.	129	114	254	123
Февраль	22	83	163	247	125
Март	2	86	200	271	157
Апрель	3	95	255	220	194
Май	3	124	277	208	178
Июнь	1	2	295	211	209
Июль	3	—	290	243	173
Август	—	—	293	211	179
Сентябрь	6	122	160	188	181
Октябрь	94	38	317	134	108
Ноябрь	73	138	361	149	186
Декабрь	114	137	279	123	171

Если взять среднее число несовершеннолетних заключенных за каждое полугодие, то все пятилетие дает кривую,

которая изображает относительный рост детской преступности и которая частью об'ясняется колебаниями законодательства, имевшими место за этот период.

Начало периода, когда весь центр тяжести борьбы с детской преступностью лежит в медико-педагогических мероприятиях Комиссий по делам о несовершеннолетних, естественно, только единицы, в крайнем случае, десятки несовершеннолетних попадают в места заключения. Но вот тяжелая действительность заставляет пойти по пути уголовной репрессии против наиболее испорченной части молодых правонарушителей. Декрет 4-го марта 1920 г., повысив „привилегированный" возраст несовершеннолетних до 18-ти лет, предписывает, однако, передавать в Народные Суды дела тех несовершеннолетних, которые признаются Комиссией по делам о несовершеннолетних не поддающимися медико-педагогическому воздействию—и вместо десятков у нас уже сотни подростков.

Это период максимума несовершеннолетних заключенных в Москве. Затем начинается падение числа лишенных свободы несовершеннолетних. Но это отнюдь не потому, что пала преступность детей, и не потому, что Народные Суды чаще стали их посылать для соответствующего воздействия в учреждения Наркомпроса. Нет, тут оказывается действие Уголовного Кодекса и последующих к нему новелл. Понижение возраста уголовного совершеннолетия с 18 до 16 лет перевело значительную часть подростков из группы несовершеннолетних в число взрослых и тем самым они уже из данного поля зрения из'яты. Отсюда понятно, почему цифра несовершеннолетних заключенных пошла на убыль—резкое уменьшение числа лишенных свободы подростков должно быть отнесено за счет увеличения числа взрослых заключенных, в среду которых они декретом переведены.

Причиной же дальнейшего падения нашей кривой является введенное 4-й Сессией В.Ц.И.К.'а обязательное уменьшение лишения свободы для несовершеннолетних, т. к. при прочих равных условиях количество заключенных пропорционально величине сроков наказания—меньше сроки, меньше и тюремное население.

За что же лишаются свободы наши подростки?

Ответ на это дает нам следующая таблица:

Из 100 лишенных свободы несовершеннолетних было:

Осужденных за	в 1919 г.	в 1920 г.	в 1921 г.	в 1922 г.	в 1923 г.	В среднем за 5 летие.
Преступления против личн.	0,5 %	4,2 %	0,9 %	4,7 %	1,1 %	2,3 %
Преступл. пр. собственности . .	87,0 „	71,2 „	79,5 „	85,9 „	88,1 „	82,6 „
Преступл. пр. должн. . .	0,9 „	0,3 „	—	0,9 „	—	0,3 „
Прест. прочие.	11, „	24,3 „	19,6 „	8,5 „	10,8 „	14,8 „
Всего. .	100%	100 %	100 %	100 %	100 %	100 %

Таким образом путь почти всей массы несовершеннолетних, попадающих под „замок и решетку“, идет преимущественно через кражи. Да иначе и быть не может: слабые физически, они еще не доросли до физического насилия; недостаточно опытные и мало обученные, они еще не поднялись до более высоких ступеней преступных специальностей, и такие преступления, как подлог, мошенничество и т. п., требующие высокой квалификации, им мало доступны.

Отметим, кстати, что это явление повсеместно, как видно из данных, касающихся содержащихся в 1923 г. во всех местах заключения Республики срочно-заключенных.

Так из 100 отбывающих наказание лишением свободы было:

Осужденных за:	Среди всех заключенных.	Среде несовершеннолетних.
Убийство	5,0 %	2,1 %
Телесн. поврежден. и насилия над личностью	1,7 „	1,1 „
Преступлен. в области половых отношений	0,6 „	0,5 „
Кражу простую	31,3 „	79,5 „

Осужденных за:	Среди всех заключенных.	Среди несовершеннолетних.
Кражу квалифиц., грабеж и разбой.	12,2 „	7,2 „
Прочие имуществ. прест.	3,9 „	1,5 „
Прест. по должности	8,4 „	0,1 „
Подделку гос. знаков	0,9 „	0,1 „
Прест. против налоговой, воинской и т. п. повин.	3,9 „	0,1 „
Прест. против пор. упр.	4,9 „	0,8 „
Госуд. преступл.	6,9 „	1,8 „
Воинские преступл.	8,1 „	0,3 „
Прочие преступл.	12,2 „	4,9 „
Всего	100 %	100 %

Характер их преступлений, понятно, сказывается и на подсудности наших детей преступников.

Из 100 содержавшихся в Москве несовершеннолетних заключенных числилось за:

Назв. учрежд.	в 1919 г.	в 1920 г.	в 1921 г.	в 1922 г.	в 1923 г.
Суд.-следств. орг. . . .	—	0,3 %	03, %	0,1 %	2,2 %
Нар. Суд.	67,6 %	68,1 „	93,1 „	91,1 „	85,4 „
Друг. суд. учр. (Р. Тр. Губ. Суды)	0,6 „	7,5 „	2,1 „	1,4 „	1,3 „
Разн. администр. учрежд.	31,8 „	24,1 „	4,3 „	7,4 „	11,1 „
Всего	100 %	100 %	100 %	100 %	100 %

Подобным же образом резко рознится размах судебной репрессии против несовершеннолетних от таковой в отношении взрослых.

Так, из 100 приговоренных к лишению свободы каждой группы было в 1923 г. осужденных на срок.

Среди.	До 1 год.	Свыше 1 г.	Свыше 2-х до 3-х л.	Свыше 3-х до 5-ти л.	Свыше 5 до до 8 л.	Свыше 8 л.	Всего.
Взрослых заключен. . .	34,8%	26,4%	15,2%	15,2%	4,9%	3,5 %	100%
Несовершеннол	61,2 „	17,4 „	6,7 „	1,8 „	6,7 „	6,2 „	100 „

Что же питает этот отравленный поток преступной молодежи? Где его источники и как идет процесс его развития?

С группой учеников проф. *М. Н. Гернет* мы произвели обследование заключенных—подростков Московского Трудового Дома для несовершеннолетних правонарушителей.

Перед нами проходили „преступники", заключенные за решетку, как опасные на свободе вредители, а между тем собранный о детской преступности материал всегда и везде представляет из себя обвинительный акт против тех, кто их ловит, судит, „сажает"—против самого общества.—Виноваты-ли они, что мы допустили их до теперешнего их состояния, что предоставили их, слабых, беспомощных, покинутых на произвол судьбы, самим себе, что не из'яли их из-под разлагающего влияния преступной среды?

В самом деле, можно ли сомневаться в вине общества в отношении к ним, когда имеешь следующие цифры:

Степень беспризорности,	Было			
	среди питомцев труддома			среди московских правонарушителей в 1908—1909 г. [1].
	в день обследования 1923 г.	в 1922 г.	в 1921 г.	
Имевших в живых обоих родителей	18,52%	33,6%	37,5%	39,3%
Полусирот	31,48 „	35,3 „	34,9 „	57,2 „
Круглых сирот	48,15 „	31,1 „	27,6 „	3,5 „
Неизвестно	1,85 „	—	—	5,8 „ [2]
Всего	100%	100%	100%	100%

[1]) Обследование *М. Н. Гернета* и его учеников.
[2]) Внебрачные.

Общество, очевидно, не заменяет сиротам родителей, и место последних занимает улица, которая и шлет их вскоре в тюрьму.

Каждого опрошенного подростка обследователи, судя по общему впечатлению всей анкеты, относили в одну из трех групп—в группу только что вступающих на путь преступлений, еще, так сказать, мало тронутых улицей (группа А), в группу уже „видавших виды“, имеющих уже некоторый—уголовный стаж, но все же еще не опустившихся до дна, не совсем и еще не окончательно „погибших“ (группа Б) и группу уже прочно ставших на путь преступлений (группа В).

И вот, как видно из нижепомещаемой таблицы среди последней именно группы мы и имеем максимальный % покинутых всеми детей.

Получали воспитание.

	В родной семье.		В чужой семье.		В воспит. завед.		Были беспризорн.		ВСЕГО.	
	абс.	отн.	абс	отн.	абс.	отн.	абс.	отн.	абс	отн.
Подростки. А.	34	85%	—	—	4	10%	2	5,0%	40	100
„ „ Б.	17	44,74	5	13,16	3	7,89	13	34,21	38	100
„ „ В.	6	20,0	2	6,66	2	6,58	20	66,67	30	100
	57	52,78%	7	6,48%	9	8,33%	35	32,41%	108	100

Как же влияет на них улица? Об этом нам скажут следующие таблицы:

Начали посещать притоны в возрасте.

	От 7-ми до 10 л.		От 11-ти до 12 л.		От 13-ти до 14 л.		От 15-ти до 16 л		От 17-ти до 18 л.		Не посещ.	
	абс.	отн.	абс.	отн.	абс.	отн.	абс.	отн.	абс.	отн.	абс.	отн.
Подр. А.	—	—	—	—	1	2,5%	—	—	—	—	39	97,5%
„ „ Б.	—	—	1	2,63%	1	2,63 „	3	7,9%	1	2,63%	32	84,2 „
„ „ В.	5	16,67	3	10,0 „	7	23,33	3	10,0	—	—	12	40,0 „
Итого:	5	4,63%	4	3,7%	9	8,34%	6	5,36%	1	0,92%	83	76,85%

Начали употреблять алкоголь в возрасте.

	От 7-ми до 10 л.		От 11-ти до 12 л.		От 13-ти до 14 л.		От 15-ти до 16 л.		От 17-ти до 18 л.		Не употребляли.		Всего.	
	абс.	отн.	абс.	отн.	абс.	отн.	абс.	отн.	абс.	отн.	абс.	отн.	абс.	отн.
Подр. А.	—	—	1	2,5%	5	1,5%	4	10,0%	1	2,5%	29	72,5	40	100%
„ „ Б.	1	2,63%	2	5,26 „	5	13,16 „	8	21,06 „	—	—	22	57,89	38	100
„ „ В.	6	20,0 „	4	13,33	7	23,34	4	13,33 „	1	3,33	8	26,67	30	100
Итого:	7	6,48%	7	6,48%	17	15,74%	16	14,82%	2	1,85%	59	54,63	108	100

Начали нюхать кокаин в возрасте

	От 7-ми до 10 л.		От 11-ти до 12 л.		От 13-ти до 14 л.		От 15-ти до 16 л.		От 17-ти до 18 л.	Не употребляли.		Всего.	
	абс	отн.	абс.	отн.	абс.	отн.	абс.	отн.		абс.	отн.	абс.	отн.
Подр. А.	—	—	1	2,5%	—	—	1	2,5%	—	38	95,0%	40	100%
„ „ Б	—	—	—	—	4	10,53	4	10,53	—	30	78,94	38	100 „
„ „ В.	6	20,0%	3	10,0 „	8	26 66	3	10,0%	—	10	33,33	30	100 „
Итого:	6	5,55%	4	3,7%	12	11,11%	8	7,4%	—	78	72,22	108	100%

Половое сношение было впервые в возрасте

	От 7-ми до 10 л	От 11-ти до 12 л.		От 13-ти до 14 л.		От 15-ти до 16 л.		От 17-ти до 18 л.		Не были в полов. связи.		Всего.	
		абс.	отн.	абс.	отн.	абс.	отн.	абс.	отн.	абс.	отн.	абс.	отн.
Подр. А.	—	1	2,5%	2	5,0%	3	7,5%	2	5,0%	32	80,0%	40	100%
„ „ Б.	—	—	—	2	5,26 „	4	10,53	1	2,63	31	81,58	38	100 „
„ „ В.	—	2	6,67	5	16,66	5	16,66	1	3,33	17	56,68	30	100 „
Итого.	—	3	2,78	9	8,33	12	11,11	4	3,7	80	74,08	108	100

Таковы уроки улицы. Недаром так старчески смотрят их лица и так тусклы их глаза— не по времени много пережито, не по силам борьбы вынесено.

Мудрено ли после этого, что путь таких юнцов—это исключительно путь преступлений, и не удивительно, что на вопрос, чем они занимались до поступления в Трудовой Дом, получались следующие ответы:

Источники существования.

Источники существования.	Наименование групп							
	группа А.		группа Б.		группа В.		ВСЕГО.	
Сами зарабатывали (на фабр., в магаз. в услужен. и т. п.). . .	20	50,0%	17	42,5%	3	7,5%	40	100%
Средства родит.	9	56,25	6	37,5 „	1	6,25	16	100 „
Нищенство, воровство, бродяжничество	9	19,15	12	25,53 „	26	55,32	47	100 „
В приюте.	—	—	3	100%	—	—	3	100 „
Не выяснено.	2	100%	—	—	—	—	2	100 „
Итого	20	37,4%	38	35,19	30	27,77	108	100%

Около половины подростков, таким образом, по собственному их признанию, до лишения свободы жили уличной преступной жизнью; для остальных же преступления служат как бы отхожим промыслом, которым они поддерживают „свое хозяйство“.

Не без влияния, очевидно, и полученная ими наследственность, которая в цифрах рисуется следующим образом:

Из обследованных 108 подростков имели по восходящей линии.

	Обс.	Отн.
Вполне нормальных физически и психически	29	26,85%
Алкоголиков	57	52,77 „
Психически ненормальн.	4	2,77 „
Физически	9	8,33 „
Невыясненных	10	9,25 „
ИТОГО . .	108	100%

Характерны цифры, рисующие социальное происхождение несовершеннолетних преступников.

Из каждых 100 человек подростков было:

	1908—09[1])	в 1921 г.	в 1922—1923 г.г.
Детей фабр. зав. рабочих .	11,5%	16,7%	13,1%
„ чернорабочих . . .	7,5 „	30,7 „	8,5 „
„ крестьян	14,0 „	29,2 „	13,1 „
„ прислуги	11%	5,3 „	3,1 „
„ ремеслен.	20,0 „	5,7 „	24,0 „
„ торговцев	8,5 „	3,8 „	10,6 „
„ проч. и неизвестн. .	27,5 „	—	27,6 „
ВСЕГО . .	100%	100%	100%

Тут, как нельзя рельефнее, выступает тот факт, что главными поставщиками детей-преступников являются материально необеспеченные слои населения--факт, лишний раз подтверждающий связь преступности с экономическим благосостоянием.

Такова статистика „золотой молодежи“ из мира „отверженных“.

Какими же „дети-преступники“ перейдут в будущее? На этот вопрос можно ответить только более или менее правдоподобными предположениями. Они перейдут опасными профессионалами разных преступных специальностей, постоянными тюремными гостями, если мы своевременно и рационально не поставим их перевоспитания и психофизического лечения и если не позаботимся о том, чтобы суровая действительность с полным отсутствием средств к существованию по выходе в жизнь не парализовала всю проведенную с ними работу. Они выйдут участниками социального строительства, членами трудового общества, если мы, стоя у самого источника преступлений, будем регулировать и направлять стихию туда, куда следует, в интересах свободного труда и освобожденного человечества.

Наилучшая борьба с преступностью и наиболее усовершенствованная пенитенциарная системя—это забота о том, чтобы меньше всего попадало в тюрьму детей.

Оградите от тюрьмы подростающее поколение, и старая—„тюрьма“ с ее населением умрет сама собой.

В. Р. Якубсон.

---

[1]) „Дети преступники“. Сборн статей под редакц. проф. *М. Н. Гернет*.

Татуировка в местах заключения г. Москвы.

С легкой руки проф. Ц. Ломброзо вопрос о татуировке преступников имеет за-границею обширную литературу. Начиная от небольших заметок и кончая капитальными монографиями татуировка преступников рассматривается с разнообразных точек зрения: выясняется ее происхождение, распространение, характер или содержанне рисунков, затрагивается вопрос о связи татуировки, помимо преступности, с различными индивидуальными и соцальными моментами, и в результате мы имеем иностранную литературу социологического, психологического, медицинского и просто статистического характера [1]).

Совершенно иначе обстоит дело у нас в России: здесь тема о татуировке преступников, не смотря на протекшие пол-века со времени появления труда Ломброзо о преступном человеке, остается совсем не затронутою. Об'яснение этому надо искать прежде всего в условиях работы русских ученых, не имевших доступа непосредственно к самим преступникам в местах заключения, где только и было возможно их систематическое наблюдение. Немногие, хотя и ценные, исследования преступного мира, вышедшие из-под пера или тюремных врачей или самих бывших заключенных, обходили татуировку преступников молчанием, так как перед ними

[1]) Мы ограничиваемся приведением здесь лишь более значительных или более интересных работ. К числу таковых мы относим прежде всего работы директора брюссельской лаборатории пенитенциарной антропологии д-ра Vervaeck Le tatouage en Belgique Brux. 1906. 239 стр. Со многими рисунками. Perier Du tatouage chez les criminels Статья со многими рисунками в Archives d'Anthr. crim. 12 vol. 482 стр. и сл. Bland et Lucas Tatouage chez les prostituées. Paris 1899 со многими рисунками. Boygey Les detenus tatoués (с фотографиями). Там же 25 том 439 стр. и след.

открывалося обширное совершенно необработанное поле более широкого психологического, бытового и социологического изучения этого мира преступности и мира борьбы с ним.

Кабинет по изучению личности преступника и преступности включил в свою программу по собиранию материалов также и вопрос о татуировке преступников. Настоящий очерк и ставит своею задачею сообщить некоторые материалы по данному вопросу вместе с результатами их обработки и тем самым, может быть, положить начало собиранию материалов и в других местах, где уже производится или где будет производиться изучение личности преступника и самой преступности.

Приводимые ниже материалы о татуировке относятся к 198 заключенным из общего числа 1334, прошедших через обследование Научного Кабинета, и к 37 несовершеннолетним из общего числа 146 содержащихся в Московском Трудовом доме для несовершеннолетних. Сведения о последних были получены путем специального обследования с этою целью, произведенного нами при помощи группы наших слушателей из числа студентов Факульт. Общ. Наук Московского Университета.

Так как в русской литературе совершенно отсутствуют сведения не только о татуировке русских преступников, но также и иностранных, то мы сочли не лишнем познакомить нашего читателя хотя бы кратко с татуировкою преступников за-границею. Это будет не бесполезно также и для сравнения распространения татуировки и уяснения ее характера в русских и иностранных местах лишения свободы.

Слово „татуировка“ производится одними от слова полинезийцев „тату“, что означает „рисунок“, или от слова „Тики“—имя бога полинейзцев, установившего, по преданию, татуировку. В настоящее время словом татуировка обозначается всякий сделанный посредством уколов или надрезов рисунок на теле человека безразлично состоит ли этот рисунок в изображении какого-либо предмета или слов, букв, цифр или линий и точек. Существуют многочисленные и точные указания на распространение татуировки во все времена, начиная с глубочайшей древности. Об'яснения проис-

хождению татуировки даются различные. Одни подчеркивают значение религиозного момента. Так, Лоран приводит примеры такой татуировки у дикарей при обряде, заменяющем христианское крещение или еврейское обрезание, когда татуировка производится над новорожденным ребенком. Такой религиозный характер носит татуировка при наступлении брачного возраста или половой зрелости (китайский историк XII века сообщает о такой татуировке китайских девушек, лицо которых украшалось старою, опытною татуировщицею, рисовавшею на щеках и лбу девушек цветы, бабочек, насекомых. В Новой Каледонии жрецы культа змеи носят на лице, руках, груди изображения вытатуированных цветов, животных и особенно змеи. Точно также древние египтяне носили на коже изображение культа Изиды и Озириса. На острове Формозе женщины перез самою свадьбою татуировали всё лицо. Это наблюдалось у женщин айносов в устье реки Амура). Спенсер („Основания социологии“ III т.) указывает на татуировку, как на знак принадлежности к одной и той же трибе. При победе трибы татуированной над трибой нетатуированной, татуировка становилась внешним знаком превосходства и господства. Об'яснение татуировки, как предтечи позднейшей герольдии, когда дворянские роды получают свои гербы и печати, весьма распространенное, хотя встречаются указания и на татуировку, как знак подчиненности. В глазах современных дикарей татуировка знак мужества и средство украшения. В Новой Зеландии молодые девушки татуируются, чтобы замаскировать румянец на щеках и, при обряде татуировки, их матери поют: „татуируйся, чтобы не говорили, когда ты пойдешь на праздник: кто эта девушка с красными щеками“.

Как мы уже указывали, на распространение татуировки среди заключенных в тюрьмы обратил особенное внимание глава уголовно-антропологической школы проф. Ц. Ломброзо. Доказывая атавистическое происхождение преступности и прямую родственную связь между современным преступником и его древним предком-дикарем, Ломброзо и ссылался, между прочим, на распространение татуировки среди преступников. Факт такого распространения несомненен, хотя имеющиеся

статистические данные и показывают на значительные различия процента татуированных, обнаруженных при обследовании отдельными авторами. Так, например, доктор Гравес нашел среди 555 поступивших в тюрьму всего 41 татуированных (40 мужчин и 1 женщина), т. е. 7,3%. Росси определил процент татуированных в 23%. Лакассань среди 800 осужденных французских солдат нашел 40% татуированных. Ломброзо среди сотни несовершеннолетних, содержавшихся в исправительном заведении, нашел 40 татуированных. Такой же процент татуированных оказался среди 859 заключенных, обследованных во французской тюрьме Шарлем Перье.

Противники атавистического происхождения преступности видят в татуировке влияние тюремной жизни. Для них татуировка в большинстве случаев не предшествует преступлению, а следует за ним и об'ясняется скукою пребывания в местах заключения, где нечем убить медленно подвигающееся вперед время. Для сторонников такого взгляда на татуировку преступников, последняя не составляет не только исключительного, но и преимущественного свойства лиц, совершивших преступления: наоборот, некоторые профессии обнаруживают особую наклонность к такой же „моде" или привычке. Шарль Перье, автор очень обстоятельной и богато иллюстрированной снимками статьи о татуировке заключенных во французской тюрьме г. Ним, подчеркивает влияние тюремного заключения на распространение татуировки указанием на тем меньший процент татуированных, чем реже они бывали в тюрьме и, наоборот, на возрастание этого процента вместе с увеличением предшествующей судимости.

Процент татуированных среди впервые осужденных и рецидивистов.

	Татуирован.	Нетатуированные
Не имели судимости ранее . . .	22,8% . .	33,7%
Имели одну судимость.	17,4% . .	16,3%
Имели несколько судимостей . .	59,8% . .	50,0%.

Опросив 346 татуированных заключенных о месте, где была произведена татуировка, автор получил следующие ответы:

Место, где была произведена татуировка.

В большом городе (Марсель, Булонь, Ницца, Париж и др.)	43,35%
В полку	17,34%
В арестном доме	14,16%
В африканских батальонах	7,51%
В дисциплинарных батальонах	5,78%
В деревне	4,04%
На общественных работах	2,89%
На борту корабля	2,60%
В центральной тюрьме	2,31%
Всего	99,98%

Из этой таблицы видно, что на арестные дома, центральную тюрьму, дисциплинарные батальоны приходится 22,25% татуированных. Наблюдается большое распространение татуировки среди преступников—городских жителей: среди татуированных оказалось 68% город. жителей и всего 32% сельских: наоборот, среди нетатуированных 49% городских и 51% сельских. Замечается определенная связь татуировки преступника с его предшествующей профессией.

При выяснении мотивов татуировки большая часть отвечала, что сделала ее из подражания товарищам (41,32%) или от нечего делать (39,01%), на другие ответы приходится незначительные проценты: из тщеславия 4,62%, в знак любви—2,02%, в знак дружбы 1,44% и проч.

Перье сообщает сведения о том возрасте, когда была сделана первая татуировка, но так как эти сведения не сопоставлены, как это делается ниже в нашей статье, с какими-

либо другими данными, то они имеют второстепенный интерес. Во всяком случае отмечаем, что громадная часть преступников татуировала себя в раннем возрасте, так как на татуированных впервые в возрасте 30 лет и старше пришлось всего 4 человека или 1,15% из общего числа 346 осужденных. Наоборот, в возрасте 7—14 лет татуировались 42 человека, или 12,13%, от 14—20 лет 107 чел. или 30,92%, от 20—25 лет 138 чел. или 39,88% и в возрасте 25—30 лет 55 челов. или 15,89%.

Образцы татуировки преступников во Французских тюрьмах.

Если преступник татуируется, то обыкновенно не ограничивается только одним рисунком. Цитируемый нами автор нашел по одной татуировке только у 59 чел. или 17,05%;

от 2 до 5 татуировок включительно имели 46,24% от 6 до 10 татуир. — 21,67%; от 11 до 20 тат. — 9,53%; от 21 до 30 татуир.—3,75%; от 30 до 40 татуир. 1,44% и один имел 41 татуировку. Этот последний после фотографирования его сделал еще 8 татуировок.

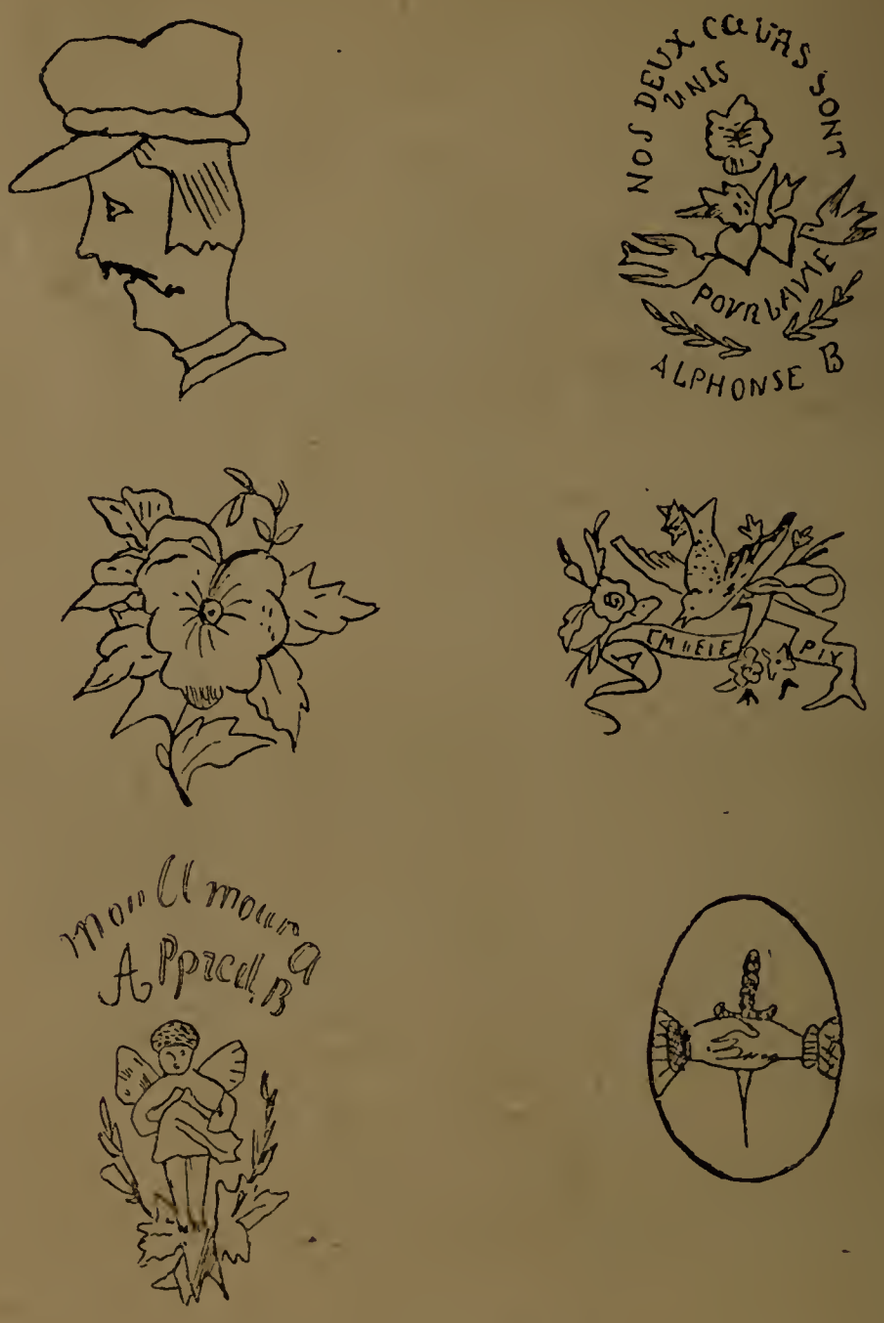
Содержание татуировок весьма разнообразное. Чаще всего рисунки носят фантастический характер, затем идут татуировки в виде имен, надписей, эмблем профессионального и военного характера, патриотические, религиозные и порнографические рисунки. Иногда размеры рисунка и тщательность выполнения не могут не остановить на себе внимания исследователя. Так, например, Лоран видел на спине одного преступника татуировку в виде мужчины „Маркиз без стеснений" и женщины „Княгиня без церемоний" вышиною в 28 сантиметров; они были окружены вазами с цветами вышиною в 35 сантиметров. Для работы над этой татуировкою, сделанною очень тонко, потребовалось более трех месяцев. Она стоила 200 франков. Чтобы дать некоторое представление о татуировке иностранных заключенных отметим рисунки, воспроизведенные в журнале Лакассаня (Архив уголовной антропологии). Очень часто встречаются мужские и женские головы и бюсты, фигуры танцовщиц, акробаток, наездниц и проч., кресты с распятием, цветы, гербы, сердца, пронзенные стрелою, якоря. Реже встречаются изображения более сложного содержания, например, встречались: изображение зуава, прицеливающегося из ружья у пушки, обезьянки с рыбкою на удочке, учителя с ослиною головою у доски, Эйфелевой башни, воздушного шара, могильного памятника с надписью: „ее более уже нет" и т. д. Из надписей приведем следующие „почет Дейблеру" (палачу), „рожден под несчастною звездою", „дитя несчастья", „смерть той, которая меня продает", „долой сострадание", „будущее меня пугает", „я не боюсь никого", „смерть жандармам", „отомстить или умереть". При осмотре Парижских тюрем начальник одной из них говорил нам, что ему приходилось видеть арестанта, на груди которого было изображение президента французской республики Карно и русского императора, соединенных между собою обнаженною женщиною, с подписью под ними „тройственный союз".

Процесс татуировки сам по себе не сложный. Если татуировщик умеет рисовать, то он сначала делает на коже карандашем или чернилами рисунок. Если же он не умеет рисовать, то переводит рисунок на кожу через сажевую бумагу. Профессионалы татуировщики имеют при себе (на

Профессиональная татуировка.

воле) альбомы с образцами татуировок. Чаще всего инструментом для татуировки служат связанные вместе три иглы, прикрепленные к палочке в виде ручки. Кончики игл обмакиваются в раствор туши, синьки, угля, в чернила или краску, и татуировщик, натянув посильнее кожу пальцами левой руки, запускает иглы под толщу кожи не более чем на полмиллиметра. Таков же прием татуировки и в русских тюрьмах.

В некоторых случаях, но редких, татуировка покрывает все тело заключенного. Чаще всего рисунки встречаются на руках и на груди, но они попадаются даже на голове и на половом органе, на ягодицах (обыкновенно бесстыдного содержания, например, изображение на каждой ягодице по зуаву с ружьем на перевес „в штыки“ и надписью—„вход запрещен“. Впрочем, как бесстыдные рисунки встречаются и на других местах тела, так и религиозные встретились даже на половом органе (изображение кладбищенского креста).



Татуировка проституток.

Нижеследующая таблица показывает на каких частах тела и как часто встречались рисунки различного содержания.

Татуировка „на показ“ (для платного демонстрирования).

Местонахождение татуировки.	ИЗОБРАЖЕНИЯ. Професс. и военн.	Патриот. полит. религ.	Эротич.	Фантаст.	Надписи, инициал., цифры, точки	ВСЕГО тауиров.	ОБЩАЯ сумма.
ГОЛОВА:							
Лоб	—	1	—	—	6	7	22
Основ. носа	—	—	—	2	1	3	
Щеки	—	—	—	—	11	11	
Подбородок	—	—	—	—	1	1	
Шея	—	2	—	6	2	10	10
Грудь	9	16	—	70	17	112	112
Живот	2	5	2	29	6	44	44
ЧЛЕН:							
Головка	1	—	—	—	—	1	6
Ствол	1	1	—	3	—	5	
Плечи	2	—	1	2	—	5	5
Спина	9	2	1	18	1	31	31
Рука	43	18	3	137	45	246	246
Локоть	5	10	—	32	22	69	69
ПРЕДПЛЕЧЬЕ:							
Перед. сторон.	135	61	10	341	230	777	1140
Задн. сторон.	36	26	3	180	118	363	
КИСТЬ:							
Наружн. сторон.	10	3	—	44	26	83	189
Внутр. сторон.	8	5	1	61	31	106	
РУКА:							
Ладонь	—	—	—	2	1	3	248
Тылов. часть	11	6	2	52	42	113	
Между больш. и указат. пальц.	27	8	—	53	64	132	
Пальцы	3	1	—	55	36	95	95
Ягодица	—	—	—	—	2	2	2
Бедро	1	2	1	7	7	18	18
Колено	1	2	—	16	8	27	27
Голень	3	2	9	15	7	36	36
Ступня	—	—	—	6	8	14	14
ВСЕГО ТИТУИРОВОК	307	171	33	1111	692	2314	

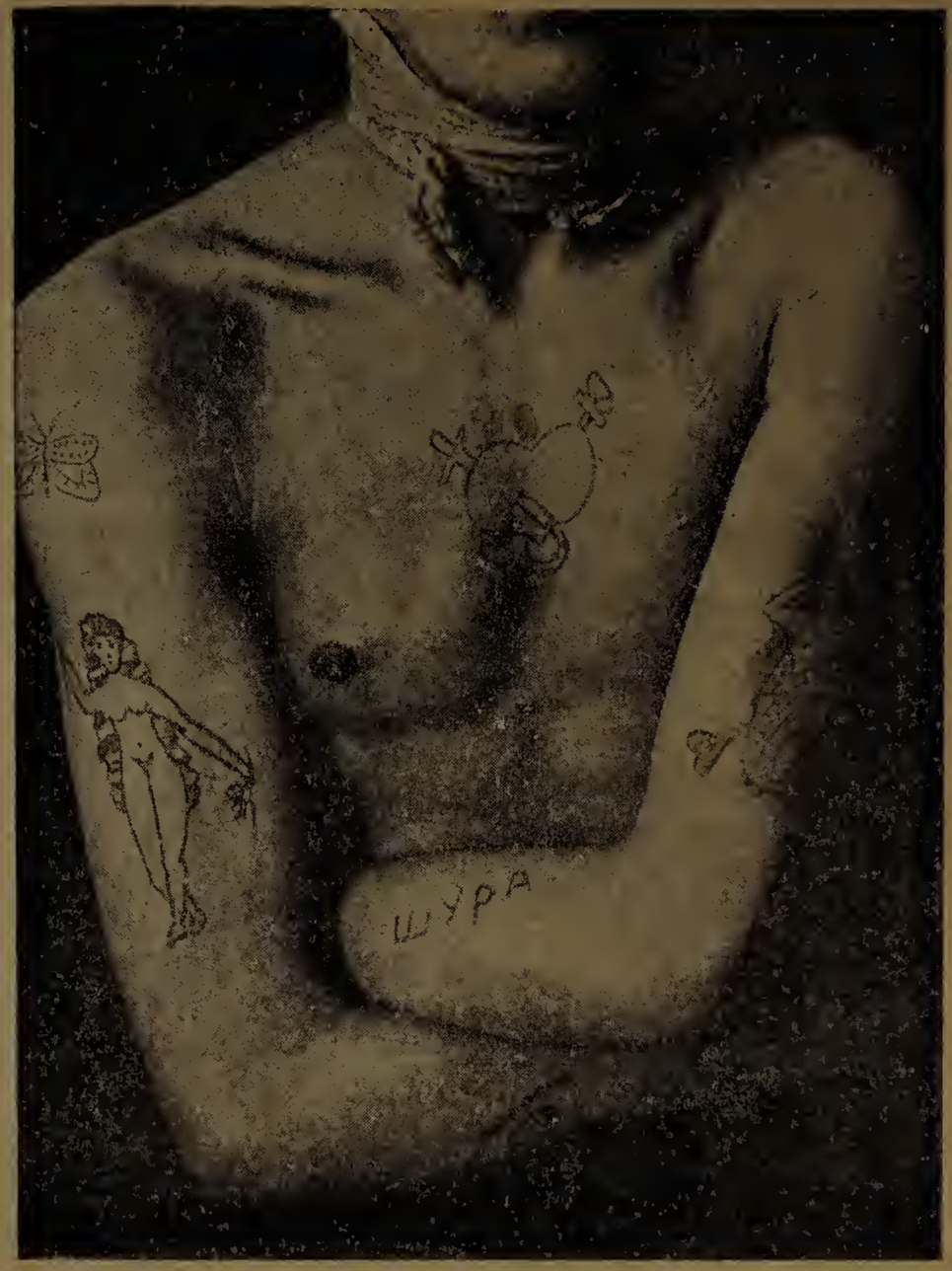
ОБЩАЯ СУММА 2314

ВСЕГО ТАТУИРОВАННЫХ . . . 316

Теория Ломброзо, видевшего в татуировке преступников доказательство атавистического происхождения преступности, встретила живейшие возражения. Тард в своей

„Сравнительной Преступности“ указывал, что татуировки дикарей и преступников совершенно различны и должны быть скорее противополагаемы одна другой, чем сопоставляемы. Для дикаря татуировка акт величайшей важности: он татуирует свое тело и прежде всего свое лицо, чтобы исполнить обычай своего племени на гордость своих жен, на страх врагам. Наоборот, преступник татуирует скрытые части своего тела ради тюремного безделия, от скуки, из подражания; в противоположность дикарю, покрывающему свое лицо арабесками, линиями, преступник делает изображение фигур, эмблем, циничных и других надписей. Татуировка распространена не только среди преступников, но и среди представителей некоторых профессий (см. рис. 225 стр.), особенно среди моряков и солдат.

Вервек, директор Брюссельской лаборатории по изучению преступности, в специальном и обширном исследовании показал на распространение татуировок среди представителей различного труда в Брюсселе. В этих случаях татуировка носит строго определенный характер и состоит в воспроизведении различных предметов, имеющих отношение к той профессии, которой занят рабочий. Например, булочники изображают на своем теле кренделя, башмачники—сапоги (иногда окруженные лавровым венком), брадобреи—бритвы, кузнецы—подковы, рыбаки—лодки или рыбы, столяры—рубанки и т. п. (см. рисунок 225 стр). Катерина Пигорини Бери установила распространение религиозных татуировок среди богомольцев, приезжающих на поклонение чтимой иконе. На память о таком посещении делались на теле изображения ангелов, крестов, икон и проч. Татуировка распространена очень мало среди представителей имущественного класса, но встречается и среди них, особенно у моряков и военных. Гавеллок Элли в его труде „Преступник“, впрочем, сообщает о лондонском татуировщике, который именовал себя „профессором татуировки“ и, по его словам, имел клиентов среди „знатных лиц“ и немало дам, делавших татуировку на руках, икрах и под коленкою в виде подвязки. Но татуировка среди женщин вообще очень редкое явление: несколько чаще она встречается у проституток, но



Татуировка несовершеннолетних, содержащихся в Московском Трудовом доме для несовершеннолетних.

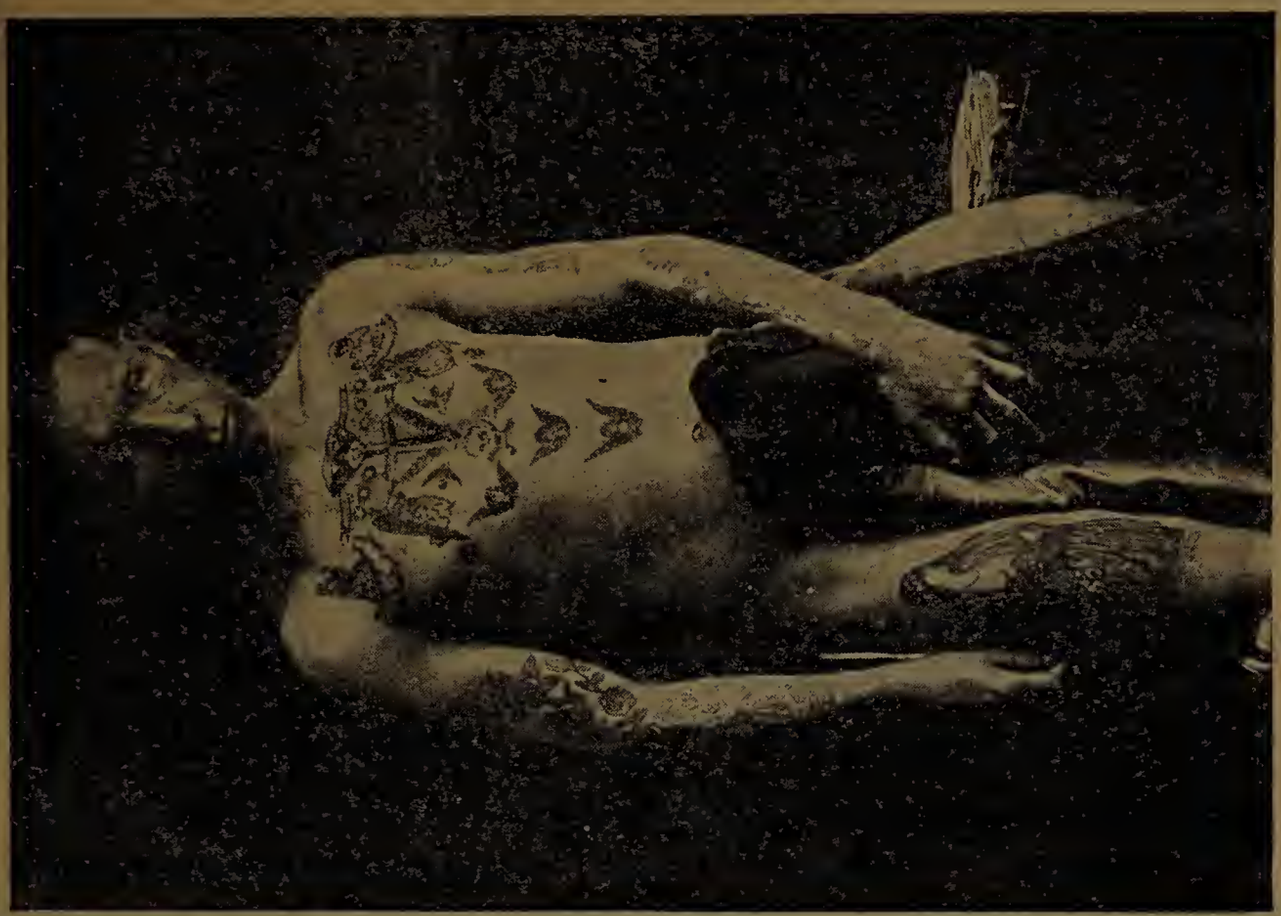
и среди них процент татуированных ничтожный. У них встречаются особенно циничные татуировки (например, одна имела на животе, ягодицах и на ногах татуировку в виде ажурных кальсон, но рисунок состоял из изображения громадного количества penis'ов). Впрочем, в специальной работе о татуировке у проституток, названной нами выше, ясно вырисовывается определенный тип рисунка, которым татуирует себя проститутка и который далек от цинизма. Наоборот, он носит сантиментальный характер и состоит в изображении цветочков с клятвою в верности „на всю жизнь": pour la vie (или P. L. V., см. рис. 226 стр.). Говоря о татуировке женщин, нам приходится отметить случаи, когда татуированная женщина демонстрировала себя за деньги на публичных представлениях (лично мне пришлось видеть таковую несколько лет тому назад в Москве). Нам неизвестно ни одного такого случая относительно мужчин. Эти татуированные женщины имели татуировки по всему телу и разнообразного содержания, при этом одна них в высшей степени художественную (см. фотогр. 227 стр.). Впрочем, нам известен один случай демонстрирования своей татуировки и мужчиною, но бесплатно для развлечения других заключенных, одновременно с ним сидевших в одной из Московских тюрем. Этот случай чрезвычайно характерен, как иллюстрация стремления арестованных разгонять тюремную скуку всякими средствами. Этот заключенный имел татуировку на одной ягодице кошки, а на другой—мыши, убегающей от преследования ее первой. Когда арестант, обнажив ягодицы, ходил по камере, получалось впечатление, что мышь и кошка бегут, и такое „зрелище" развлекало заключенных. Отметим, что, по мнению нескольких авторов, нахождение татуировки на ягодицах всегда служит показателем пассивной педерастии. Доктор Буагей, автор специальной работы о татуировке заключенных, приводит целый ряд фотографий татуировок с изображением женских головок, иногда чрезвычайно изящно исполненных, найденных им на спинах пассивных педерастов в тюрьме. Автор подчеркивает, что такие изображения женских головок на спинах нужны были тем заключенным, которых превращал в активных педерастов противоестественный режим

тюрьмы и которые, по выходе из мест лишения свободы, сейчас же отказывались от своего порока. Изображение же женских головок на спинах заключенных давало им возможность некоторого самообмана, своеобразную иллюзию.

Обращаясь к итогам обследования татуировки среди русских преступников отметим прежде всего те данные, которые были получены Кабинетом по изучению личности преступника и преступности. Через обследование этого Кабинета проходили задержанные Московским Уголовным Розыском, как по обвинению в преступлениях, так и в качестве социально опасных. До 1 января 1924 г. Кабинетом было обследовано 1334 чел., из коих 1136 оказались нетатуированными, а 198 или 14,8% татуированными. Так как обнажение производилось только до пояса, то процент татуированных, вероятно, несколько выше.

Нижепомещенная таблица выясняет степень распространения татуировки среди привлеченных к ответственности по различным преступлениям, в связи с рецидивом и с указанием, была ли татуировка сделана в тюрьме или на воле.

	Всего.	Не татуирован.	Татуирован.	%	% отношение между собою татуиров.		% отношен. между собою повторн. суд. татуирован.	
					В тюрьме.	На воле.	В тюрьме.	На воле.
1. Кражи, покупка краденого	857	723	134	16	70,2	29,8	65	35
2. Грабежи, бандитизм . . .	131	113	18	14	55,5	44,5	60	40
3. Убийство	22	19	3	14	66,7	33,3	50	50
4. Мошенничество	29	24	5	17	60,0	40,0	67	33
5. Проч. преступ.	121	110	11	9	54,5	45,5	60	40
6. Сомнен. в личн.	57	47	10	18	100	—	60	40
7. Социальн. опасн.	56	42	14	25	100	—	63	37
8. Неизвестно	61	58	3	5	33,3	66,7	100	—
ВСЕГО . .	1334	1136	198	15	70,7	29,3	63,6	36,4



Татуировка заключенных в Московских местах заключения.

Таким образом среди общего числа обследованных оказалось 15% татуированных. Очень близкий к этому среднему проценту оказался процент татуированных среди воров, грабителей, убийц, мошенников, отчасти и среди задержанных по сомнению в личности. Очень высоким оказался процент татуированных среди задержанных в качестве социально опасных, каковыми в большинстве случаев отмечаются агентами уголовного розыска лица с многократною судимостью, не имеющие права жительства в столице. Неопределенные по своему составу группы „проч. преступ." и „неизвестных" дали наименьший процент татуированных.

При исследовании вопроса, была ли произведена татуировка в тюрьме или на воле, выяснилось, что без малого две трети татуировали себя в тюрьме (70,7%); задержанные же в качестве социально опасных и по сомнению в личности все были татуированы в местах лишения свободы. Те самые группы, которые дали наименьший процент татуированных, дали вместе с тем наименьший процент татуированных в тюрьме.

Так как при обследовании проходивших через Кабинет возраст производства первой татуировки не выяснялся, то мы даем лишь таблицу о количестве татуированных по различным возрастным группам.

	Всего.	Не татуир.	Татуир.	%%
До 16 лет	19	16	3	15,8
16 и 17 лет	167	129	38	22,8
18—20 лет	242	202	40	16,5
21—24 лет	299	244	55	18,4
25—29 лет	287	253	34	11,8
30—34 лет	132	123	9	6,8
35—39 лет	95	78	17	17,9
40—49 лет	73	71	2	2,7
50—59 лет	17	17	—	—
60 и выше	3	3	—	0,0

Таким образом по данным Научного Кабинета, также и по данным французского обследования, наибольший процент татуированных приходится на молодые возрасты.

Но мы располагаем некоторыми сведениями о том возрасте, когда была произведена первая татуировка. Мы включили этот вопрос в наше специальное обследование татуировки среди несовершеннолетних, содержащихся в Московском Трудовом Доме. Обследование было произведено в апреле месяце 1924 года. Наша анкета содержала в себе вопросы, кроме фамилии и возраста опрашиваемого и совершенного им преступления, также о татуировке, ее содержании, времени ее производства, о месте, где она была сделана, и о части тела, на которой она имеется, о мотивах ее совершения, отношения к ней татуированного, прежней его судимости и некоторые другие вопросы. Для наибольшей правильности ответов на вопрос об имении или неимении татуировки все обследуемые были подвергнуты личному осмотру с обнажением туловища (до пояса). Через обследование было таким образом пропущено 146 несовершеннолетних, из которых 109 не имели татуировок, а 37 человек имели их в общей сложности 86 отдельных татуировок. Процент татуированных в Трудовом Доме оказался равным 25,3, т. е. очень не близким к тому проценту татуированных в исправительной итальянской колонии, который был обнаружен профессором Ломброзо (40%).

Возраст обследованных в связи с татуировкою в момент обследования следующий:

Возраст обследованных при обследовании:

	Всего	Не татуир.	Татуир.
До 14 лет . . .	5	5	
От 14—16 лет .	57	49	8
От 16—18 лет .	82	55	27
18 лет и более .	2	—	2

Следует отметить, что в действительности возраст осужденных был нередко старше показанного ими и указанного в обвинительных приговорах народных судей, так как

Татуировка заключенных в Московских местах заключения.

обвиняемые стремились уменьшить свои лета, чтобы воспользоваться льготами на понижение срока заключения.

Но бо́льший интерес имеет выяснение возраста при первой татуировке.

Сколько было лет при первой татуировке:

Возраст.	Число татуир.	Возраст.	Число татуир.
9 лет	2	14 лет	8
10 „	1	15 „	8
11 „	2	16 „	4
12 „	1	17 „ и б.	2
13 „	6	Неуказ.	3

Чрезвычайно раннее производство татуировок у наших обследованных очевидно: 32,4% из них успели получить татуировку в возрасте 9—13 лет.

Связь татуировки с пребыванием в местах заключения и общения с преступным миром выясняется из рассмотрения ответов, полученных на вопрос: „где татуировался". Из 37 несовершеннолетних почти половина, 16 человек, оказались татуированными во время их предшествующего заключения в различных местах лишения свободы, трое в детском доме, столько же в ночлежках и 15 человек в разных других местах (в том числе дома, на улице, на корабле). (См. фот. 231 стр.).

Но связь татуировки с предшествующим лишением свободы видна также из того факта, что среди об'явивших себя заключенными в первый раз процент татуированных оказался равным всего 16, 6%, а среди побывавших и ранее в местах лишения свободы—35, 3%.

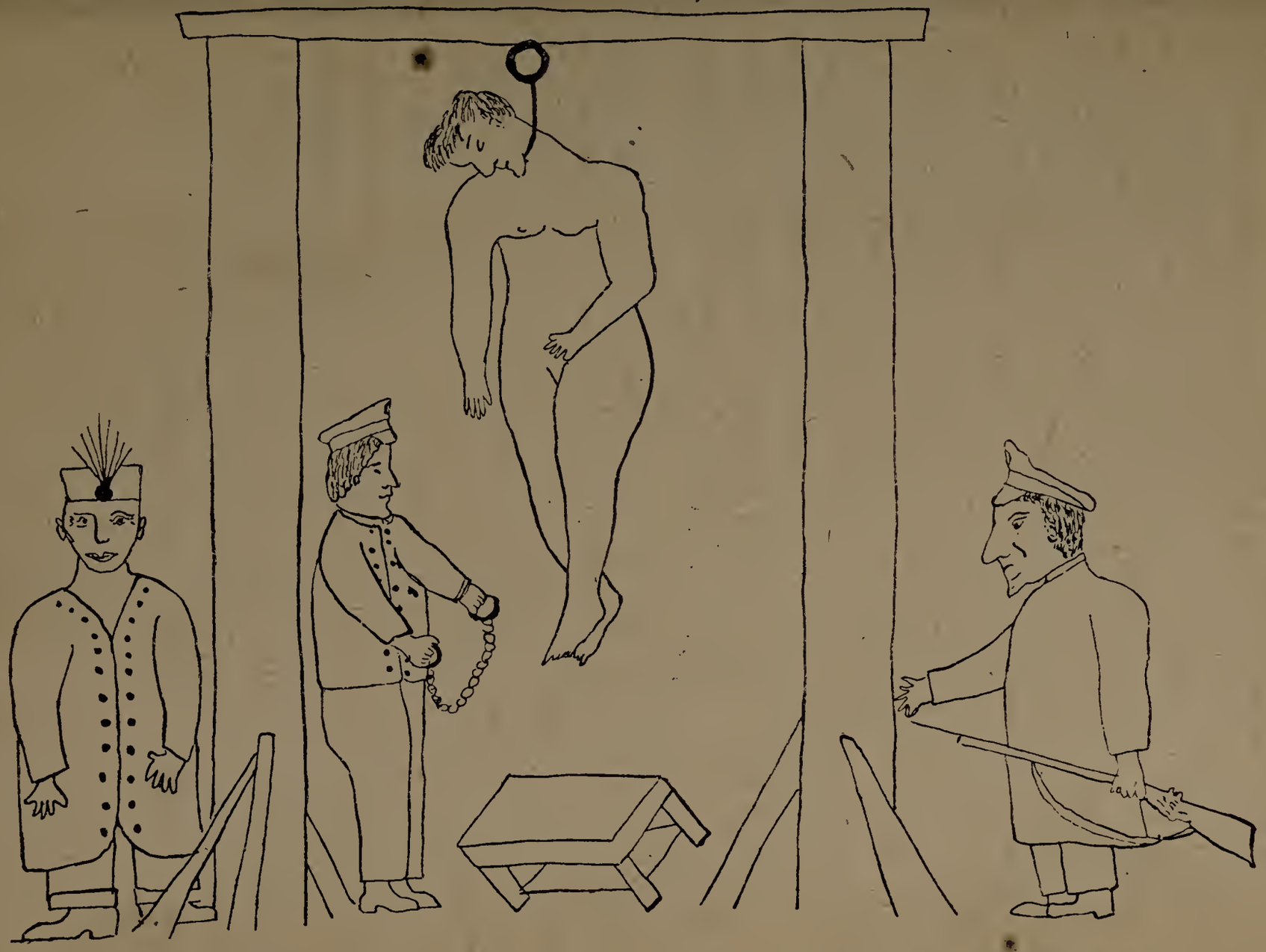
Общение татуированных с нетатуированными с одной стороны и тюремное безделие с другой играли главную роль в распространении татуировок среди несовершеннолетних: 14 из 37 об'яснили свою татуировку подражанием (37, 8%), 6 чел. об'яснили ее тюремной скукой (16, 2%), 4 указали на свое желание иметь ее для памяти (10, 8%). Указание на этот последний мотив нам приходилось слышать не раз и от взрослых заключенных. Один из них, имевший на груди изображение распятия довольно большого размера, на вопрос наш: „зачем татуировались", не без иронии отвечал

нам: „надо же что-нибудь привести из тюрьмы в деревню на память". Так как его татуировка возбудила интерес к нему среди посетивших арестный дом студентов, то ко вторичному посещению этого арестного дома он приготовил себе новую татуировку.

Не смотря на юный возраст обследованных, часть из них оказалась с несколькими татуировками. По одной татуировке имели 14 чел., по две—10 чел., по три—7 чел., по четыре—3 чел., по пяти—2 чел. и один имел десять татуировок. Этот последний, содержавшийся ранее в местах лишения свободы уже три раза и заключенный теперь в четвертый раз в качестве осужденного за кражу, 16 лет от роду, был впервые татуирован в девятилетнем возрасте. Все татуировки были сделаны ему несовершеннолетними товарищами в ночлежке, детском доме и в тюрьме „для развлечения". На правой руке у него имеются изображения бабочки, нагой женщины с цветком в руке, лента—корабль, череп и изображение, называемое им „Корейскою печатью"; на груди—сердце, пронзенное стрелою; на левой руке—дельфин, матрос, на запястье—дата „1916 г." и пр. Не смотря на это обилие татуировок, этот подросток проявляет к ним безразличное отношение, не гордясь ими и не сожалея о них. Впрочем из 37 несовершеннолетних гордился татуировкою только один, наибольшая часть сожалела, что произвела татуировку (19 чел.) и несколько меньшая проявляла вполне безразличное отношение (17 чел.).

Относительно тех частей тела, на которых чаще всего встречается татуировка, несовершеннолетние, повидимому, не отличаются от взрослых: чаще всего встречались татуировки только на руках (23 чел.), затем на руках и на груди (9 чел.). Только на груди татуировка оказалась у 4-х и на спине у одного.

Нас интересует вопрос о содержании рисунков татуировки преступников. Хотя Ломброзо и подчеркивает распространение среди них циничных, но это далеко не подтверждается статистическими изысканиями. Циничные татуировки среди обследованных нами заключенных встречаются очень редко и в нашей коллекции фотографий татуировок в мос-



Татуировка на груди заключенного на память о повешенном сотоварище.
Из альбома татуировок Вятского исправдома.

Татуировка Эрос и Психея

ковских тюрьмах имеется всего одна такого содержания. Чаще встречаются изображения обнаженных женщин иногда очень изящно сделанные. При сравнении содержания известных нам по литературе татуировок иностранных преступников и обследованных нами русских заключенных татуировка последних нам представляется более оригинальною. Мы считаем, что мировой рекорд в этом отношении побит изображением на груди одного из заключенных Московской тюрьмы копии картины Васнецова „Три богатыря“ (см. фотогр. 239 стр.). Иностранные преступники, насколько нам известно, „не додумались“ до воспроизведения на своем теле великих произведений искусства. Москвичами же побит рекорд и в области татуировки так называемого политического содержания. Она состоит большею частью в воспроизведении портретов королей, президентов республик и проч. Один из наших учеников-студентов Факульт. Общ. Наук, при обследовании случая покушения на самоубийство в ночлежном доме на Хитровом рынке, видел на груди одного из обитателей ночлежки галлерею портретов всего дома Романовых. Через наш Научный Кабинет прошел заключенный с татуировкою на груди английского короля и королевы в две краски. Разноцветные татуировки встречаются редко за-границею и в России. Но в некоторых случаях они обращали на себя внимание не только своею красотою, но и богатством красок. Нам встретилось, например, описание такой татуировки, когда обследователь был поражен точностью окраски татуировки с изображением ветки куста розы с бутоном и листочками. Из более интересных татуировок, встреченных нами в московских местах заключения, отметим татуировку некоего С. с изображением на груди креста, имеющего в своем основании череп, а по бокам коленопреклоненных ангелов; религиозные изображения имеются над обоими сосками, кроме того на груди же изображены четыре головки херувимов и две птички, на правой же ноге—большое изображение турчанки в чадре, шароварах, на правой руке—гирлянда листьев и проч. (см. фотогр. 235 стр.). Отметим также татуировку на спине одного заключенного в виде большого летящего орла со змеей в своих когтях; перья на орле и

чешуя на змее выполнены очень тщательно (см. фот. 235 стр). Этот сюжет встречался нами не один раз. Но чаще всего у московских заключенных встречаются татуировки в виде якорей и сердец (из 86 татуировок у несовершеннол. таких оказалось 21), крестов и др. изображений религиозного характера (14), разных надписей (14), женских фигур и головок (12), птиц и бабочек (9). Нам кажется, что ни содержание рисунков, ни надписей татуировок, не дает сколько-нибудь ценного материала для характеристики самих носителей этих татуировок. Нередко на одном и том же теле уживаются рядом рисунки религиозного и нескромного содержания, разные женские имена и клятвы верности, портреты политических деятелей или коронованных особ и бабочки, змеи и проч. С другой стороны такие татуировки, как, например, очень часто встречающиеся якори и сердца, горящие пламенем или пронзенные стрелами и кинжалами, или ничего не говорят или говорят лишь о минутных настроениях, о временных увлечениях. Отсюда вытекает и частое сожаление, что татуировка была сделана. Выясняющееся распространение производства татуировок в местах заключения с прямыми указаниями самих татуированных на татуирование себя там от скуки или из подражания другим заключенным, еще один лишний раз говорит о противоестественности тюремного режима, заставляющего искать развлечения хотя бы в этой небезболезненной операции татуировки, режима, превращающего здоровых людей в педерастов, создающих спрос на татуировку женских фигур на спинах других заключенных, одним словом того тюремного режима, где возможно наслаждение целой камеры заключенных, как мы указывали выше, зрелищем оголенных татуированных ягодиц.

Наш окончательный вывод: татуировка,—это как будто бы самое яркое и самое наглядное доказательство атавистического происхождения преступности, отнюдь этого не доказывает. Но она доказывает, что противоестественный режим тюрьмы иногда способен превратить заключенного в дикаря, развивая в нем вкусы и привычки его [illegible]енного предка.

Мих. Гернет.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Предисловие М. Н. Гернета . . . . . I—XLI.

Грабители и бандиты. Н. Н. Гедеонова . . . 3— 40.

Убийцы. С. А. Укше . . . . . 41— 81.

Случай изувечения мужа. А. Е. Петровой . . 82—101.

Рецидивисты (повторно-обвиняемые). В. И. Куфаева 102—144.

Воры. Д. П. Родина . . . . . 145—162.

Мошенники. Л. А. Скляра . . . . . 163—173.

Самогонщики. А. М. Ароновича . . . . 174—191.

Криминальные психопаты современности и борьба с ними. Е. К. Краснушкина . . . . . 192—207.

„Дети преступники“ в исправительно-трудовом доме. В. Р. Якубсона . . . . . 208—217.

Татуировка в местах заключения гор. Москвы М. Н. Гернета . . . . . 218—246.

ОПЕЧАТКА

На стр. 116, строка 7 сверху вместо „условной“ чита
„уголовной“.

THE TRVSTEES OF THE PVBLIC LIBRARY
OF THE CITY OF · BOSTON ·
1852 · 1878
BOSTON PUBLIC LIBRARY

BOSTON PUBLIC LIBRARY
3 9999 08892 394 9